

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»
Научно-исследовательский центр тверского краеведения и этнографии

ТВЕРЬ В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI–XIX ВЕКОВ

Издание подготовлено
Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым

Тверь, 2012

УДК 94(470.331)"15/18"
ББК ТЗ(2Рос—4Тве)
Т26

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РГНФ и Правительства Тверской области
в рамках научно-исследовательского проекта
«Тверской край в записках путешественников XVI—XX веков»,
проект № 11-14-69002a/Ц

Издание осуществлено при финансовой поддержке города Твери
в рамках социально-культурного просветительского проекта
«Тверь в записках путешественников XVI—XIX веков»

Тверь в записках путешественников XVI—XIX веков / со-
Т26 ставление, вступительная статья, биографические справки, подготов-
ка текста и комментарии Е. Г. Милогиной, М. В. Строганова. —
Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012. — 416 с.: ил. + 16 с. цв. ил.
ISBN 978-5-903830-39-8

В книге впервые собраны и систематизированы записки о Твери и Тверском крае русских и иностранных путешественников XVI—XIX веков. В свод входят сочинения известных и забытых авторов, книги, ставшие библиографической редкостью и недоступные современному читателю. Все эти путешествия сопровождаются историческим и социокультурным комментарием и позволяют представить образ Твери в исторической ретроспективе, в пространственной динамике, в движении системы ценностей.

Для жителей Тверского края, интересующихся родной культурой, и для гостей, желающих познакомиться с достопримечательностями Тверской земли; а также для научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов университетов, учителей и учащихся средних учебных заведений.

УДК 94(470.331)"15/18"
ББК ТЗ(2Рос—4Тве)

В оформлении обложки использованы материалы офорта А. Хиршфогеля
«С. Герберштейн во время путешествия по России» (1546)
из книги «Записки о Московитских делах» (Базель, 1557).

ISBN 978-5-903830-39-8

- © Е. Г. Милогина, М. В. Строганов, составление,
вступительная статья, биографические справки,
подготовка текста, комментарии, 2012
- © ТО «Книжный клуб», оформление, оригинал-макет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Г. Милогина, М. В. Строганов.

Тверская земля в записках путешественников XVI—XX веков 4

ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО ПЕТРА ПЕРВОГО

С. Герберштейн. 1517 19

Я. Ульфельдт. 1578 26

Н. Витсен. 1665. 33

ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Ю. Юль. 1709, 1710, 1711. 42

Ф. Х. Вебер. 1716, 1718 50

Ф.-В. фон Берхгольц. 1721, 1723, 1724. 57

А. Т. Болотов. 1770 65

У. Кокс. 1778 88

Л.-Ф. Сегюр. 1785 107

С.-Ф. де Миранда. 1787. 125

А. В. Храповицкий. 1787 129

ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

И. Ф. Глушков. 1801 145

Ф. Н. Глинка. 1811 171

В. А. Жуковский. 1837. 241

Ф. Г. Солнцев. 1830-е 255

М. П. Жданов. 1838 259

А. О. Ишимова. 1844. 263

Р. Шуман. 1844 282

И. Белов. 1848 288

П. И. Небольсин. 1849, 1851. 324

А. Н. Островский. 1856 350

ТВЕРСКАҰ ЗЕМЛҰ

В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

XVI—XX ВЕКОВ

Современный человек живет в мире, который постоянно путешествует. Коллективизированные толпы людей всех наций, бредущие по туристским тропам за своими гидами с разноцветными флажками и значками по улицам Праги, Парижа, Венеции, индивидуалы с выпученными глазами и картой в руке, стремящиеся в те немногие часы, которые у них есть, увидеть всё везде всегда, — вот символ нашего времени. Кажется, уже никто не сидит на одном месте. Пушкин в свое время сказал об Онегине:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест,
Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест.

Теперь эта «охота» стала не наказанием, а удовольствием, свойством не мучительным, а притягательным. Не пусти современного человека в отпуск попутешествовать, так ему и отпуск не в отпуск.

Эта смена культурной парадигмы весьма знаменательна и вместе с тем как бы самоочевидна. Человечество окончательно отключилось от ценностей традиционной культуры и стало ориентироваться на ценности культуры инновационной. Ценности циклического времени ушли в прошлое и сменились ценностями времени линейного. Как тут не побегать, покоряя пространство и время? Как тут не почувствовать себя обгоняющим минуты — часы — дни — месяцы — годы — века?

Вот эта связь нашего проекта со стремлением современного человека к путешествиям и делает его остро актуальным. Но, почувствовав неодолимое желание ехать куда глаза глядят, мы должны теперь понять, куда же глядят наши глаза и что же они могут увидеть.

Древний человек путешествовал всегда на край света. Он мог отойти и недалеко от своего родного полиса, всё равно это был уже край света,

земля невиданная, необитаемая, населенная чудищами и опасной нежитью. Поэтому древний человек практически и не путешествовал. А уж если его заносило в чужие края, как Одиссея, он испытывал только одно стремление — домой. Чужбина не увлекала и не интересовала. Так продолжалось долгое время. Даже великое открытие далекой Америки состоялось потому, что люди искали ближней дороги в Индию. Человек традиционной культуры почти ничего и не видел в чуждой ему культуре. Всё казалось дико, не по-нашему, всё — с песьими головами.

Настоящее открытие путешествия в современном понимании состоялось тогда, когда мир традиционной культуры начал разрушаться, когда стало возникать представление о единстве человеческой культуры в ее разнообразии, то есть представление о том, что теперь принято называть альтеричностью.

Но сперва человек увидел только крупные предметы (как носорог видит только движущиеся объекты), только чужие нации и народности, то есть почти так, как и человек традиционной культуры, видевший во всём чужом людей с песьими головами. Поэтому видели только путешествующие иностранцы. Ездившие же неиностранны просто ничего не видели и не замечали.

Постепенно и далеко не сразу свое стали замечать и свои путешественники: провинциалы — столичное, столичные жители — провинциальное. И естественно, провинциалы казались столичным штучкам такими уродами, что люди-то с песьими головами становились рядом с ними просто красавцами. И только когда человек научился видеть в другом человеке не чужого, а другого, только тогда и началось наше современное путешествие.

И вот эта история превращения *чужого* (нежить, немец) в *другое* (человек, германец), история превращения пугающего предмета в объект наблюдения с целью самопознания, вот эта история и есть стержень нашего проекта. Мы взяли тверской материал потому, что по рождению и воспитанию он нам дорог и хорошо знаком. Но, в принципе, это мог быть и любой другой региональный материал. Мы, правда, смеем думать, что Тверской регион репрезентативнее прочих в силу ряда объективных причин, но в той или иной степени аналогичные процессы происходили повсюду, и не только в России, но и за ее пределами.

Несмотря на усиливающуюся вертикализацию власти, процессы регионализации в современной России еще не прекратились. Многокультурное пространство социалистической России так или иначе превращается в поликультурное, гетерогенное постсоветской России. Этот процесс основан на внимании к уникальности и самобытности составляющих страну регионов. Осмысление уникальности и самобытности регионов осуществляет культура, в первую очередь — словесное творчество. Но литературные образы регионов фактически не исследованы,

а огромный литературный, публицистический и историко-культурный материал даже не введен в научный оборот.¹

Именно поэтому первостепенной задачей современного регионоведения и своей собственной задачей мы считаем введение в научный оборот материала путешествий по Тверскому краю. Мы надеемся, что наше исследование проблемы может оказаться небесполезным и для профессионалов, и для любителей. Между тем публикация полного свода литературных и публицистических путешествий, благодаря которым формируется образ Тверского региона, открывает путь не только к научному изучению этого материала, но и к политическому его освоению. Кто-то попробует описать с его помощью ментальность жителей Тверского региона. Кто-то другой попытается оптимизировать процессы реформирования и модернизации экономической, социальной, культурной жизни региона. Кто-то заманется на то, чтобы представить эффективное решение этих проблем на уровне региона в качестве залога успешного регулирования процессов культурной динамики всей России. Мы не стремимся к столь масштабным размахам. Мы просто намерены представить тверской и общероссийской общественности первый в нашей стране комментированный свод русских и иностранных путешествий по одному региону за максимально большой объем времени — с древних времен до начала XX в.²

¹ Примером внимания к целому России и небрежения региональным материалом могут служить издания, подготовленные и осуществленные в советское время, например: Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1986; Россия XVIII в. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989; Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст.. Ю. А. Лимонова, примеч. В. Г. Данченко. Л.: Лениздат, 1991. При неизбежной для антологий выборочной подаче текста в этих изданиях широко представлен материал, касающийся российских столиц, и почти полностью исключен материал региональный.

² Работа над проектом отражена в серии публикаций: Васильева С. А. Путешествие П. С. Палласа по Тверской губернии; Милюгина Е. Г., Касимова А. Б. Тверской край в книге К. К. Случевского «По Северу России» (1886); Милюгина Е. Г., Иванова А. С., Касимова А. Б. Города Тверского края в книге И. И. Кольшко «Очерки современной России» (1887); Корчмарчик Н. А. Тверской край в «Археологической экскурсии» И. А. Виноградова (1901); Строганов М. В. Экскурсия в системе краеведческих исследований и преподавания литературного краеведения // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. тр. междунар. науч. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. Вып. 2 (8). С. 162–185; Милюгина Е. Г. Образ Тверского края в «Путешествии Екатерины II в полуденный край России в 1787 году» // Вторые Конкинские чтения: сб. материалов всеросс. науч. конф. с междунар. уча-

Говоря о литературе путешествий, необходимо понять ее место в краеведении вообще и в литературном краеведении в частности. Обычно литературное краеведение сводится к изучению связей знаменитых писателей с тем или иным краем. При этом огромное количество литературных текстов, и актуальных для общественного сознания, и репрезентативных по отношению к местности, оказываются вне поля зрения исследователей. На самом же деле существует два способа формирования литературного образа региона, которые не укладываются в традиционно понимаемое литературное краеведение. Первый способ формирования литературного образа региона состоит в создании внешней точки зрения на регион, позволяющей увидеть его как нечто другое, отличное от нас (нравы, обычаи, язык); носителями этой точки зрения являются путешественники, сначала только иностранцы, потом и сами русские. Второй способ формирования литературного образа региона состоит в формировании внутренней точки зрения, в рамках которой фиксируются процессы мифологизации пространства и которая представлена по преимуществу в текстах местных жителей, автохтонов.

Ввиду положения Твери между двух столиц первый путь представляется наиболее актуальным, и именно с него естественно начать описание литературного образа края. Однако этот метод при всех его преимуществах до сих пор фактически не востребован в научных исследованиях Тверского региона и методологически не осмыслен. В работах самых ранних тверских краеведов преобладал метод автохтонных описаний региона,³ более поздние исследователи собирали и публиковали характеристики Тверского края сторонними наблюдателями, но не учитывали их особого статуса.⁴ Дифференцирование двух этих подходов

стием. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. С. 158–163; она же. «Каникулы 1844 года» А. О. Ишимовой и «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова: из истории формирования русской детской литературы путешествий // Детская литература и воспитание: сб. тр. междунар. науч. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. Вып. 8. С. 209–216; Милогина Е. Г., Строганов М. В. Принципы изучения «тверских» травелогов XVI—XX веков // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 18. Серия «Филология». Вып. 3. С. 37–43; они же. Тверской край в записках путешественников XVI—XX веков // Труды региональных конкурсов научных проектов в области гуманитарных исследований Тверской области 2011 г. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. С. 116–123.

³ Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь: Тип. Губерн. правления, 1893.

⁴ Колосов В. И. Прошлое и настоящее Твери. Тверь: Леан, 1994; Соколов И. И. Тверской край в XVI—XVII веках по описаниям иностранцев / подгот. текст и коммент. П. Д. Малыгина, А. Ю. Сорочана, М. В. Строганова // Литература Тверского края в контексте древней культуры: сб. статей и публ. / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 118–179.

на материале тверских региональных исследований было впервые предложено в самое недавнее время,⁵ но путевая литература и здесь не стала в центр исследовательского внимания.⁶ Одновременно с этими работами возникли и другие опыты,⁷ но они не стремились к исчерпыванию материала, а потому строгость и систематичность описания были недостижимы. В результате «тверские» травелоги до сих пор остаются не только нерепубликованными, несобранными и неисследованными, но даже и не учитываемыми в литературе.

Странно сказать, но на самом деле у нас в стране нет ни одного полного свода литературных путешествий по тому или иному региону.⁸

⁵ *Строганов М. В.* Литературное краеведение: учебное пособие для студентов филол. ф-тов ун-тов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. Допущено департаментом образования Тверской области в качестве учебного пособия для учителей средних общеобразовательных школ.

⁶ Русские писатели и Тверской край: учебное пособие для филол. ф-тов ун-тов / ред. М. В. Строганов, И. А. Трифаженкова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. Прил.: лит. карты Твери и Тверской обл. Допущено департаментом образования Тверской области в качестве учебного пособия по литературному краеведению для учащихся средних общеобразовательных школ.

⁷ Торжок в путевых заметках и мемуарах / сост. И. А. Бочкарева. Торжок: ВИЭМ, 2002; Тверь в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. В. Трущенко. Тверь: Научная книга, 2010; Город Торжок в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников, А. В. Трущенко. Тверь: Элитон, 2011; Город Вышний Волочек в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников, А. В. Трущенко. Тверь: Элитон, 2011; Город Старица в художественной литературе и публицистике: антология / сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников, А. В. Трущенко. Тверь: Элитон, 2011.

Своеобразной параллелью к такого рода антологиям служат распространяющиеся по всей стране альбомы «старого города». См.: *Ступкин Е.* Вышний Волочек на старинных открытках. Вышний Волочек: б. и., 2005; Тверь сто лет спустя: фотоальбом со старыми и новыми видами города Твери: в 2 ч. / авт.-сост. О. Б. Глонина, К. В. Литвицкий. Тверь: Тверское фото, 2011–2012; Тверская губерния на открытках: в 3 т. / сост. А. Н. Семенов, Е. И. Ступкин. Тверь — Вышний Волочек: Ванчакова линия, 2010–2012. Наш взгляд на значение этих коллекций см.: *Строганов М. В.* Ответы на вопросы форума «Исследования города» // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 192–201; то же: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/05/>. Следует учитывать, что антологии литературные дают образ города по преимуществу с точки зрения иностранца, а антологии изобразительные — с точки зрения автохтона.

⁸ Изданные на сегодня сборники региональных путешествий имеют существенные временные или источниковые ограничения; см., например: Великий Новгород в иностранных сочинениях XV — нач. XX века / сост. Г. М. Коваленко. М.: Изд. дом «Стратегия», 2005; По Каме и Уралу: путевые записки

В этом смысле наш замысел собрать и систематизировать свод записок и очерков русских и иностранных путешественников XVI—XX вв. о Твери и Тверском крае является первым и в отношении всей страны. Разумеется, крайние регионы (Русский Север, Урал, Сибирь, Алтай) в этом отношении изучены несколько лучше.⁹ Но для Европейской России в целом подобного рода работа не производилась.

В сформированный свод вошли сочинения ныне забытых авторов, книги, ставшие библиографической редкостью и недоступные научному сообществу. Помимо введения в научный оборот этих редких текстов, проект преследует и другую цель — исследовать образ Твери и Тверского края в исторической ретроспективе, в пространственной динамике, в движении системы ценностей. Осуществить эту задачу можно лишь на материале литературы путешествий. И тверская литература путешествий дает богатый материал для разработки методологии исследования травелогов в самых разных системах координат: временных, пространственных, социокультурных и т. д. Создание методологии анализа травелогов также актуально для отечественной науки.

Таким образом, авторы проекта ставят перед собой две принципиально новые для отечественной науки задачи. Первая связана с намерением собрать максимально полный свод записок и очерков путешественников XVI—XX вв. о Твери и Тверском крае, прокомментировать этот забытый и редкий материал и подготовить его к печати. Вторая задача состоит в разработке методологии исследования травелогов с разных точек зрения: исторических, ландшафтных, социокультурных, телеологических, текстуальных (свое/чужое, особое/всеобщее, столица/провинция, центр/периферия, мейнстрим/маргинальность). В основу данного опыта типологии путешествий положены два принципа. Первый принцип нашего описания учитывает ландшафт, техническое развитие и обусловленный этими причинами транспорт. Эта типология исходит из ландшафтных особенностей Тверского края и связанных с ними транспортных возможностей путешественников в тот или иной период. Иначе сказать, речь идет о том, чем вызван тот или иной способ передвижения и выбор маршрута, а вследствие этого — и хронотоп самого литературного путешествия. Вторая типология нашего описания основана на оценке локуса с внешней точки зрения как нестоличного: во-первых, в рамках социальной иерархии, а во-вторых, в моральных категориях.

XIX — начала XX в. / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Центр. гор. биб-ка им. А. С. Пушкина, 2011.

⁹ См., напр.: Уральская электронная историческая библиотека. Серия 12: Научные экспедиции по Уралу; Серия 13: Урал в описаниях путешественников. Свердловск: Свердлов. обл. универс. науч. биб-ка им. В. Г. Белинского; изд-во «Баско», 2011 (CD-ROM).

Ясно, что обе эти типологии пересекаются друг с другом. Оттенки пересечений и различий столь различны и многочисленны, что мы едва ли смогли бы описать их в нашем вступлении.

Наш замысел охватывает русские и иностранные травелоги XVI—XX вв., содержащие социокультурную информацию о Тверском крае. К сожалению, из-за очень большого объема собранного материала в настоящем издании нам приходится ограничиться только первой частью свода — травелогами XVI — первой половины XIX в. — и представить лишь наиболее примечательные (с той или иной точки зрения) путешествия. Но, как увидит читатель, и этот материал столь обширен и значителен, что систематически осмыслить его сможет только большой исследовательский коллектив. В настоящем издании весь материал расположен по хронологии.

В первый раздел вошли записки иностранных путешественников XVI—XVII вв., посетивших Россию с дипломатическими визитами и в связи с теми или иными посольскими поручениями побывавших и в Тверском крае. В допетровский период и в начале XVIII в. путешественники (а это были исключительно иностранцы) пользовались в основном водным путем, поскольку сухопутных дорог на Руси в это время было мало. При этом следует учитывать, что до начала XVIII в. Тверская земля находилась на пути к Новгороду. Поэтому водный путь шел по рекам Волге и Тверде, и иностранные путешественники фиксировали только те объекты, которые были связаны с этим маршрутом. С. Герберштейн (1517¹⁰), Я. Ульфельдт (1578) и Н. Витсен (1665),¹¹ как и републикованные ранее А. Олеарий (1634, 1636, 1639), А. Мейерберг (1661), Я. Стрейс (1668), Э. Пальмквист (1674),¹² охотно подчеркивали оппозицию свое/чужое, которая вплоть до петровского времени была исключительно релевантной при описании России на фоне Европы. В редких случаях в поле зрения попадала Старица, где время от времени Иван Грозный принимал иностранные посольства. В таком случае Старица (а вовсе не всё Тверское княжество) воспринималась как столица, как центр Руси, а то и как политическая соперница Москвы, что отразили путевые записки иностранных послов А. Поссевино (1581) и А. Гюльденстиерне (1602).¹³

¹⁰ Здесь и далее в скобках указаны даты посещения путешественниками Тверского края.

¹¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: МГУ, 1988; *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М.: Языки славянской культуры, 2002; *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664—1665. СПб.: Симпозиум, 1996.

¹² *Соколов И. И.* Тверской край в XVI—XVII веках по описаниям иностранцев.

¹³ Там же.

Во второй раздел включены памятники литературы путешествий XVIII в. Материалы этого раздела более разнообразны по тематике и телеологии описаний Тверского края, а также ракурсам описания локальных объектов.

Одна группа текстов этого раздела продолжает линию дипломатических путешествий, сложившуюся в XVI–XVII вв.: это записки посланников петровского времени Ю. Юля (1709), Ф. Х. Вебера (1716, 1718), Ф.-В. фон Берхгольца (1721, 1723, 1724)¹⁴ и дипломатов екатерининских времен графа де Сегюра (1785) и Фр. де Миранды (1787).¹⁵ Их тверские маршруты по большей части совпадают с маршрутами их предшественников. Но вследствие того, что во второй половине XVIII в. формируется почтовый тракт между Петербургом и Москвой, ракурсы восприятия и изображения ландшафтных объектов Тверского края меняются. Раньше земли, города и селения фиксировались с движущегося по водному пути судна, и само водное пространство как предмет описания отсутствовало. Теперь путешественник пишет и о красотах рек и озер, которые он видит из окна почтовой кареты. Изменение самого маршрута отражается и в системе фиксируемых объектов. Помимо находящихся на реках и потому неизбежных Твери, Торжка, Вышнего Волочка, путешественники запечатлевают образы и других пунктов петербургско-московского почтового тракта, и в частности селений и ямов, где им приходится останавливаться в связи с необходимостью перемены лошадей. В связи с удлинением общего маршрута путешествия особенности тверского его этапа осмысляются теперь на фоне новгородского, петербургского и московского фрагментов пути. Своеобразным поздним отголоском такого путешествия стала книга А. Кюстина (1839),¹⁶ автор которой, вообще пристрастно относившийся к России и видевший всё в черном цвете, описывает тверские эпизоды в том же самом ключе. Вместе с тем подобное пристрастие позволяет ему заметить то, что ускользало от внимания других, более объективных путешественников, какими были его современники Фр. Ансело (1826) и Ф. Б. Гагерн (1839).¹⁷

¹⁴ Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001; Вебер Ф. Х. Записки // Русский архив. 1872. № 7–8; Берхгольц Ф.-В. Дневник. 1721–1725 // Неистовый реформатор: Антология. М.: Фонд Сергея Дубова. 2000.

¹⁵ Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989; Миранда Фр. Путешествие по Российской империи. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001.

¹⁶ Кюстин А. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

¹⁷ Ансело Фр. Шесть месяцев в России. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Гагерн Ф. Б. Дневник путешествия по России в 1839 г. // Русская старина. 1886. Т. 51. № 7.

Вторую группу текстов XVIII в. составили не представленные здесь научные травелоги — записки об ученых экспедициях. Как правило, эти экспедиции инициированы императорской Академией наук, по поручению которой ученые отправляются изучать и описывать окраинные земли Российской империи. Маршруты ученых путешественников, выезжающих из Петербурга в южные провинции России, проходят через Тверской край. Вследствие этого тверские земли посещают иностранцы И. П. Фальк, П.-С. Паллас, С. Гмелин (все 1768).¹⁸ К группе научных травелогов примыкают путевые записки В. Ф. Зуева (1781) и позже В. М. Севергина (1802, 1803). Эта традиция получила развитие в «Путешествии на озеро Селигер» (1814) Н. Я. Озерецковского.¹⁹ Цель ученых поездок — исследования «трех царств природы» — определяет характер их путевых записок: они фиксируют наличие и состояние водных источников, характер почв, в поле их внимания растения, животные, рыбы и птицы Тверского края. Наблюдая за народной жизнью и промыслами, они описывают характерные для тверитян способы постройки жилищ, обработки древесины, просушки зерна и др. Но записки Озерецковского касаются и социальной жизни населения вокруг Селигера.

Третья группа выявленных текстов — путевые записки и дорожники, посвященные представительским вояжам. Прецедентами в этом плане стали «Путешествие Екатерины II в полуденный край России» (1786) и «Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II» А. В. Храповицкого (1787).²⁰ С этой традицией тесно связан «Ручной дорожник» И. Ф. Глушкова (1801),²¹ впервые изданный в связи с коронацией Александра I и посвященный супруге государя Елизавете Алексеевне, которая должна была совершить поездку из Петербурга в Москву на эту церемонию. Общая цель обеих книг —

¹⁸ Фальк И. П. Записки путешествия от Санкт-Петербурга до Томска. СПб.: Имп. АН, 1824; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Имп. АН, 1773. Ч. 1; Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб.: Имп. АН, 1771. Ч. 1.

¹⁹ Зуев В. Ф. Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб.: Имп. АН, 1787; Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства. СПб.: Имп. АН, 1803; Озерецковский Н. Я. Путешествие на озеро Селигер. СПб.: Имп. АН, 1817.

²⁰ Путешествие е. и. в. в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. СПб.: Тип. Горного училища, 1786; Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия е. и. в. Екатерины II в полуденные страны России в 1787 году. М.: Универ. тип., 1787.

²¹ Глушков И. Ф. Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами. СПб.: Имп. АН, 1801.

знакомство монарха со страной. Однако вояж Екатерины II носил заведомо представительский характер, и потому назначение «Путешествия» сводилось к обозрению державы и представлению царице материальных и человеческих ресурсов империи. Путешествие же, описанное в «Ручном дорожнике», при всем познавательном характере материала, камерно по масштабу и носит скорее частный, нежели официальный характер. Вследствие этого у Глушкова мы находим элементы занимательного, развлекательного характера, модифицирующие жанр представительского вояжа и придающие ему характер гранд-тура. В этом смысле его предваряют путевые записки У. Кокса (1778), посетившего Россию в качестве воспитателя лорда Дж. Герберта, и Н. Я. Озерецковского (1782), описывающие его поездку в качестве наставника внебрачного сына Екатерины II князя А. Г. Бобринского.²² Впоследствии эту традицию продолжают путешествия А. О. Ишимовой (1844) и П. И. Небольсина (1849, 1851).²³

Написанная после знаменитых травелогов А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина, книга Глушкова учитывает их опыт в выборе типа повествователя и манеры изложения материала. Путешествие строится на диалоге с воображаемым читателем, оно наполнено вставными эпизодами (один из них, предание об основании Отроча монастыря, оказал мощное влияние на последующую литературу) и отличается интимным, доверительным тоном. В этом плане, обобщая достижения травелогов XVIII в., книга Глушкова открывает новый путь развития жанра, который получил продолжение в путешествиях Ф. Н. Глинки (1816) и П. И. Сумарокова (1838).²⁴

Своеобразное интимное (и в этом смысле сентиментальное) путешествие представляет собой травелог А. Т. Болотова (1770),²⁵ оригинальный как выбором маршрута, так и приземленно бытовой причиной путешествия, порождающего, однако, эмоциональное повествование интригующего, романического типа. Только после Болотова записки Глинки осознаются вполне адекватно: и как традиция сентиментального путешествия, и как познавательный путеводитель.

²² Кокс У. Путешествие в Россию // Книги. Библиотека. История. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. Вып. 1; Озерецковский Н. Я. Путешествие по России. 1782—1783. СПб.: Лики России, 1996.

²³ Ишимова А. О. Каникулы 1844 года, или поездка в Москву. СПб.: Имп. АН, 1846; Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб.: Тип. Глазунова, 1850; он же. Рассказы проезжего. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1854.

²⁴ Глинка Ф. Н. Письма к другу. М.: Современник, 1990; Сумароков П. И. Прогулка по 12-ти губерниям. СПб.: Тип. А. Сычева, 1839.

²⁵ Болотов А. Т. Записки. СПб.: Печатня В. Головина, 1870—1873.

Как видим, жанровая структура путешествий начала XIX в. вырастает из XVIII в., и в этом смысле оба эти периода представляют собой единое целое, невзирая на различие маршрутов путешествия. Однако ученное путешествие в 1830-е гг. становится уже иным: не естественно-научным, а гуманитарным. Таковы травелоги М. П. Погодина (1841), С. П. Шевырева (1847) и А. Н. Островского (1856).²⁶ Погодин и Шевырев занимались историческими и социальными вопросами в силу собственных пристрастий, а Островский был послан на Верхнюю Волгу специально с целью изучения социальных условий и быта приречных и приозерных жителей. Впрочем, у всех трех путешественников мы находим много заметок и о культурной жизни края.

Совершенно новой разновидностью путешествия в это время стало путешествие в виде дневника. Таковы дневники иностранцев, путешествовавших частным образом: М. Вильмот (1803, 1808), Р. и К. Шуман (1844).²⁷ Сюда же относятся и два русских дневника: частное путешествие М. Н. Волконской (1810) и представительский вояж (совместно с цесаревичем Александром Николаевичем) В. А. Жуковского (1837).²⁸ Ясно, что путешествие Жуковского выбивается из этого ряда и удовлетворительно объяснить его в ряду общих литературных тенденций не удастся. Гораздо больше соответствует форме частного путешествия-дневника сочинение А. М. Петропавловского (1852), не предназначавшееся для печати и имевшее сугубо интимный характер.²⁹

В самом конце изучаемого нами периода появляются описания совершенно оригинальных поездок. Уже у Глинки был выбран экзоти-

²⁶ *Погодин М. П.* Путевые записки по некоторым внутренним губерниям // Москвитянин. 1848. № 12; *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. М.: Индрик, 2009; *Островский А. Н.* Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10.

²⁷ *Вильмот М.* Письма // Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. М.: Советская Россия, 1991; *Шуман Р.* Путешествие в Россию в 1844 году // Русские дневники и мемуары Рихарда Вагнера, Людвиг Шпора, Роберта Шумана. М.: Дека-ВС, 2004. С. 177–179; *Шуман К.* Из путевого дневника // Житомирский Д. Роберт и Клара Шуман в России. М.: Музгиз, 1962.

²⁸ *Волконская М. Н.* Дневная записка для собственной памяти: Дневник путешествия из Москвы в Петербург лета 1810 г. // Наше наследие. 2008. № 87–88; *Жуковский В. А.* Путешествие с в.<еликим> к.<нязем> // Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 14.

²⁹ *Петропавловский А. М.* Записки по случаю путешествия в 1852 году из Санкт-Петербурга в Кашин. М.: Вишневы Пирог, 2011.

ческий маршрут — водой по Волге от Ржева до Твери (не вполне, впрочем, удавшийся по внешним обстоятельствам). Столь же оригинальны водные путешествия Болотова и Петропавловского по Волге и вдоль Волги (соответственно от Талдома и Кимр в Кашин и из Твери в Кашин). Но самым оригинальным путешественником был И. Белов (1848).³⁰ За отсутствием биографических материалов мы не можем определить причины этого сложного по маршруту и длительного путешествия. Но нельзя не восхищаться упорством этого путешественника, который проехал в таких местах, где и современный путешественник не проедет и не пройдет.

Итак, первый традиционный путь — водный — соединял Новгород и низовские города; на пути неизбежно стояли Вышний Волочек, Выдропужск, Торжок, Медное и Тверь. Второй традиционный путь — сухопутный, на пути всё те же города. Разница, как мы уже говорили, в ракурсе взгляда и в точке зрения — с воды на сушу и с суши на воду. Лишь в тех случаях, когда путешественник едет не из Москвы в Петербург и располагает достаточным количеством времени, он выбирает водный путь.

Водные пути сообщения не были забыты и позднее, но использовались для исследовательских и репрезентативных целей. С организацией в середине XIX в. пароходного сообщения популярными стали путешествия по Волге. Они зафиксированы в многочисленных травелогах второй половины XIX в.: и в рассчитанных на широкого читателя путеводителях А. П. и Н. П. Боголюбовых (1862) и Г. П. Демьянова (1898), и в научном исследовании В. Рагозина (1880).³¹

Мы не включаем в наш свод очерковую литературу, в которой не изображается перемещение в пространстве, нет самой идеи путешествия. Более того, такие социально ангажированные сочинения призваны были либо выявить недостатки провинциальной жизни («Письма об Осташкове» В. А. Слепцова, 1861), либо сформировать представление о провинции как идиллии («Поездка в город Осташков» корреспондента «Журнала для чтения военно-учебных заведений», 1853).³²

³⁰ Белов Иосиф. Путевые заметки и впечатления по Московской и Тверской губерниям. М.: Тип. А. Семена, 1852.

³¹ Волга от Твери до Астрахани / общество «Самолет»; А. П. Боголюбов, Н. П. Боголюбов. СПб.: Тип. Гогенфельда и К, 1862; Демьянов Г. П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). Н. Новгород: Тип. Губерн. правления, 1898; Рагозин В. Волга. СПб.: Тип. К. Ратгер, 1880. Т. 1.

³² Слепцов В. А. Письма из Осташкова // Очерки. Рассказы. Повесть. Воронеж: Центрально-Черноземное изд., 1983; Б. п. Поездка в город Осташков // Журнал для чтения военно-учебных заведений. 1853. Т. 101. № 402.

Но вот во второй половине XIX в. создана железнодорожная магистраль между Петербургом и Москвой. В результате пространство сократилось: останавливаться на каждой станции, тем более на длительные время, необходимости не было. Торжок, ключевая фигура всех предшествующих путешествий, вообще выпал из дорожников. Вышний Волочек и Тверь сократились как шагреновая кожа. Между двумя столицами четко обозначилась черная дыра провинции, мало кому интересная.

Однако тут же возникло и противостояние этому неинтересу к русской жизни. На самом деле, раньше путешественник ехал куда-то либо с каким-то научным, деловым интересом (заданием), и лишь иногда появлялись бессмысленные поездки типа поездки И. Белова. Теперь же путешественником стало руководить лишь одно бессмысленно познавательное любопытство. Путешественник ехал не за чем, а просто посмотреть. Так в начале XX в. появилась серия «Культурные сокровища России», в которой Тверскому краю посвящена книга Ю. и Э. Шамуриных (1913).³³ Само название серии говорит о понимании русской провинции как самоценного мира, к которому неприменимы унифицированные столичные мерки. Свообразными предшественниками этих путешествий были «прогулки по губерниям», в которых на передний план выдвигалась оппозиция свое/соседнее, а путешествие становилось своеобразным пространством рекреации с целью открыть удивительное — рядом (Глинка, Ишимова). С конца XIX в. это направление связывается с проселочными дорогами, которые, с точки зрения авторов, позволяли репрезентировать уходящую усадьбную жизнь. Издания, подобные «Очеркам современной России» И. И. Кольшко,³⁴ представляли параллель к журналу «Столица и усадьба». В этих путешествиях Тверская земля оценивалась как периферия, но помещалась в центр внимания автора. В последней в этом ряду книге А. Н. Греча «Венок усадьбам» (1932)³⁵ показана самодостаточность усадьбной культуры. Но этот мир уже ушел в прошлое, и восстановить его было невозможно. Подобный взгляд был своего рода ностальгией по «России, которую мы потеряли».

Не потерять Россию, родную Тверскую землю. Вот с какой целью создана эта книга. Мы надеемся, что читатели книги согласятся с нами в оценке того интереса, который вызывает этот материал. Мы надеемся также, что данное издание станет пилотным и что вслед за ним в непро-

³³ Шамурины Ю. и Э. Калуга. Культурные сокровища России. Вып. 7: Калуга, Тверь, Тула, Торжок. М.: Т-во «Образование», [1913].

³⁴ Кольшко И. И. Очерки современной России. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1887.

³⁵ Греч А. Н. Венок усадьбам. М.: Аст-пресс книга, 2006.

должительном времени будет издан полный свод всего подготовленного нами материала.

Свод путешествий был подготовлен при участии большого творческого коллектива, и хотя в данном издании отразились не все результаты этой работы, мы рады принести благодарность всем, кто помогал нам в ней. Неоценимую библиографическую помощь на всех этапах работы оказывал нам Д. К. Равинский. Дружеское содействие в получении ряда текстов оказали нам А. В. Вишняков (путешествие А. М. Петропавловского) и Л. А. Тимофеева (путешествия Г. В. Геракова, «Письмо из Твери о пребывании е. и. в. великого князя цесаревича наследника престола» и анонимная «Поездка в город Осташков»). Л. В. Абрамова, О. А. Григорьева, И. В. Гришанкова, А. С. Иванова, Е. М. Карпова, А. Б. Касимова, Н. А. Корчмарчик, М. В. Логинова и О. С. Осипова осуществили набор ряда текстов (И. П. Фальк, У. Кокс, В. Ф. Зуев, Н. Я. Озерецковский, И. Ф. Глушков, П. И. Сумароков, А. О. Ишимова, И. Белов, П. И. Небольсин, Н. П. и А. П. Боголюбовы, К. К. Случевский, И. И. Кольшко, Г. П. Демьянов, И. А. Виноградов, Ю. и Э. Шамурны). Н. К. Дроздецкая подготовила текст и комментарии к путешествию Р. Шумана, Т. А. Ильина — текст и комментарии к путешествию М. П. Погодина, С. А. Васильева — текст и комментарии к путешествию П.-С. Палласа и часть путешествия Ф. Н. Глинки, Е. В. Петренко — часть путешествия И. Ф. Тюменева и комментарии к нему, Е. А. Чистякова — текст и комментарии к путешествиям В. М. Севергина и С. П. Шевырева. Т. В. Белова подготовила комментарии к тексту У. Кокса, В. В. Кузнецов — комментарии к новоторжским разделам текстов А. В. Храповицкого, И. Ф. Глушкова, И. А. Дмитриева, А. О. Ишимовой, Л. В. Бойко — комментарии к путешествию В. Ф. Одоевского. А. Ю. Веселова сделала ценные замечания при комментировании текста А. Т. Болотова, Р. А. Милюгина помогла нам с вычиткой текста. Раздел «Иностранцы-путешественники XVI–XVII веков» составлен с учетом комментариев, подготовленных в свое время П. Д. Малыгиным, А. Ю. Сорочаном и М. В. Строгановым (кроме того, А. Ю. Сорочан подготовил текст И. Брамбаха). Разумеется, составители вынуждены были унифицировать комментарии и приемы подачи столь разных текстов, многое было уточнено в силу того, что был виден весь корпус текстов.³⁶

Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов

³⁶ В настоящем издании мы без специальных ссылок широко используем материалы двух справочников: Тверская область: энциклопедический справочник. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1994; Тверская усадьба / сост. О. Н. Овен. Тверь: Науч. биб-ка Твер. гос. ун-та, б. г. [Электронный ресурс].

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АНБ — Австрийская национальная библиотека в Вене.

Бакунин — *Бакунин А. М.* Собрание стихотворений / изд. подгот. М. В. Строгановым. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

Генеалогия — Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год, с алфавитным указателем и приложением / сост. М. Чернявский. Тверь, [б. г.].

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

ГРМ — Государственный Русский музей.

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. 1–4.

Добровольский — Тверской епархиальный статистический сборник / сост. И. Добровольский. Тверь, 1901.

Илиодор — *Илиодор, иеромонах.* Историческо-статистическое описание новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861.

Кириков — *Кириков Б. М.* Кашин. Л.: Художник РСФСР, 1988.

Львов — *Львов Н. А.* Избранные сочинения / предисл. Д. С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитект. работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татаринным. Кельн; Веймар; Вена: Белау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994.

ОКМ — Осташковский краеведческий музей.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Свод — Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область: в 6 ч. Ч. 1, 2 / отв. ред. Г. К. Смирнов. М.: Наука, 2002, 2006.

Слепцов — *Слепцов В. А.* Очерки. Рассказы. Повесть. Воронеж: Центрально-Черноземное изд., 1983.

Стихи тверских поэтов — Стихи тверских поэтов, современников Н. А. Львова / подгот. текста и примеч. А. Н. Курочкина, М. В. Строганова // *Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исследования: сборник 2.* Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.

ТвГВ — Тверские губернские ведомости.

Тверские поэты — Тверские поэты, современники Пушкина: избранные стихотворения / сост., подгот. текстов и примеч. М. В. Строганова. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1999.

ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.

ТОКГ — Тверская областная картинная галерея.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО ПЕТРА ПЕРВОГО

СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН

[1517¹]

Герберштейн Сигизмунд (1486, Крайна — 1566, Вена), словенец по происхождению, австрийский барон, посол императора Священной Римской империи, дважды побывал в России с дипломатической миссией (как посредник для заключения мира между Россией и Польшей) — в 1517 и 1526 г. В первом путешествии проездом посетил Тверской край. «Записки о Московитских делах» (Вена, 1549) на русском языке изданы в 1866 г. Текст печатается по изд.: Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступ. статья А. Л. Хорошкевич. М.: МГУ, 1988. С. 65–66, 74, 123, 129, 144–145, 147–148, 237–238. См. также: Замыславский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

Сын же этого Василия,² по имени Иоанн,³ был весьма удачлив. Именно, как только он женился на Марии, сестре великого герцога тверского,⁴ он изгнал шурина и захватил великое княжение Тверское, а затем и Новгород Великий; впоследствии ему подчинились и все другие государи, кто под впечатлением величия его деяний, кто из страха.

¹ Здесь и далее год, указанный при имени автора, означает время, к которому относится посещение Тверского края.

² Василий II Васильевич Темный (1415–1462), великий князь московский (1425).

³ Иоанн III Васильевич Великий (1440–1506), великий князь московский и всея Руси (1462).

⁴ Мария Борисовна (1442–1467), дочь князя Бориса Александровича (?–1461), великого князя тверского (1425), первая супруга великого князя московского Ивана III.

Нынешний же Василий Иоаннович⁵ присволяет себе титул и имя царское, как то: великий господин Василий, Божьей милостью царь и господин всей России и великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверской, югорский (Iugariae), пермский (Permia), вятский (Viackiae, Viatkha), болгарский и проч.; господин и великий князь Новгорода низовские земли (Novogardia terrae inferioris, Neugarten des undern Erdtrichs) и черниговский (Chernigowia), рязанский (Rezania), волоцкий (Wolotkia), ржевский (Rsowie), бельский (Beloiae), ростовский (Rostowia), ярославский (Iaroslavia), белозерский, удорский (Udoria), обдорский (Obdoria), кондинский (Condinia) и проч.

О МОНЕТЕ

Серебряные деньги (moneta) у них бывают четырех родов: московские, новгородские, тверские и псковские. Московская монета не круглая, а продолговатая, как бы овальная, называется она деньгой и имеет различные изображения... Ныне чеканятся новые (монеты), отмеченные буквами с той и с другой стороны, и четыреста таких стоят рубль.

Тверские с обеих сторон имеют надпись и по стоимости равняются московским.⁶

ТЕПЕРЬ Я ПРИСТУПАЮ К ХОРОГРАФИИ⁷ ГОСУДАРСТВА...

Город Ржева Димитриева (Rsowa Demetrii)⁸ с крепостью отстоит от Москвы на двадцать три мили прямо на запад. Крепость, от которой государь присволяет себе титул, расположена на реке Волге и господствует над весьма обширной областью. Есть и другая Ржева, в ста сорока милях от Москвы, в двадцати от Великих Лук

⁵ Василий III Иоаннович (1479–1533), великий князь московский (1505).

⁶ Речь идет о деньге московского веса, с лигатурой букв Т и Ф (Тферь) на одной стороне и с изображением всадника — на другой, имевшей широкое распространение в первой четверти XVI в.

⁷ Наука, посвященная описанию некоторого места или пространства (устар.).

⁸ Г. Ржев, в 148 км к юго-западу от Твери. Во второй половине XV в. Ржевские земли были разделены по Волге надвое; соответственно, и часть города на правом берегу стала именоваться Димитриевой (по имени князя Дмитрия Ивановича, третьего сына Ивана III), а на левом, где находилась крепость, — Федоровой (по имени князя Федора Борисовича Волоцкого). Герберштейн именуется Ржеву по второстепенной правобережной части (Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 396).

(Wielikiluki), в стольких же от Пскова; она называется Пустой.⁹ От Ржевы Дмитриевой на несколько миль к западу расположен лес, именуемый Волконским (Wolkonzki);¹⁰ из него начинаются четыре реки. В том лесу есть болото, зовущееся Фроновым (Fronow),¹¹ из которого истекает небольшая река, приблизительно через две мили впадающая в озеро Волго (Wolgo); отсюда, сильно умножив свои воды, она вытекает снова и называется Волгой по имени озера...

В том же лесу, приблизительно в десяти милях от болота Фронова, есть селение Днепрское (Dnuperesko),¹² около которого начинается Борисфен, называемый тамошними жителями Днепром (Dnieper), а мы его и поныне именуем Борисфеном...

Озеро Двина (Dwina) отстоит от истоков Борисфена примерно на десять миль и на столько же от Фронова болота. Из него вытекает река с тем же названием,¹³ направляясь на запад и протекая в двадцати милях от Вильны, а затем сворачивает на север и вблизи столицы Ливонии Риги (Riga) впадает в Немецкое море (Germanicum mare), которое русские называют Варяжским морем...

Ловать (Lowat) — четвертая река, которую отнюдь нельзя сравнить с тремя прочими, начинается между озером Двиной и Фроновым болотом или из самого болота: откуда именно, я не мог с достоверностью узнать, хотя ее истоки недалеко от истоков Борисфена.¹⁴

Тверь, или Отверь (Otwer),¹⁵ некогда обширнейшая область, одно из великих княжеств России, расположена на реке Волге, отстоит от Москвы на тридцать шесть миль на северо-запад; это большой город, посредине которого протекает Волга. На одном берегу,

⁹ Находилась, как полагают, на месте нынешней д. Подоржевки, близ г. Новоржева Псковской обл. О местоположении Ржевы Пустой см.: Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998. С. 140—143.

¹⁰ В русских летописях лес называется Волковским, или Оковским.

¹¹ Вороново болото (*Герберштейн* С. Записки о Московии. С. 340).

¹² С. Днепровское Смоленской обл. в 88 км от г. Сычевки, вблизи которого на самом деле берет начало Днепр, названный по античной традиции Борисфеном.

¹³ Исток Западной Двины находится в 1,5 км к северу от оз. Двинец.

¹⁴ Ошибка Герберштейна; р. Ловать берет начало западнее и истока Днепра, и истока Западной Двины, на территории современной Псковской обл.

¹⁵ Форма *Отверь* — результат агглютинации конечной гласной предлога *во* (*во Тверь, во Твери*).

С. Герберштейн. Тверь. 1517.

Гравюра из книги «Записки о Московитских делах». Базель, 1557

где Тверь ближе к Москве, имеется крепость, напротив которой вливается в Волгу река Тверца (Twertza), по которой я и приплыл в Отверь, а на следующий день поплыл по реке Ра.¹⁶ Этот город был местопребыванием епископа¹⁷ при жизни Иоанна, отца Василия, когда Тверским княжеством управлял великий князь Борис.¹⁸

¹⁶ Название Волги у античных авторов; впервые — в «Географии» Птолема (83–168). См.: Подосинов А. В. О названии Волги в древности и раннем средневековье // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999. С. 36–52.

¹⁷ Замечание Герберштейна неясно, так как Тверь была резиденцией епископа со второй половины XIII в.

¹⁸ Борис Александрович княжил с 1425 по 1461 г.

Впоследствии московский государь Иоанн Васильевич женился на его дочери Марии и прижил с нею, как выше сказано, первородного сына Иоанна.¹⁹ По смерти же Бориса ему наследовал сын его Михаил,²⁰ которого впоследствии зять его по сестре (sogotius, Schwager), великий князь московский, лишил княжества, и Михаил умер изгнанником в Литве.

Торжок (Tersak) — город в десяти милях от Твери; одна половина его была под владычеством Новгорода, другая — Твери, и там начальствовали два наместника (Ambtleut).²¹ Как я сказал выше, там также начинаются две реки: Тверца и Цна (Sna). Первая течет на восток, вторая на запад к Новгороду.²²

Новгород Великий — самое большое княжество во всей Руссии... Владения Новгорода простираются главным образом к востоку и северу... Во владении Новгорода находились и восточные княжества: Двинское (Dwina) и Вологодское (Wolochda), а на юге ему принадлежала половина Торжка недалеко от Твери.

¹⁹ После присоединения Тверского княжества к Москве управлял Тверью (1485–1490), умер и погребен в Москве в 1490 г.

²⁰ Тверской князь (1461–1485), умер в Литве ок. 1506 г.

²¹ Свидетельства Герберштейна о двух половинах Торжка позволяют реконструировать политическую и топографическую структуру города. С XII в. в Торжке и Новоторжской волости оформился сместной порядок, по которому в XIII–XV вв. великий князь владимирский должен был «тивунъ свои держати на своей чясти, а Новугороду на своей чясти посадника держати» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 77. С. 132). В Торжке существовали две «половины»: Верхнее городище (великокняжеская часть) и Нижнее городище с посадами (боярская часть), аналогичные системе Рюриково городище — Новгород (Малыгин П. Д. Новый Торг — Торжок в контексте политической истории Новгородской земли XIII–XV вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 78–82). Великокняжеской части в Новоторжской волости соответствовали так называемые новоторжские губы, впервые упомянутые в 1373 г. Упоминание Герберштейна о тверской половине Торжка — явный анахронизм, так как после 1374 г. великокняжеская часть Торжка связана с московскими великими князьями (Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 143, 154–155; Малыгин П. Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 125–126).

²² Герберштейн ошибается: общее направление течения Тверцы с севера на юг, а Цны — с юго-запада на северо-восток.

ДОРОГИ В МОСКВУ

Итак, совершив столь трудный и опасный путь, мы прибыли, проехав семь миль, в Хотилово (Chotilowa),²³ ниже которого переправились через две реки — Шлину (Schlingwa)²⁴ и Цну (Snai)²⁵ в том месте, где они сливаются и впадают в реку Мсту,²⁶ и достигли Волочка (Wolochak);²⁷ там в день Пасхи мы отдохнули. Затем, сделав семь миль и пересекши реку Тверцу,²⁸ <мы прибыли> в городок Выдропужск (Wedrapusta),²⁹ расположенный на берегу, и, спустившись оттуда вниз по реке на 7 миль, <достигли> города Торжка (Dwerschak, Dworsackh), в двух милях ниже которого переправились на рыбацкой лодке через реку Шаногу (Schegima) и отдыхали один день в городке Осуге (Ossoga). На следующий день, проплыв семь миль по реке Тверце, мы пристали к Медному (Medina, A Медна).³⁰ Отобедав здесь, мы опять сели на наше

²³ С. Хотилово в современном Бологовском р-не.

²⁴ Левый приток р. Цны, вытекает из оз. Шлино. После сооружения Вышневолоцкого водохранилища впадает в него.

²⁵ Р. Цна берет начало в болоте близ с. Старо-Посонского, протекает теперь через Вышневолоцкое водохранилище и впадает в оз. Мстино.

²⁶ Р. Мста вытекает из оз. Мстино и впадает в оз. Ильмень.

²⁷ Поселение на месте нынешнего Вышнего Волочка на р. Цне в 135 км к северо-западу от Твери.

²⁸ Левый приток Волги, впадающий в нее в Твери. Начинается в Вышнем Волочке, соединен каналом с Цною.

²⁹ Г. Выдропужск на Тверце в 39 км к северо-западу от Торжка, в современном Спировском р-не.

³⁰ Пос. Медное на Тверце в 28 км к северо-западу от Твери, до 1930-х гг. в составе Новоторжского у. В конце XIV в. новгородский посадник Юрий Онцифоров († 1410) продал его боярину Михаилу Федоровичу Крюку. Около 1430 г. сын последнего Иван Михайлович пожертвовал Медное Троице-Сергиеву монастырю; в XV—XVI вв. здесь было крупное боярское хозяйство, важный торгово-промышленный центр. См.: *Веселовский С.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М., 1936. С. 92—94; *Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв.* М., 1929. Т. 1. С. 19. Путь из Новгорода в Москву описан точно, но данные между Выдропужском и Медным запутаны: Шегра (Шегрина) и Осуга впадают в Тверцу выше Торжка, а не ниже. Поэтому весь фрагмент следует читать: мы прибыли «в городок Выдропужск, расположенный на берегу, в двух милях ниже которого переправились на рыбацкой лодке через реку Шегрину и отдыхали один день в городке Осуге (Осуйское?), и спустившись оттуда (вниз по реке) на семь миль достигли города Торжка. На следующий день, проплыв семь миль по реке Тверце, мы пристали к Медному».

суденышко и через семь миль достигли славнейшей реки Волги, а также княжества Тверь. Здесь мы взяли судно побольше и поплыли по Волге; через некоторое время мы прибыли к такому месту реки, где она замерзла и была заполнена обломками льда. С величайшим трудом, обливаясь потом, пристали мы в одном месте. Лед смерзся высокою кучей, и мы едва выбрались на берег. Оттуда сухим путем добрались мы до крестьянского дома, там нашли небольших лошадей и на них прибыли к монастырю святого Ильи.³¹ Переменив здесь лошадей, мы добрались до городка Городни (Gorodin),³² расположенного на Волге, в трех милях (от монастыря). Откуда прямо в Шошу (Schossa),³³ три мили, Шорново (Dschogna),³⁴ почтовую станцию, три мили, городок Клин (Clin), расположенный на реке Януге (Januga).³⁵

³¹ Ильинский Отроковичский монастырь в 6 км выше Городни на правом берегу Волги. Герберштейн упоминает его на 60 лет ранее, чем источники 1577 г. (Материалы для истории Тверской епархии: Упраздненные монастыри. Тверь, 1898. С. 37).

³² Крупный населенный пункт на Волге в 33 км к юго-востоку от Твери.

³³ С. Воскресенское на р. Шоше в 52 км к юго-востоку от Твери; в настоящее время затоплено Иваньковским водохранилищем.

³⁴ Д. Шорнову в 26 км к северу от Клина, в современном Конаковском р-не между д. Безбородово и с. Завидово.

³⁵ Видимо, автор спутал р. Сестру, на которой стоит Клин, с ее притоком р. Ямугой, протекающей вне города.

ЯКОБ УЛЬФЕЛЬДТ

[1578]

Ульфельдт Якоб (ок. 1530, Коксбелль — 1593, Ульфельдсхольм), датский дипломат. Из древнейшего дворянского рода. Учился в Лувенском (1551) и Виттенбергском (1554) университетах. С 1556 г. на королевской службе, в 1564—1566 гг. участвовал в Северной семилетней войне, с 1566 г. — член ригрода (государственного совета). В 1578 г. посетил Россию в качестве посла датского короля Фридриха II (1559—1588) к Ивану IV. Целью посольства было заключение мира с Россией и переговоры о возвращении Дании некоторых укрепленных мест в Эстонии, занятых русскими войсками. Посольство, отправившееся из Копенгагена морем, высадилось в Пернове (ныне — Пярну), откуда сухим путем добралось до Москвы. Путь посольства лежал через Новгород и Тверь, незадолго перед тем опустошенные новгородской карательной экспедицией Ивана IV, и посольству пришлось перенести много всякого рода лишений. Тем же путем до Пернова посольство совершило и обратный путь. На этом пути посольство не раз встречало татарские отряды, возвращавшиеся из Ливонии с толпами пленных, которых они по дороге продавали за ничтожную плату. Описание посольства, составленное Ульфельдтом, впервые издано на латинском языке: *Jacobi, Nobilis Dani, Frederic! II Regis legati, Hodoeporicon Ruthenicum, nunc primum editum cum figuris aenis, ex bibliotheca Melchioris Helminsfeldi jGoldasti. Francofurti, 1608. 4°*; во втором издании (*Francofurti a. M., 1627*) автор назван полным именем. В России о сочинении Ульфельдта стало известно в XVIII в.; впервые на рус. яз.: Путешествие в Россию датского посланника Якоба Ульфельда в 1578 г. // ЧОИДР. 1883. I—IV; отд. изд.: М., 1889. Текст печатается по изд.: Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / отв. ред. Дж. Х. Линд, А. Л. Хорошкевич; латин. текст, пер. на датск. и рус. Л. Н. Годовиковой. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 313—315, 334—336 (*Studia historica*).

...10-го августа <...> на тех же несчастнейших животных, которые везли нас от Новгорода, мы, <проделав> еще 9 миль, прибыли

в город Коломну;¹ отсюда 11 августа мы проделали путь в 5 миль и приехали в город Вышний Волочек с огромным вредом для этих животных, ведь очень много их пало и погибло в пути.

На всем этом пути почти все деревни разрушены московитом² и сровнены с землей таким же образом, как и по другую сторону от Новгорода, так как он считал, что <их> жители были на стороне его убитого брата³ и что они замыслили его <царя> убийство. Названный выше город омывает река,⁴ по которой плывут в Отверь, оттуда до нее 26 миль. Говорят также, что недалеко от города есть источник, откуда вытекает ручей, текущий вплоть до Новгорода. Он пригоден для навигации.⁵

12-го <августа> мы снялись с лагеря и вечером этого же дня прибыли в Выдропуск,⁶ проделав путь в 7 миль.⁷ До этого места простираются владения Новгорода, и отсюда начинается Московское княжество.⁸ Его земля очень отличается от той, которую мы <уже> проехали, она ровна, плодородна, возделана и повсюду изобилует плодами.

Отсюда на конях и повозках 13-го августа мы прибыли в Торжок,⁹ отстоящий от вышеописанного места на 7 миль. Этот город расположен на ровном и красивом месте возле реки Тверцы, застроен деревянными, по русскому обычаю, домами. Здесь наши слуги впервые

¹ Коломна — погост на оз. Коломне (Коломенском), известен с конца XV в., ныне с. Коломна Вышневолоцкого р-на.

² Иван IV Васильевич (Грозный; 1530–1584), великий князь московский и всея Руси (1533), первый царь всея Руси (1547), осенью 1569 г. совершил поход на Новгород, обвинив новгородцев в участии в «заговоре» князя Владимира Старицкого и одновременно в намерении передаться польскому королю. По дороге опричники устроили грабежи и массовые убийства (1505 человек) в Клину, Твери, Торжке и других городах.

³ Двоюродный брат Ивана IV князь Владимир Андреевич Старицкий (1533–1569); подозревая его в претензии на царство и в покушении на жизнь, Иван Грозный приказал его убить.

⁴ Тверца — приток Волги.

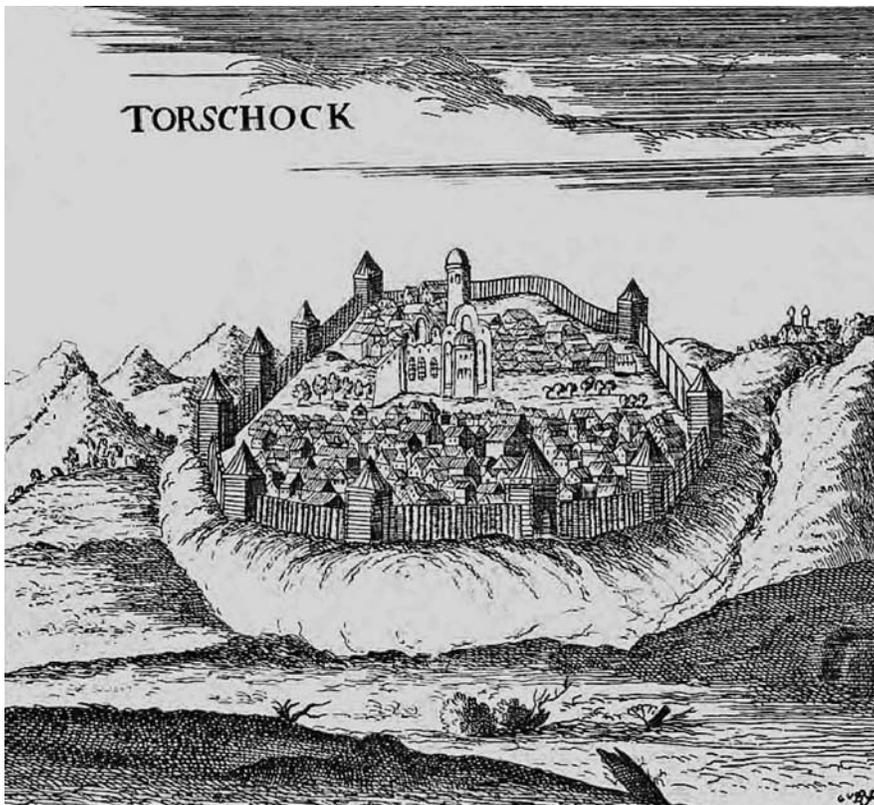
⁵ Р. Мста впадает в оз. Ильмень недалеко от Новгорода.

⁶ Г. Выдропужск; см. прим. к тексту Герберштейна.

⁷ Сведения о расстоянии от Волочка до Выдропужска у Герберштейна и Ульфельдта совпадают. Выдропужск стоит на р. Тверце.

⁸ Ульфельдт ошибается: эта граница связана с с. Медное нынешнего Калининского р-на, а не с Выдропужском.

⁹ Сообщение о положении Торжка «на ровном и красивом месте» неверно; Торжок расположен на сильно пересеченной местности.

С. Герберштейн. Торжок. 1517.

Гравюра из книги «Записки о Московитских делах». Базель, 1557

хоть как-то наполнили алчущие желудки медом; ведь они уже давно (как раньше было сказано) терпели голод и страдания.

Отсюда мы отправились 14-го <августа> и прибыли в Отверь; путь <между ними> составляет 12 миль. Некогда этот город был богатейшим торговым центром, теперь же он совершенно запустел и доведен почти до крайней степени бедности, потому что в нем сидел убитый князь, то есть брат великого князя.¹⁰ <Это> была <его> крепость, прежде окруженная рвами, валом и стеной,¹¹ но сейчас она разрушена настолько, что не осталось даже следов стены. Отсюда

¹⁰ Ульфельдт ошибается. Уделом князя Владимира Андреевича была Старица.

¹¹ В средневековой Твери была деревянная крепость.

плавают в Казань и Астрахань, а затем по реке Волге в Каспийское море, держа курс на восток.

Невозможно описать, какие тяготы мы испытали, прибыв сюда. В этот день мы проделали путь в 12 миль, двигаясь от Люцифера к Гесперу;¹² во время путешествия приставы уверяли, что все относящееся к пропитанию приготовлено, но они солгали (как <делали> довольно часто и в других случаях), ведь <на деле> ни о чем не позаботились. Кроме того, нам, страдающим от голода, предоставили помещения почти совершенно опустошенные и без крыши; до следующего дня мы были вынуждены давать отдых своим голодным и измученным телам именно в них. В этом не было для нас <ничего> удивительного, ведь нигде во всей России мы не встречали гостеприимства, но во всех местах, где мы проезжали, были пустые дома, брошенные людьми и скотом, так что едва можно поверить, что существует какое-нибудь государство, не подвергшееся нападению врагов, которое было бы в большем запустении, чем это царство.

Мы на <своем> опыте узнали, что слухи, распространившиеся о Московите повсюду, очень далеки от истины; ибо он правит своими подданными с такой жестокостью и тиранией и на самом деле довел их до такой степени покорности, что они ни в малейшей степени не осмеливаются противиться его распоряжениям, но демонстрируют, что они <всячески> готовы исполнить любые <его повеления>. При этом они достаточно упрямы, непокорны и склонны ко всякого рода порокам, ведь наши приставы не могли, не прибегая к побоям, достать у жителей городов для нашего пользования ни лошадей, ни повозок, ни кучеров. С помощью плетей, палок и дубинок они ниспровергали их на землю и <держали> до тех пор, пока те не пообещают приготовить <всё> необходимое. Однако <жители> проявляли покорность лишь до того времени, когда, как видели, они смогут вырваться; в дороге <столько раз>, сколько это было возможно, они либо уводили лошадей, которых <перед этим> предоставили нам, либо убегали сами. Отсюда можно заключить, с какими мучениями и трудностями мы проделали этот долгий путь, ведь часто мы не имели пищи, питья, пристанища, лошадей, повозок, кучеров и другого, не говоря уже о том, что так бывали приняты, что невозможно скоро забыть и изгнать <это> из памяти.

¹² С запада на восток (Люцифер, сын Авроры, — бог утренней зари, утренняя звезда; Геспер, сын Кефала и Авроры, — западная вечерняя звезда). Это не совсем точно: послы двигались на юго-восток.

15-го <августа>, оставив Тверь, мы прибыли в Городно,¹³ в 6 милях от нее, а на следующий день в Клин <...>.

<...>

...В последний день августа мы въехали в город Клин <и>, покинув его, 1-го сентября заночевали в Городне.

Так как расстояние между <различными> местами было достаточно <точно> указано выше, по этой причине здесь я буду его опускать, чтобы не показалось, что я занимаюсь этим больше, чем нужно,¹⁴ но обращу свое перо на описание городов и селений, так же как и того, что в <этом> путешествии оказалось достойным упоминания.

Выехав из Городни, мы прибыли в Тверь. На этом пути повсюду нам встречались татары, возвращавшиеся из Ливонии и везшие с собой очень много пленных (некоторые из них были ранены): мужчин, женщин, девочек и мальчиков.

Женщин и девушек, которых они берут в плен, распродают, делят между друзьями, а иным дают в виде подарка; те ими пользуются по своему усмотрению.¹⁵ Когда они им надоедают, их отпускают, прогоняют и оставляют другим на поругание. О горе и беды людские! Можно ли представить себе что-либо ужаснее, чем попасть под власть подобных тиранов, которые обращаются с христианами не иначе, как с грубыми и неразумными животными?

Что, в конце концов, <может быть> плачевнее для супругов, соединенных нерасторжимыми брачными узами, чем быть разлученными и отторгнутыми друг от друга? Мужа от его половины посылают в Казань или Астрахань против татар, а русский похищает его жену, оскверняет, покрывает позором и бесчестьем. Первый падает, изнемогая от раны, второй дни и ночи наслаждается с его женой и предается порокам. Таких людей, по моему убеждению, постигнут не меньшие несчастья, чем Давида, который совершил насилие над Вирсавией и послал на смерть Урию.¹⁶

¹³ Городно (Городень, совр. с. Городня) — пограничный город Тверского княжества на правом берегу Волги, в 40 км ниже Твери.

¹⁴ Говоря о расстояниях в России, Ульфельдт невольно сравнивал их с территорией своей родины.

¹⁵ Например, спутники имперского посла Франческо да Колло в 1519 г. приобрили девушек «от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных», но потом бросили их (*Колло Франческо да. Доношение о Московии. М., 1996. С. 66*).

¹⁶ Царь Давид соблазнил Вирсавию, жену Урии Хеттеянина, а его самого отправил на осаду Раввы, где он и погиб (2 Царств, 11).

В этих грехах виновны не только подданные и жители <страны>, но даже и сам князь. Ведь он (как утверждают) имеет в своем гинекее¹⁷ 50 девиц, происходящих из знатных родов и привезенных из Ливонии, он их возит с собой, куда бы ни направлялся, пользуясь ими вместо жены, ведь он не женат.¹⁸

Но оставим их наказание справедливейшему судье — Господу, который воздаст за это в свое время, ведь он имеет карающее око, и, как говорит один греческий автор: *есеi qeoV ekdikon omma*.¹⁹

В этом же месте <в Твери> мы узнали, что татарский <хан>²⁰ уже давно покинул Крым <и> снова неожиданно для русских появился здесь с большим войском в те самые дни, когда мы уехали от царя, и, воспользовавшись необыкновенной военной хитростью, занял <некоторые> русские области. Ты спросишь, как это было? За месяц до этого он направил <послом> к Московиту человека, вероятно, отчаянного и ничем не связанного, чтобы тот вел с ним переговоры о перемирии. Царь же послал к нему своего дьяка Василия Щелкалова,²¹ чтобы тот с ним обсуждал это. Между тем татарский <хан> вооружается, готовит все необходимое для войны и, хотя его посол до сих пор находится в России, начинает войну с Московитом <и> силой оружия вторгается в его царство.²² Что выйдет из этого и каков будет конец предпринятым военным действиям, всё это, без сомнения, прояснится в свое время. Отметим, со временем всё тайное становится явным.

3-го числа того же месяца мы прибыли в Торжок и на следующий день оставались там же, так как не могли достать лошадей и повозок. Дело в том, что наши новые приставы научились от других <приставов>, которые везли нас в Слободу, брать у городских воевод деньги <за то>, что те оставляли у себя своих свежих лошадей. А нам и дальше приходилось пользоваться теми, которые привезли нас сюда.

¹⁷ Имеется в виду гарем.

¹⁸ В сентябре 1572 г. Иван Грозный приказал постричь в монахи свою четвертую жену Анну Алексеевну Колтовскую († март 1575). Пятая жена Грозного Анна Григорьевна Васильчикова прожила в браке с января 1575 по декабрь 1576/начало 1577 г.

¹⁹ Имеет Бог карающее око (*лат.*). Возможный источник — Псалтырь: «Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его» (Пс. 32: 18).

²⁰ Мухаммед-Гирей II Жирный (правл. 1577–1584), старший сын Девлет-Гирея I (правл. 1551–1577).

²¹ Щелкалов Василий Яковлевич († ок. 1610), думный дьяк, печатник (1595), дипломат, глава ряда приказов.

²² В русских источниках данных о крымском набеге нет.

И хотя мы убеждали их, чтобы они на примере чужих пороков исправляли свои, дабы и на них не пало то же подозрение (ведь после нашего отъезда некоторых <приставов> посадили в тюрьму из-за покраж, учиненных <ими> в дороге, и <они> были отпущены только после того, как их наказали плетью и взяли с них штраф в 700 талеров,²³ — так дурно приобретенное дурно и гибнет), однако они не обратили внимания на наши увещевания и запятнали себя таким же воровством, так что можно с уверенностью сказать о них: с тех пор как на земле появились люди, таких бесчестных не бывало.

5-го <сентября> мы проехали Выдропуск, где нам повсюду встречались толпы татар с людьми, захваченными в окрестностях Риги.

6-е <сентября> мы провели в Вышнем Волочке, где мы сели на корабли,²⁴ построенные для нас во время нашего пребывания в Слободе, и двинулись в Новгород, отстоящий отсюда на 100 миль.

²³Талер — наиболее распространенная в XVI в. крупная серебряная монета.

²⁴Можно удивляться быстроте, с которой были построены речные суда. О них см.: *Дубровин Г. Е.* Водный транспорт Новгорода. Т. 1–2. М., 2000.

НИКОЛАС ВИТСЕН

[1665]

Витсен Николас Корнелиссон (1641, Амстердам — 1717, там же), голландский географ, бургомистр Амстердама. Происходил из купеческого рода, представители которого занимали в управлении городом различные выборные должности. В 15 лет сопровождал отца в дипломатической поездке в Англию, по возвращении изучал математику, астрономию и философию в Амстердаме, занимался поэзией и гравированием; в 1663 г. для продолжения образования учился в Лейденском университете, в 1664 г. защитил диссертацию по правоведению. В 1664–1665 гг. был прикомандирован к свите голландского посла Я. Борейля в Московию для придания посольству большего престижа. В январе 1665 г. посольство проехало через Вышний Волочек, Выдропужск, Торжок, Тверь, Городню; в мае того же года на обратном пути путешественники повторно посетили Тверской край. Во время путешествия Витсен вел дневник, делая заметки и зарисовки видов городов: Печоры, Пскова, Новгорода, Торжка, Твери, Москвы. Дневник стал прологом главного научного труда Витсена — книги «Северная и Восточная Тартария» (1692), первого обширного сочинения о Сибири. В 1697–1698 гг. правительство Нидерландов поручило ему сопровождать Петра I в поездках по Голландии (Гаага, Утрехт). Дневник Витсена был опубликован в Голландии в 1966 г. Рисунки с видами монастырей, городов и зданий представляют культурно-историческую ценность (Кирпичников А. Н. Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николаса Витсена. СПб., 1995). Текст печатается по изд.: Витсен Николас. Путешествие в Московию, 1664–1665 / пер. со староголл. В. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. С. 74–84, 194–195; с уточнением топонимов.

6 января. Проехали 4 мили до Вышнего Волочка. Это хорошая деревня. Ночью на небе показалась большая кометная звезда¹ с громадным хвостом, который закрыл несколько звезд, вокруг луны мы

¹ Первая из двух комет, показавшихся зимой и весной 1664–1665 гг. (*Lubienitz S. de. Theatrum cometicuv. Amstelodamum, 1667*). Эту комету снова видели

видели большое кольцо; за этим последовала сильная гроза. В нашей кухне по небрежности поваров возник пожар. Русские очень волновались за свои деревянные дома, однако всё окончилось благополучно.

7 января. Мы снова проехали 6 миль до Выдропужска, где находится большой деревянный двор — собственность патриарха,² у реки Тверцы. Здесь я видел, как одна пара танцевала по-польски.³

8 января. Отсюда проехали 7 миль до Торжка. Мы должны были ехать так медленно потому, что царь⁴ не желал приезда посла раньше предопределенного времени. Как только мы прибыли, некий старец, который был очень пьян, приветствовал нас от имени воеводы — Михаила Семеновича.

Торжок — просторный город, редко застроенный домами; у подножия горы, в небольшой долине, кое-где стоят группы домов, окруженные деревьями. На той стороне реки Тверцы, на высоком берегу, находится мужской монастырь, построенный из дерева.⁵ Рядом с ним стоит еще несколько простых домов, образуя как бы пригород. То, что они называют городом или замком,⁶ — это местечко размером в половину нашего города Вееспа <в Голландии>; город окружен деревянным валом высотой в 14 сосен,⁷ бойницы такие, что едва про-

еще через 8—10 дней, ср. запись от 15 января. Вторая комета стала видна лишь к концу марта 1665 г., запись от 8 апреля.

² Никон (в миру Никита Минов, 1605—1681), патриарх Московский и всея Руси (1652—1667). С началом строительства Иверского монастыря за обителью были закреплены Валдайское озеро с островами и окрестными местами, монастырь Иакова Боровичского с угодьями, одиннадцать старорусских соляных варниц, три монастыря с угодьями в Деревской пятине, Валдай, Боровичи, Вышний Волочек, Выдропужск, Едрово, Яжелбицы, дворы в Новгороде и Москве. Сам Никон покупал к пожалованным владениям новые селения и земли. Витсен посетил Никона 6—7 мая 1665 г. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре под Москвой.

³ Очевидно, польку.

⁴ Алексей Михайлович (1629—1676), русский царь (1645).

⁵ Борисоглебский мужской монастырь является древнейшим в Тверской области. Согласно житийной литературе XVII в., монастырь основал в 1038 г. боярин Ефрем, бывший конюшим киевского князя Владимира I Святославича, который после убийства Святополком Бориса и Глеба удалился на север и заложил монастырь на берегу Тверцы. В 1038 г. был построен храм в честь Бориса и Глеба, давший название монастырю. В 1577 г.; во время правления Ивана Грозного, к храму были пристроены два придела. В 1607 г. при взятии Торжка поляками собор сильно пострадал.

⁶ О составе древнего Торжка см. прим. к тексту Герберштейна.

⁷ Для создания вала сосны были положены горизонтально, одна на другую.

*Н. Витсен. Мужской монастырь из дерева в Торжке
(Борисоглебский монастырь). 1665.*

Рисунок. АНБ

ходит жерло пушки. И этот, и вышеупомянутый монастырь⁸ я зарисовал с натуры: этот лежит в долине, но на некотором возвышении, у него 17–18 деревянных башен; с одной стороны его омывает река, а с другой — ров; спереди и позади — сухо. В городке живут воевода, дьяк и писцы, имеется 1 или 2 часовни, больше ничего особенного нет; почти все церкви деревянные. Там видна башня странного строения, которую я зарисовал;⁹ есть здесь и женский монастырь.¹⁰

8–11 января. Любопытство привело меня в дом купца, куда я был приглашен на обед. Хозяйка приветствовала меня кубком пива, зачерпнув его из большого ковша, причем остатки из кубков выливались обратно в ковш, что было весьма неаппетитно. Стол накрыли

⁸ Посольство посетило Валдайский Иверский монастырь 3 января 1665 г.

⁹ Вознесенская церковь в Торжке на высоком правом берегу Тверды построена в 1653 г., перестроена в 1717 г., сохранилась.

¹⁰ Воскресенский женский монастырь в Торжке основан в XVI в.

грязноватой скатертью сами хозяин и его сын, хотя это важные люди, у которых в изобилии были холопы и слуги. Для каждого из нас была положена груда толстых ломтей хлеба всех сортов и деревянная ложка. Первым блюдом были засахаренные сливы и огурцы, на второе подали курицу в бачке, на третье — кусок свинины с укусным соусом, который они ели ложками. Четвертое — какая-то странная жидкость, которую тоже едят ложками.¹¹ Пятое — паштет из мяса, с луком, чесноком и т. д. Как мы сели, так нас и оставили сидеть. Очень просты были они со своими слугами. Кроме нас было еще двое русских гостей; ох, как же некрасиво они едят! Не молятся, а только крестятся; сидят хуже, чем самый неотесанный наш крестьянин. Во время обеда пришел сынок хозяина и приветствовал нас рукопожатием и поклоном; чем крепче ударяют по рукам, тем, значит, серьезнее. Этот поднес каждому из нас по чарке водки и продолжал стоять, склоняясь до земли, пока они не опорожнились. Затем хозяин вызвал жену, которая также поклонилась каждому из нас и поднесла по кубку водки, после чего сразу, не говоря ни слова, опять ушла. При выходе хозяйка сказала: «Приглашаю вас на хлеб-соль». Одеты она была богато: шапка вышита золотом и жемчугом.¹² Привезли нас домой в санях купца, а на следующий день я также угостил их.

Сегодня у них святой день,¹³ или, точнее, пьяный день: определенно весь город был пьян — все, кого мы ни встречали; даже многих женщин пришлось увозить домой в санях. В этот день поэтому мы услышали на наш счет некоторые грязные поговорки, и нас посылали к местожительству немцев в Москве, что является оскорблением.¹⁴ Из всех домов показывались молодые женщины, они были разодеты и некрасиво напудрены, но, когда мы подходили, — убегали и не хотели появляться. Когда мы как-то раз направились к ним, они убежали; вышла старуха, клянясь Богом, что у них нет девушек, умоляя нас пройти дальше. Другая, видя из окна, что мы наблюдаем за ней, крикнула: «Почему вы смотрите на меня? Я уже стара, со мной ничего не получится, вам нужна помоложе!» Казалось, они здесь пугливее, чем в других местах, не привыкли к чужим. Еще по пути мы часто

¹¹ Очевидно, кисель.

¹² Ср. описание новоторжского женского головного убора у Глушкова и Солнцева.

¹³ Начало святков.

¹⁴ Ненормативное ругательство Витсен объясняет по созвучию со словом Кокуй, как назывался ручей в Немецкой слободе Москвы, к востоку от города. Здесь на р. Яузе, в отдельном районе столицы, жили «немцы», т. е. все западноевропейцы.

видели, что там, где на постоянных дворах были девушки брачного возраста, родители их сразу запирали. У девушек в ушах и через плечи висят серебряные цепочки, на голове позолоченная бахрома. Я видел здесь попа, выходящего из церкви, с крестом и еще во всем облачении, с кропилом и т. п. прямо со службы, он был пьян, приставал, как это делают пьяницы, выкрикивал множество глупых слов и чуть не подрался с нами. Я видел также, как дети слетали с высоких, крутых гор на длинных дощечках быстрее стрелы из лука,¹⁵ ужас! Здесь довольно большой базар, где продаются мясо, хлеб, пиво и много мелочей.

12 января. Из Торжка мы уехали 12-го, проехали в этот день 6 миль до Медного Яма на реке Тверце. Здесь деревенский поп, будучи очень пьяным, поднес послу по их обычаю хлеб-соль.

13 января. Отсюда мы уехали в 4 часа до рассвета и приехали примерно в 9 часов, по нашим расчетам, в Тверь, городок, похожий на предыдущий. Он лежит на реке Волге, на обоих ее берегах. На низком¹⁶ берегу лежат 4–5 городишек или деревушек, каждый со своей церковью; на другом — высоком — находится замок,¹⁷ а также основная часть города. На берегу — крепость, валы, как и повсюду, из дерева, очень запущенные, нас туда не пустили. Там живет воевода и там же — главный рынок и большая часть жилищ горожан. На рынках здесь ночью купцы спускают больших собак для охраны своих лавок. Могилы здесь покрыты белыми плитами, которые лежат на каменных валиках, на некоторых — маленькие деревянные домики.¹⁸

14 января. Пока мы находились здесь, погода стояла ясная; солнце светило весь день очень приятно, на небе — никаких облаков. Около 10 утра появилась радуга, но бледнее обычной и держалась недолго.

¹⁵ Катание с гор — зимнее развлечение детей и холостой молодежи. Залитые водой возвышенные места переходили в ледяную дорожку к реке или озеру. Для катания использовали катульки (широкие выдолбленные доски), корежки (деревянные корыта типа долбленых лодок), короткие скамейки, перевернутые вверх ножками.

¹⁶ Левом.

¹⁷ Тверской кремль построен в XII в., имел овальную форму и площадь около 19 га; протяженность земляных валов и деревянных стен на них около 1600 м. Кремль был огражден с запада Тьмакой, с севера — Волгой, а с востока рвом, через них были перекинута мосты, соответствующие воротам кремля: Владимирские, Васильевские и Тьмацкие. В XVII в. в кремле располагались съезжая приказная изба, воеводский двор, караульная изба, тюрьма и житный двор с запасами продовольствия. В 1609 г. кремль был razорен в ходе польско-литовской интервенции, но вскоре вновь восстановлен.

¹⁸ Дохристианский обычай: Барсов Е. В. Причитания Северного края. М., 1872. С. 307.

Наступал большой праздник Поклонения волхвов;¹⁹ я очень охотно тайком отправился бы в Москву, откуда мы находились только в двух днях пути, чтобы там посмотреть на праздник, но наш пристав не посмел рискнуть, боясь наказания, иначе он отпустил бы нас, тронутый нашим горячим желанием. Из Москвы теперь пришел приказ — не привозить нас к городу раньше 20-го числа.

15 января. Мы выехали из Твери и меньше чем за 4 часа продвинулись на 6 миль до города Городня на Волге. Река получает свое название около Твери, ниже ее называют Тверца.²⁰ Сегодня был канун праздника Поклонения волхвов, когда царь вместе с духовенством совершает водосвятие.²¹ Это происходит во всех церквах, также и здесь, где мы сейчас находимся, следующим образом: большая процессия выходит из церкви после колокольного звона; церемонии внутри церкви не было видно, и о ней я мало что узнал. Первым вышел мужчина, в руках он нес много маленьких горящих восковых свечей; за ним несли большой крест, на каждом конце которого находится кружочек, а на них нарисованы евангелисты, затем несли большую икону св. Петра, потом икону Марии, увешанную четками, и нечто, на концах чего висели серебряные копейки, а на обратной стороне нарисованы другие Марии.²² Затем следовали еще одна или две иконы их святых, после чего один нес большую Библию с медным крестом, другой — кадило. После этого шел человек с большой книгой в деревянном ящике, за ним — другой, тоже с книгами; после него еще один человек, держа большой оловянный сосуд,²³ полный воды, ею в церквах святят иконы и людей, которые, чтобы стать еще святее,

¹⁹ Богоявление — один из древнейших христианских праздников, посвященный рождению Иисуса Христа и событиям, сопутствовавшим ему (Рождество, Поклонение волхвов, Крещение). В православии Богоявление потеряло связь с Рождеством и стало другим обозначением Крещения; в католицизме Богоявление связано с событиями после Рождества, главным образом с Поклонением волхвов.

²⁰ Это ошибка. Волга получает свое название у истока, а Тверца — это левый приток. Кроме того, Витсен путает низ и верх течения.

²¹ Водосвятие — обряд освящения воды, т. е. призывания на воду Божьего благословения с троекратным погружением в воду креста и соответствующими молитвами. По распоряжению патриарха Фотия (ок. 820—896) освящение воды и окропление верующих совершалось каждого первого числа; в январе же освящение воды совершалось на самый праздник Богоявления, 6 января, и накануне Богоявления, т. е. 5 января.

²² Имеется в виду священное знамя — хоругвь.

²³ Водосвятная чаша.

присутствуют на этих церемониях. После всех этих носителей следовал священник, держа в руке палочку, сверху согнутую;²⁴ одет он был в белую ризу, на плечах вышитую красным и желтым; на спине нашиты два маленьких крестика и один большой; из-под ризы висели длинные кисти. Затем шли крестьяне с непокрытой головой, женщины за мужчинами. Так они шли к реке, где во льду была вырублена большая квадратная прорубь. Вокруг нее все остановились, женщины с одной, мужчины с другой стороны. Позади попа стояли двое его помощников. На двух углах проруби стояли по одному мужчине, каждый из них держал связку горящих восковых свечей над самой водой, так что воск капал в нее; эти капли считали священными, вылавливали и сохраняли как лекарство. Поп, благословив людей, начал петь по книге; он часто крестился, и все люди, при некоторых его словах, тоже кланялись и крестились; затем он кадил ладаном воду, идя вокруг проруби, и делал это на каждом углу; таким же образом окуривал все иконы, по три раза каждую, а также людей, но знатных усерднее, чем простолюдинов. После этого дьяконы — те двое, которые стояли сзади священника, — начали читать из большой книги, по-видимому, Поклонение волхвов. Тем временем поп сказал несколько слов, после чего и он сам, и все остальные кланялись и крестились. Это чтение шло так же, как у католиков во время обедни, полупевуче. После этого поп принял другую книгу и читал недолго, а двое дьяконов там, где полагалось, говорили: «Господи, помилуй», при этом весь народ кланялся и крестился. Покончив с этим, он снова взял кадило и окурил три раза воду; затем взял три горящие свечи и трижды благословил ими воду, но еще перед этим он благословил воду двумя пальцами. После этого взял медный крест и, держа его над водой, сказал по-русски несколько слов, благословил воду этим крестом, трижды опуская его в прорубь, а воду, которая стекала с креста, собрали в сосуд. Он поворачивал крест под водой; до этого он благословил воду своим дыханием, три раза крестообразно дуя над прорубью. Следует знать, что во время всех этих действий, между каждым из этих благословений, он долго читал. После этого представления он молился за царя, царицу, царевича и т. д., затем зачерпнул воды и долил до полна сосуд, где находились капли от креста, при этом он и дьяконы пели. Затем подошел один отец и окунул своего ребенка, больного водянкой, три раза с головой в воду: это делалось для выздоровления больного или для будущего блаженства умирающего. Каждый спешил зачерпнуть своим кувшином освященную воду, и все присутствующие смочили ею глаза и лицо, не обтираясь. Между тем зажгли маленькие свечки, которые

²⁴ Вероятно, посох.

обменивали на деньги. После этого поп взял кисть, похожую на короткий конский хвост, побрызгал ею сначала себя, перекрестился крестом и поцеловал ноги Христа, изображенного висящим на этом кресте; затем окропил водой из сосуда иконы, кресты, книги и людей, которые стали целовать этот крест; мужчины шли впереди, за ними следовали женщины, больной ребенок шел вместе с ними и тоже получил благословение. Под конец подошли крестьяне со своими лошадьми, которых для здоровья тоже поили из освященной проруби. Теперь толпа пошла своим путем, а поп со своими отправился в церковь, как и пришел из нее, после чего зазвенели колокола. Эта церемония, по моему, подражание тому событию, когда вода, после того как ангел к ней прикоснулся, вылечила первого вошедшего в нее человека.²⁵ Здесь тоже каждый старался первым зачерпнуть воду. Подобные водосвятия происходят в России и летом.²⁶ В Москве в ней участвуют все знатные, разодетые в лучшее платье. Здесь я стоял так близко, что и на меня брызнуло с кисти.

Когда комета начала терять свой блеск, митрополит в Новгороде наговорил своим соотечественникам-землякам, что это значит мир между ними и Польшей.²⁷

16 января. На следующий день, проехав 7 миль, мы прибыли в деревушку Спасское.²⁸ Был день Поклонения волхвов: священники ходили по всем домам, благословляли хозяев с их семьями святой водой, те весьма благочестиво целовали кресты и давали попам вознаграждение; все двери и косяки тоже благословляли крестом. <...>

22 мая. <...> До Завидова, куда мы прибыли вечером, проехали 9 миль. Отсюда отправились в село Якиманское до реки Шоши, которая около деревни Шоша впадает в Волгу. Перейдя реку Шошу, мы оказались на берегу Волги, где поели, а вечером попали в деревушку в лесу.

24 мая была Троица, и мы праздновали этот день: состоялась проповедь и причастие. Мы находились лишь в трех милях от Твери, проехав накануне 9 миль.

²⁵ Витсен ошибается. Водосвятие совершается в память о крещении Христа.

²⁶ Так называемое Малое Водосвятие — 14 августа.

²⁷ Война за Украину между Польшей и Россией (1654–1667) закончилась Андрусовским перемирием, по которому к России отошла вся левобережная Украина, Киев, Смоленск и Северская земля, захваченные Польшей в начале XVII в.

²⁸ Очевидно, речь идет о с. Спас-Заулок (Московская обл.).

25 мая в 8 часов приехали в Тверь и после полудня переправились через Волгу, где остались на ночь. В прошлую ночь два-три медведя напали на наших лошадей, но стрельцы успели отогнать их выстрелами; при этом выяснилось, как русские воины обращаются с ружьем: один уронил его, пока стрелял, другой не знал, как его зарядить, третий, стреляя, отвернул голову назад, и т. д.

26 мая в полдень перешли реку Тверцу в 6 милях от Твери и вечером прибыли в Торжок, проехав в этот день 18 миль. В Твери схватили возчика, который у нашего баталера²⁹ украл 3 гульдена, увезли его связанным в Торжок, где присудили к денежному штрафу и наказанию: на глазах у всех он был избит *батогами*.

27 мая. Продвинулись только на 4 мили, разбили палатки на берегу Тверцы. Комары, муравьи, москиты и жара мучили нас теперь, пожалуй, больше, чем тараканы и холод зимой. Да, мне думается, что жара в Индии ненамного больше, чем в этом месяце здесь. Крестьяне ходят и работают только в рубахах, а нам с нижним бельем слишком тяжело. И если зимой был постоянный холод, то теперь постоянная жара, небо всегда ясное и безветрие.

28 мая. С утра проехали 3–4 мили до остановки. Мы находились среди леса. У нас было столько же солдат, как прежде, когда уезжали из Москвы, но теперь уже другие. До вечера мы проехали еще 5 миль до местечка Никола у Столпа,³⁰ по названию церкви св. Николая на Тверце. Мы были только в 2 милях от Вышнего Волочка, куда прибыли на следующий день, рано утром, проехав мимо реки Цны. Здесь мы должны были стоять весь день из-за недостатка подвод: крестьяне разбежались; тех, кого поймали, крепко били.

30 мая. Продвинулись на 7 миль до деревни Хотилово.³¹ По пути опять прошли мимо одной реки, названия ее не знаю.³²

²⁹ Баталер — унтер-офицер, ведавший раздачей съестных припасов и вина.

³⁰ Николо-Стопенский монастырь, или пустынь (Вышневолоцкий р-н, с. Белый Омут) впервые упоминается в 1581 г. как мужской монастырь. В конце XVII в. приписан к Могилевской пустыни; закрыт в советское время.

³¹ В XIV–XV вв. д. Хотилово, приписанная к Коломенскому погосту, вошла в состав Деревской пятины Новгородской земли. В 1560 г. по распоряжению Ивана III на тракте между Москвой и Новгородом учреждались ямы. Для «охотников» служить ямщиком нарезались ямские земли. Отсюда одна из версий названия Хотилковский Ям.

³² По пути из Вышнего Волочка в Хотилово путешественники пересекли р. Шлину и, у самого Хотилова, р. Студенку.

ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Юст Юль

[1709, 1710, 1711]

Юль Юст (1664, Выборг — 1715, Ясмунд), датский вице-адмирал, дипломат. Происходил из рода Юлей, известного государственными деятелями, дипломатами и флотоводцами. Учился в Кильской академии, по окончании курса отправился за границу. Матросом на голландском военном судне дважды плавал по Средиземному морю (1681—1688), потом служил в королевском флоте: от лейтенанта (1689) до командора (1704). В апреле 1709 г. в качестве чрезвычайного посланника Дании был отправлен в Россию, где пробыл с сентября 1709 по август 1711 г. Его личным секретарем был теолог Расмус Эребо (1685, Свендборг — 1744, Копенгаген). Выходец из семьи шкипера, он окончил университет Копенгагена и собирался стать священником, но получил предложение отправиться в дипломатическое путешествие в Россию в качестве переводчика и секретаря и сменил духовную карьеру на светскую. Эребо тщательно изучил работы А. Олеария и П. Петрея, в России учил русский язык; сопровождал Юля в поездках за Петром I из Нарвы через Тверь в Москву и позже в Киев и Могилев. По возвращении в Данию с Юлем, Эребо посетил Россию еще дважды в качестве дипломатического курьера (1712, 1713). Осенью 1714 г. датский король вновь предложил Юлю отправиться послом в Россию, но тот отказался. Во время пребывания в России Юль вел дневник, в котором описал свои путешествия через Тверской край. В первый раз он ехал на торжества в честь победы под Полтавой в Москву и обратно (декабрь 1709, март 1710). Второй раз Юль посетил Тверской край по пути на Украину (февраль 1711), откуда, не возвращаясь в Петербург, отбыл на родину. Даты в дневнике приведены по григорианскому календарю (новый стиль); применявшийся

в России юлианский календарь (старый стиль) отставал от него в XVIII в. на 11 дней. Дневник Юля хранится в Копенгагенском государственном архиве. Первая публикация: *En rejse til Rusland under tsar Peter; dagbogsoptegnelser af viceadmiral Just Juel, dansk gesandt i Rusland 1709–1711, med illustrationer og oplysende anmaerkninger ved Gerhard L. Grove. Kobenhavn, 1893. Впервые полностью на русском языке: Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом / пер. Ю. Н. Щербачева. М.: Универ. тип., 1900. Параллельно с Юлем вел свои записки Эребо; под названием «Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию» они по традиции печатаются в приложении к книге Юля. Текст печатается по изд.: Юль Юст. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 101–104, 149, 238; текст выверен по изданию 1900 г.*

1709. ДЕКАБРЬ

По всей России на ямах и между ямами, где по дальности расстояния приходится кормить лошадей,¹ царь выстроил для себя особенные дома. <В каждом> он содержит дворецкого, обязанного смотреть <за порядком> в доме, а также иметь в погребе пиво и небольшое количество съестных припасов, чтобы царю во время быстрых переездов его по <России>, <предпринимаемых> для неожиданной <ревизии> губернаторов и комендантов, было что есть и что пить и где приютиться.

26-го. <Сделав> 37 верст, прибыл в 9 ч. в Березай,² покормил там лошадей и в 10 часов снова пустился в путь. В час приехал на 4 ям,³ Хотилово — в 25 верстах <от Березая>. Снова остановился в царском доме. Из <Хотилова выехал> в 4 часа и, <сделав> 35 верст, прибыл в 8 ч. вечера на царское подворье в Вышний Волочек, где был пятый ям.

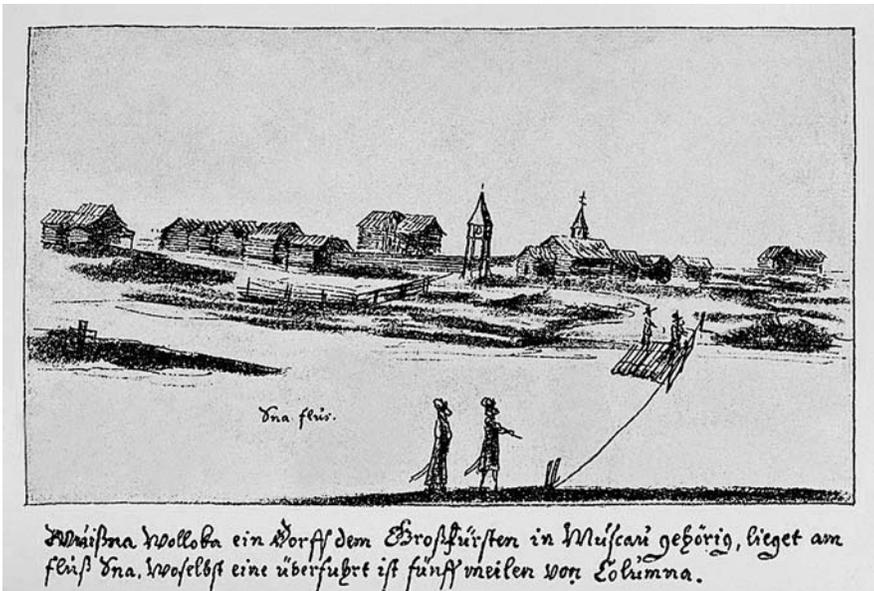
<Вышний Волочек> расположен на Мсте <Amster>. На <реке этой> у самого города стоят восемь флейтов⁴ вместимостью каждый

¹ Речь идет о путешествии на долгих, т.е. на одних и тех же лошадях, без перемены. Ранее Юль пишет: «Я должен был всюду подолгу останавливаться, чтобы кормить лошадей, так как дорогою мне их не меняли и я до Новгорода ехал на тех, что мне дали в Петербурге» (Лавры Полтавы. С. 95).

² С. Березай Ингерманландской губ., позже Вышневолоцкого у.

³ Юль считает ямы по переменам лошадей; поскольку до Новгорода он ехал на долгих, первые три перемены пришлось на Бронницы, Крестцы, Зимогорье (см. расписание ямов, приведенное Юлем далее). Замечание «покормил там <в Березае> лошадей», очевидно, относится к остановке, сделанной ямщиком на перегоне от Зимогорья до Хотилова.

⁴ Голландский флейт — тип парусного судна, длина которого в 4–6 раз превышала ширину, что позволяло ходить под парусами при разном направлении ветра.

А. Мейерберг. Вышний Волочек, селение, принадлежащее великому князю московскому, на реке Цне, где имеется переправа в пяти милях от Коломны. 1661.

Рисунок из издания «Барон Мейерберг и путешествие его по России». СПб., 1827

в 150 ластов.⁵ Построены в Казани.⁶ По словам лейтенанта, который их ведет, они находятся в пути $2\frac{1}{2}$ года и должны идти в Петербург. <В Вышнем Волочке> они уже стоят давно ввиду порогов, чрез которые могут пройти только при сильном половодье весною, вследствие чего должны ждать. Как мне сообщали, выше по течению стоят еще пять <флейтов>, которые находятся в пути $3\frac{1}{2}$ года; заведует ими один командор.

Из <Вышнего Волочка> выехал в 9 часов и, <сделав> 35 верст, прибыл в час в Выдропуск, где не мог остановиться в царском доме, ибо за день до того он сгорел. Отправился оттуда далее в 3 ч. утра.

⁵ Ласт — 1) единица массы около 2000 кг, применявшаяся в ряде прибалтийских стран при определении массы грузов, перевозимых на судах; 2) устаревшая мера вместимости судна, равная 2 регистровым тоннам или 5,66 м³.

⁶ С XVIII в. в Казани началось строительство гражданских, военных судов, фрегатов с тяжелой артиллерией. В 1701 г. Петр I приказал заложить в Казани несколько судов; с 1713 г. Казанская губерния обязана была ежегодно заготавливать и отправлять в Петербург лес на три корабля.

27-го. <Сделав> 35 верст, прибыл в 8 часов утра в город Торжок, где был 6 ям. В дороге солдаты и пристав были для меня крайне полезны и необходимы: <они> собирали лошадей, смотрели за санями и вещами, так что моим людям не надо было заботиться ни о чем: дорогою <последние> спали себе в закрытых санях, устроенных на этот предмет на русский <лад>. Солдаты им прислуживали так же, как и мне.

Торжок — небольшая плохенькая крепость, окруженная слабою стеной, но имеет многочисленные и обширные посады. Город прислал мне в подарок чрез одного старшину ведро водки, ведро пива и несколько пшеничных хлебов. Что такое ведро, я объяснил выше, при <описании> русской меры и веса.⁷

Выехал я из <Торжка> в 9 ч. и, <сделав> 34 версты, прибыл в 3 часа пополудни в Медное, <где> меня снова ввели в царский дом. Покормив <лошадей>, выехал из <Медного> в 4 часа и, <сделав> 27 верст, прибыл вечером в Тверь.

Тверь — большой город с маленькою крепостью; стоит на Волге. Здесь был 7 ям. Как только я приехал в Тверь, комендант, Иван Михайлович, прислал за мною свои сани, приглашая к себе <обедать>. Он сделал большие приготовления для моего приема, <зажег> много люстр и канделябров с восковыми свечами. Комната была кругом уставлена великолепнейшими образами; пред каждым, согласно русскому обычаю, горела восковая свеча. На вид <комендант> был весьма добродушный и вежливый человек. Жена его тотчас же вышла к нам <в сопровождении> многочисленной женской свиты и, по русскому <обычаю>, предложила мне поцеловать меня; затем мне и бывшим со мною <лицам> сама поднесла водки, после меня усадили за стол, за которым подавалось много рыбных блюд. По русскому обычаю, о котором сказано выше, всякое <здоровье> пили иным напитком и в другого рода сосудах для питья. Во время обеда по распоряжению коменданта <в горницу> вошло 16 <скоморохов>, которых, по его словам, у него имеется 60 человек. Они принялись дудеть, свистать, петь и куковать, каждый на свой лад, <представляя> разнообразное <пение> птиц в лесу. Свистали они так громко, что стена отражала звук, и хотя <все эти люди> стояли против меня, казалось, что они одновременно находятся и спереди, и сзади. Они сделали себе также

⁷ «Русская мера, известная под именем кружки, содержит 6 датских пэлей <...> 8 кружек составляют русское ведро. В России жидкие тела бочками не измеряются, и как <самые> бочки бывают различных величин, то объем их определяется ведрами; так, бочка может содержать 20, 30, 40, 60 ведер и т. д., смотря по ее размеру» (Лавры Полтавы. С. 81).

кастаньеты из деревянных ложек с погремушками на концах⁸ и щелкали ими, играли на вольнках и скрипках, плясали, забавно по-шутовски ломались, сгибались и бегали взад и вперед на карачках, свистели. Это представляло весьма своеобразное и веселое зрелище. <Став> в круг, они взлезали также друг к другу на плечи и с различными шутовскими повадками вырастали в башню. Между тем по моему приказанию часть моих людей поехала вперед с вещами, меня <комендант> задержал до 11 часов ночи, я насилу от него вырвался.⁹

Из Твери я выехал в полночь.

28-го, <проехав> 32 версты, прибыл в 7 часов утра в Goretzin,¹⁰ затем 30 верст, достиг в полдень Завидова, а в 5 часов вечера, 28 верст, приехал в Клин. Здесь был 8 ям. Таким образом, сделал 90 верст в 14 часов, причем еще три часа прокормил лошадей. Из <Клина> я тронулся в 6 ч. вечера и, <сделав> 45 верст, прибыл в полночь в Чашниково;¹¹ оттуда, покормив, поехал в 2 часа далее и <наконец, сделав> 37 верст, прибыл наутро в Москву, — 29-го, к половине 9-го утра. <...>

⁸ Ложки как народный музыкальный инструмент бытовали до начала XVIII в. Об этом косвенно свидетельствуют лубочные картинки XVIII в., например лубок «Медведь с козю прохлаждаются» с подписью: «Медведь с козю прохлаждаются, на музыке своей забавляются. Медведь шляпу взял, в дудку играл, а коза сива в сарафане синем с рожками и с колокольчиками и с ложками скачет и в присядку пляшет» (*Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб.: Изд. Р. Голике, 1900. Т. 1. С. 367*).

⁹ Ср. описание этого приема в записках Р. Эребо: «27-го прибыли в Тверь, где посланник и важнейшие <лица> его свиты были позваны в гости к коменданту. Тут, вследствие чрезмерных приневоливаний хозяина, угощавшего нас вином, водкою и медом, я так нагрузился, что меня чуть не <на руках> снесли в мои сани, после чего мне пришлось мчаться во весь опор. Вследствие быстрой езды и хмельного шума в голове я так ошалел, что пришел в неистовство и <видел> самые страшные грезы, как в сильнейшем жару. Это так меня ослабило, что всему этому я приписываю болезнь, которою я по прибытии в Москву тотчас же занемог. Впрочем, <пир у коменданта> был из занятнейших, на которых мне когда-либо приходилось присутствовать, ибо комендант предоставил нам слушать <хор> музыки, состоявший человек из двадцати, которые каждый на свой лад свистели, пели, вскрикивали, кричали петухом, куковали, щебетали, скворчали, словно то был целый лес, наполненный всякого рода птицами. Звуки эти были своеобразны и забавны, особенно в комнате» (*Эребо Расмус. Выдержки из автобиографии, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы. С. 368*).

¹⁰ С. Городня.

¹¹ С. Чашниково Московского у. Московской губ. принадлежало Нарышкиным.

В это мое путешествие из Петербурга в Москву я сделал следующие наблюдения. О собственных домах царя, построенных по его приказу у ямов и между ямами, где приходится кормить, я уже говорил. Меня постоянно помещали в эти дома; там же, где их не было, пристав, всегда ехавший с несколькими солдатами впереди, занимал силою дом, который ему больше нравился, приводил его к моему приезду в порядок, топил, выгонял из него <хозяев> и вполне завладевал всем, что там было; ибо здесь нет гостиниц, в которых можно бы за <известную> плату кормить лошадей или останавливаться. В случае поломки саней или сбруи солдаты силою отымали у крестьян всё, что было нужно, так что мне ни о чем не приходилось заботиться. В России крестьяне повсюду так привыкли к подобным <порядкам> и так боятся солдат, что охотно, без прекословий, готовы отдать добровольно всё, лишь бы избежать их побоев и неблагодарности.

В санях, несмотря ни на какой холод и мороз, мне лежалось так хорошо и тепло, что, когда по моему приказанию их закрывали со всех сторон, я скорее мог бы пожаловаться на жару, чем на холод. У каждого из моих людей были тоже свои отдельные сани, снабженные, как следует, покрывалами и полостями,¹² так что нельзя было путешествовать удобнее. Всё же перед тем как пускаться в долгий путь, следует обзавестись своими хорошими, новыми санями; ибо те, которые попадают в дороге и которые выбираешь наспех, не так хороши и удобны, как заказываемые в больших городах, где их можно достать готовыми на <всякий> вкус.

Привожу расписания ямов, или перемен лошадей, от Петербурга до Москвы с обозначением и числа верст от одного яма до другого:

От	Петербург до Новгорода	170 верст	1 ям
“	Новгорода до Бронницы	20 “	1 “
“	Бронницы до Крестцов	65 “	1 “
“	Крестцов до Зимогорья	63 “	1 “
“	Зимогорья до Хотилова	62 “	1 “
“	Хотилова до Вышнего Волочка	35 “	1 “
“	Вышнего Волочка до Торжка	70 “	1 “
“	Торжка до Твери	60 “	1 “
“	Твери до Клины	90 “	1 “
“	Клины до Москвы	90 “	1 “

Итого от Петербурга до Москвы 742<?> версты 9 ямов
<...>

¹² Полость — здесь покрывало для ног седока в экипаже.

1710. МАРТ

11-го. Наконец благодаря князю Меншикову¹³ сделаны были распоряжения относительно моего путешествия <в Петербург>¹⁴ и вице-канцлеру Шафирову¹⁵ отдано приказание о лошадях, которые и были приведены вечером, впрочем так поздно, что <в этот день> я уже не мог пуститься в путь. <...>

12-го. Прождал я здесь и этот день, так как узнал, что выданные мне из приказа подорожные для получения подвод на всех ямах действительны только до Твери, а что <для дальнейшего путешествия необходимы> другие подорожные — от князя Меншикова. <Сперва> подорожные, выдаваемые приказом, были действительны по всей стране, куда бы ни ехать; но теперь, с учреждением в России губерний, <дело изменилось>. Московская губерния кончается Тверью, а там начинается <губерния, подведомственная> князю Меншикову,¹⁶ и, чтоб не застрять на полдороге, я должен был остаться еще на один день, чтоб добыть подорожную от него. Получил я ее так поздно, что и сегодня вечером не мог выехать.

13-го. Пустился в путь из Москвы в Петербург и, <сделав> 40 верст, приехал в 6 часов вечера в Чашниково <Kaniscoff>. Покормив там <лошадей>, отправился в 10 часов вечера далее.

14-го. <Сделав > 45 верст, прибыл в 6 часов утра в Клин, где был первый ям, или перемена лошадей. Сделав 53 версты, достиг в 5 часов пополудни Городни, где кормил лошадей, а в полночь приехал на второй ям, в Тверь, в 35 верстах <от Городни>.

15-го. <Сделал> 30 верст, в 9 часов утра Медное; <выехал> оттуда в 11 и в 3 часа пополудни прибыл на третий ям, в Торжок, в 30 верстах. Из <Торжка выехал> в 5 часов и, <сделав> еще 38 верст, достиг в полночь Выдропуска.

¹³ Меншиков Александр Данилович (1673, Москва — 1729, Березов), государственный деятель, сподвижник и фаворит Петра I; в описываемое время — генерал-губернатор Петербурга (1703—1727), генерал-фельдмаршал (1709).

¹⁴ Речь идет о возвращении Юля и его свиты ко двору Петра I.

¹⁵ Шафиров Петр Павлович (1669—1739), барон, политический деятель, вице-канцлер, переводчик и автор трудов по истории; после триумфальной Полтавской победы пожалован в тайные советники и произведен в вице-канцлеры.

¹⁶ До 1708 г. территория России делилась на различные по размеру и статусу уезды; в декабре 1708 г. по указу Петра I образованы первые 8 губерний: Ингерманландская (с 1710 г. Санкт-Петербургская), Московская, Архангелогородская, Смоленская, Киевская, Казанская, Азовская, Сибирская. Ингерманландскую возглавил А. Д. Меншиков, Московскую, в которую в то время вошла Тверь, — Т. Н. Стрешнев.

16-го. В 9 часов утра прибыл на четвертый ям, в Вышний Волочек, в 35 верстах <от Выдропуска>. Тут осмотрел семь флейтов, стоящих на Мсте, о которых упомянуто под 26 декабря 1709 г. Суда эти построены из дуба, с виду красивы и изящны, но <сидят> неглубоко и груза <подымают> весьма мало. В 5 часов пополудни прибыл на пятый ям, Хотилковский, в 35 верстах <от Вышнего Волочка>; в тот же вечер <сделал> еще 35 верст и в 10 часов <достиг> Едрова.

<...>

1711. ФЕВРАЛЬ

4-го. В полдень выехал из Новгорода.¹⁷ Всюду на дороге попадались царские подворья; останавливался я в них на время перепряжек, а затем ехал далее.

6-го. Ночью между Торжком и Тверью три раза менял лошадей в лесу, ибо в <тех> трех деревнях, <где находятся ямы>, еще не прекратилась чума¹⁸ и <деревни эти> оцеплены.

7-го. В 8 часов приехал в Тверь. Местный комендант позвал меня к себе кушать. У него я <видел> то же представление, что и в прошлом году во время путешествия моего из Нарвы в Москву. Вечером близ Клина я нагнал своих людей, отправленных вперед с вещами.

8-го. В 9 ч. счастливо и благополучно приехал в Москву.

¹⁷ Речь идет о путешествии Юля в южные провинции Российской империи.

¹⁸ Эпидемия длилась в Москве с августа 1654 г. по январь 1655 г.; известно, что с августа по сентябрь 1654 г. чумой были охвачены Тверь, Торжок, Кашин.

Фридрих Христиан Вебер

[1716, 1718]

Вебер Фридрих Христиан (?–1739), ганноверский резидент при русском дворе (1714–1719), автор сочинения «Преобразованная Россия» (т. 1–3, 1721–1740) о внутренней и внешней политике Российской империи. Жил в Петербурге, ненадолго отлучаясь в другие города страны; в феврале и марте 1716 г. и феврале и апреле 1718 г., по дороге в Москву и обратно, посетил Тверской край. Впечатления о путешествии нашли отражение в его путевых записках, позднее вошедших в книгу. Первое издание: *Das Veranderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments; der Krieges-Staat zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen; die geoffneten Berg-Wercke, die eingefuhrte Academien, Kunste, Manufacturen, ergangene Ferordnungen, Geschaffte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vassalen, nebst der allerneusten Nachricht von diesen Volkern, die Begebenheiten des Tzarewitzen, und was sich sonst merkwurdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbecandten Nachrichten, in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Land-Karte und Kupfferstichen versehen. Francfurt, 1720.* Текст печатается по изд.: *Записки Вебера / пер. П. П. Барсова // Русский архив. 1872. № 7–8. С. 1347–1356, 1451–1452.*

Выехав под вечер 24 февраля 1716 г. из Петербурга, 25-го я приехал в Новгород, 27 в Тверь, а в 8 часов утра 28 числа, следовательно менее чем в четверо суток, прибыл в Москву. Весь этот путь, более 120 немецких добрых миль,¹ совершают на саних чрезвычайно быстро; летом же, напротив, в течение 2–3 недель, и сия последняя езда невыносимо тягостна по причине множества дощатых мостов на дороге.

Без удобства саней, употребляемых в России, иностранцу невозможно было бы вынести в дороге сильные морозы. Сани сверху и кругом крепко закрыты и укутаны, так что ни малейший ветер не может проникнуть в них, а по обеим сторонам вделяются маленькие окон-

¹ Немецкая миля равна 7 верстам, т. е. 7 420 м.

ца и сумки или карманы для книг, ради препровождения времени, и для съестных припасов; вверху над головою висит фонарь с восковою свечою, которую зажигают с наступлением ночи. В самых санях внутри стелется постель, в которой и лежишь день и ночь во время пути, а в ногах кладутся нагретые каменные плиты или медные фляги с горячей водою, чтобы теплее было в санях; около фляг ставится ларец с вином и водкою, для предохранения этих напитков от мороза, хотя, впрочем, при всех предосторожностях, самые горячие напитки замерзают и обращаются в лед. В такой спальне едут день и ночь, не выходя из саней, разве за надобностью, тем более что по всей дороге нет ни гостиниц, ни съестных припасов, которые бы можно было купить, кроме черствого простого хлеба и предурной водки, так что всегда следует держать при себе в санях свой холодный обед.

На протяжении всей дороги находится 24 почтовые станции, или яма, как русские их называют, на расстоянии 4 или 5 миль одна от другой, и на каждой станции стоят 20 и более почтовых лошадей, содержимых особыми, приставленными для того крестьянами, кои, получая ничтожные почтовые деньги с проезжающих, освобождаются от всех других повинностей и служат только для провоза проезжающих. Такое удобство и дешевизна езды очень облегчают двор и купцов в их путешествиях между Петербургом, Москвою и Архангельском, которые иначе совершались бы с великими трудностями. Почтальоны имеют только один значок — изображение государственного орла, который надевают они на время дороги, ходят же они в простой крестьянской одежде и никаких почтовых труб или рожков не употребляют.

В 1718 году верховая почта, т. е. верхом на лошади, устроена по немецкому образцу, и почтальоны дуют теперь в рог, как умеют, и носят серые кафтаны, на спинке которых пришит вырезанный из красного сукна почтовый рожок. Крестьянам, приставленным для верховой почты, вначале очень не нравилась эта игра на рожке и точно определенное время езды, и я помню еще одного такого новичка почтальона в Петербурге, который, со злости на такое нововведение, выпил столько водки, что тут же на месте и умер: таким образом ему лучше было умереть, чем дуть в рожок, и этим он явил образец упрямства своей нации.

Возящие проезжих почтальоны, или извозчики, носят всё еще, как сказано, крестьянскую одежду и, вместо почтового рожка, очень звонко свищут губами; этим же свистом подгоняют они лошадей и поворачивают с дороги встречных проезжих. Приезжая на следующую станцию, они поднимают громкий крик перед станционным домом и кричат «давай!», т. е. «давай лошадей», до тех пор, пока не запрягут новых лошадей и не поедут далее. Они гонят лошадей

всегда в галоп, чуть только позволяет дорога, хотя седоки и не требуют этого. <...>

В городе Твери около 2 000 домов, 70 церквей и монастырей и довольно сильная, на горе возведенная, крепость, в которой живет комендант. Город стоит на реке Волге, впадающей в Каспийское море, и так как лежащее на той же реке царство Казанское сплавляет сюда ежегодно по несколько тысяч ластов хлеба, то Тверь составляет настоящее складочное место для хлебной торговли, и отсюда уже санным путем развозится всё потребное количество хлеба для армии и в Петербург. <...>

Почва земли почти до самой Москвы песчаная и не особенно плодородная; по дороге ничего, кроме елового лесу, не видно, хотя все-таки страна от Петербурга до Твери кажется плодороднее, чем от Твери до Москвы. Деревень встречается мало, и расположены они не в лесах или кустарниках, а на открытых, ровных полях, и крестьянские избы сложены из голых бревен, без извести, окон и железа. Печи в этих избах преогромные и занимают четвертую часть всего жилого помещения. Когда печь вытопят и закроют, вся семья забирается к вечеру на нее, укладывается там плотно друг к другу и прожаривается вдоволь. Если на печи места не хватает, устраиваются из досок, под самым потолком, полати, на которые и забираются остальные члены семьи, так что на полу никто никогда и не спит. Когда я, бывши в Твери, застал таким образом на печи и на полатах целых 20 человек: родителей и детей, зятьев и невесток и остальных челядинцев, то спросил их, не тесно ли им так спать, мне отвечали, что им очень удобно в таком теплом месте, что они покоятся там очень хорошо и никакой другой постели не употребляют.

Так как почва земли в большей части страны по этой дороге (как упомянуто) мало плодородна, а в некоторых местах жатва не вознаграждает и затраченного на нее труда, то многие крестьяне вовсе не заботятся об обработке земли, а собирают и продают только то, что доставляет им сама природа. Сена у них вдоволь и чего сами не изведут, возят в другие места и обменивают на потребный зерновой хлеб. Хмель растет там везде сам собою, очень часто в лесах, и не требует за собой никакого ухода или заботы. Этот хмель крестьяне собирают, развозят и продают и таким образом поддерживают свои средства к существованию. Вообще сельское население ведет горестную жизнь тем более, что все крестьяне — рабы и работают на господ своих; но выносят они такое состояние очень терпеливо, потому что не знают иного, лучшего образа жизни, и другого они не видали и у родителей своих и дедов. На всей большой дороге нет у крестьян ни порядочного домохозяйства, ни продажных съестных припасов и напитков, и каждый едущий

в Москву должен запастись необходимым продовольствием на всё время пути. Никаких свечей у крестьян нет, а хозяин, хозяйка и дети носят тонкие зажженные лучины в руках или во рту, держа их наискось, бегают с этими лучинами всюду в избе и отправляют с ними все свои работы. Прежде крестьяне носили длинные, до земли доходившие одежды и очень неохотно соглашались изменить их; но их отучили от таких длиннополых кафтанов следующим, довольно действенным средством. У городских застав понаставили солдат, которые каждого крестьянина, прибывшего в город в длинном кафтане, ставили на колени и тут же обрезают ножницами кафтан до колен, да кроме того выскивали с него и денежную известную пеню. Теперь крестьяне ходят уже в своих суровых коротких, по колена идущих, кафтанах, а летом в такой же короткой рубахе, выпущенной поверх портов и охватываемой поясом, на котором спереди висит обыкновенно большой нож в ножнах, с боку кнут, а сзади заткнуты корявые рукавицы и топор. Волосы подстригают они коротко, до ушей, и зиму и лето носят мохнатые шапки; бороды до сих пор крестьянам еще оставлены, потому что между ними мало рук, которые могли бы приучиться к бритве. Обувь их составляют лапти, плетенные из лыка, и иной обуви они и не знают. На шее, с самого часа крещения, они носят крест, а при нем и денежный кошель, хотя мелкую монету, если ее немного, долго держат во рту, и, если им подаришь или заплатишь за что такую монетою, они тотчас бросают ее в рот и держат ее там под языком.

В каждом селении есть как бы старший крестьянин, которого зовут старостой; он заправляет деревней, но власть его очень ограничена, и чего он сам порешить не может, то переносится им в городскую канцелярию.

Как в городах, так и по селениям русские женятся очень молодые, и все крестьянские избы всегда полны ребятишками. Если крестьянин берет жену из другого селения, то платит за дозволение от 4 до 5 рублей, за жену же из своей деревни только 4 пфенинга. В малых и больших местечках или селах есть церкви; но так как проповедей в них не говорят и школ нигде по деревням нет, то народ не может иметь больших сведений в религии, а тем менее в чтении и письме, хотя ныне правящий царь,² желая изгнать древнюю слепоту и невежество, имеет намерение поставить учителей, для обучения детей чтению и письму, по всем селениям своего государства, как это заведено уже в городах.

Русские держатся уставов своей веры с слепою покорностью и чрезвычайно строго, и я всегда удивлялся тому, как ревностно кре-

² Петр I.

Medna ein Dorf dem Patriarchen in Kustland gehörig liegt sechs Meilen von Sorfocb.

А. Мейерберг. Медное, селение, принадлежащее патриарху российскому, в шести милях от Торжка. 1661.

Рисунок из издания «Барон Мейерберг и путешествие его по России». СПб., 1827

стьяне соблюдают свои посты, причем некоторые из них до того суеверны, что и проезжему в это время не продают ни молока, ни яиц. Они веруют, что если будут соблюдать свято только эти посты, то во всякое другое время могут жить в свое удовольствие, почему у них и совершается такая бездна беспорядков и насилий во время масленицы, которая составляет карнавал русских и предшествует их великому посту. <...>

В одном селении близ города Твери я с удивлением услышал двух русских, говоривших на чуждом языке, именно на финском. Когда я спросил их, русские ли они и если природные русские, то не жила ли они в Финляндии, они сначала не хотели совсем отвечать, но наконец сказали, что они русские и никогда далеко от своей деревни не уходили, а выучились говорить по-русски и по-фински от своих родителей; при этом они указали мне на одного старика, который мог сообщить мне более сведений по этому предмету. Этот старик рассказал, что отец его, в числе нескольких тысяч других финских жителей, во время смут и враждебных столкновений между русскими и шведами оставил свое отечество и отдался под покровительство царя; эти колонии поселились в разных местах до самой Твери и до сих пор удержали финский язык, хотя и довольно уже испорченный.

По счислению сказанного старика я нашел, что переселение, о котором он говорил, совершилось во времена Густава Адольфа³

³ Густав II Адольф (1594–1632), король Швеции из династии Ваза (с 1611), выдающийся полководец.

и генерала его Якова де ла Гарди,⁴ который нанес русским много вреда, ибо тогда царь Михаил Федорович⁵ уступил шведам Кексгольм и Ингерманландию;⁶ жители же этих мест, частью по собственному побуждению, ради перемены управления, частью же по принуждению царей, переселились в Россию.⁷ На всём пути моем до Новгорода я не встречал подобного рода людей; но, по собрании более точных сведений, я узнал, что по обеим сторонам большой дороги целый ряд селений (как венды в Германии⁸) наполнен этими финскими переселенцами. Хотя они называют себя русскими и на словах признают русскую веру, но в сердце питают свою особую веру и держатся обычаев, которые, несмотря на строгий надзор русских, передают от детей внукам в такой тайне, что их нельзя ни в чем проследить. Прежде их очень преследовали, но при теперешнем правлении на них смотрят сквозь пальцы, потому что живут они тихо и в точности несут все свои подати и повинности. У них есть и свои русские церкви, но в удаленных и глухих местностях; они редко посещают их, и хотя часто слышится колокольный звон, возвещающий богослужение, но это только для виду, и те заезжие со стороны люди, которые случайно пожелали

⁴ Деллагарди Якоб Понтус (1583–1652), шведский полководец и государственный деятель, активный участник событий Смутного времени. В феврале 1609 г. возглавлял пятнадцатитысячный вспомогательный отряд, отправленный шведским королем Карлом IX на помощь Василию Шуйскому против польских интервентов; вместе с войсками под командованием Михаила Скопина-Шуйского разбил поляков у Твери.

⁵ Михаил Федорович Романов (1596–1645), первый русский царь из династии Романовых.

⁶ По Столбовскому миру (1617), заключенному после поражения России в русско-шведской войне, Швеции отошли Корельский, Ореховский, Копорский, Ямской и Ивангородский уезды Водской пятины. Кексгольм — крепость на острове между северными рукавами Вуоксы при впадении ее в Ладожское озеро, позже город; Ингерманландия — граничащая с Карелией этнокультурная и историческая область на северо-западе России, ограниченная Финским заливом, р. Нарвой, Чудским озером на западе и Ладожским озером на востоке.

⁷ Тверские карелы, родиной которых являлся Корельский уезд Водской пятины, появились на тверских землях в ходе переселения, которое началось в XV–XVI вв. и стало массовым после заключения Столбовского мира. Пиком переселения стали 1640–1660-е гг., когда несколько десятков тысяч карел из-за религиозно-идеологических притеснений Швеции перешли в русское подданство.

⁸ Венды — средневековое германское собирательное название всех соседних немцам славян; к настоящему времени закрепилось за всеми полабскими славянами и в более узком значении — за лужицкими сербами и кашубами.

бы присутствовать на молитве и пошли бы в церковь, увидали бы, что двери ее заперты, и в ней нет ни священника, ни прихожан. <...>

Когда мы отправлялись 1-го апреля из Москвы, то из дворца дали нам знать, что так как крестьяне на большой дороге чрезвычайно обессилены и отягчены, то чтобы мы ехали другою дорогою, взяв несколько правее, по направлению на Ладожское озеро. Эта дорога в зимнее время для проезда довольно удобна; но так как на пути нас застигла ростепель и мы должны были переправляться через двадцать и более рек, на которых не было ни мостов, ни паромов, так что мы сами принуждены были устраивать последние, и так как, с другой стороны, крестьяне в этих местах никогда не выдвигали подобных нам путешественников и, завидя нас, бежали от нас с детьми и лошадьми своими в леса, то это было наитруднейшее из путешествий, какие когда-либо совершал я, и бывшие между нами некоторые странствующие господа, изъездившие целые две части света, говорили, что они не помнят, чтобы переносили когда-либо такую бездну неприятностей и лишений, какие вынесли они на этой дороге.

С великими трудами добрались мы наконец до Кашны <Kaschna, Кашин>, где воевода Алсуфьев⁹ прислал нам для подкрепления пива, меду, водки и хлеба, затем сам отговорил нас и представил нам очевидную опасность, которой мы подвергнемся, если будем продолжать нашу прежнюю дорогу; поэтому, без дальнейших размышлений, мы воротились в Тверь, а оттуда поехали уже по большой дороге, и таким образом в три недели прибыли наконец в Петербург, где в это время делались приготовления к приему вице-царя московского Ромодановского.¹⁰

⁹ Возможно, Олсуфьев (Алсуфьев) Афанасий Дмитриевич, капитан (?–1725); похоронен с женой, М. И. Олсуфьевой, в соборной Троицкой церкви Клобукова монастыря г. Кашина.

¹⁰ Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640–1717), князь, государственный деятель, генералиссимус, ближайший сподвижник Петра I, в 1686–1717 гг. глава Преображенского приказа розыскных дел.

Фридрих-Вильгельм фон Берхгольц

[1721, 1723, 1724]

Берхгольц Фридрих-Вильгельм фон (1699, Гольштейн — 1771, Висмар), гольштейнский дворянин, камер-юнкер. В 1709—1714 гг. жил в России вместе с отцом, состоявшим на русской службе. В 1721 г. вторично приехал в Россию в свите герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, ожидавшего руки одной из дочерей Петра I — Анны или Елизаветы; в 1727 г. вместе с герцогом и Анной Петровной (1708—1728), его супругой (1725), вернулся в Гольштейн. После кончины Карла-Фридриха (1739) стал воспитателем его сына Карла-Петра-Ульриха (1728—1762), назначенного наследником русского престола и ставшего впоследствии императором Петром III. В 1742 г. вместе с наследником в третий раз приехал в Россию; в 1746 г. получил отставку, остаток жизни провел в Висмаре. В 1721—1725 гг. вел дневник, где отражены два путешествия герцога из Петербурга в Москву: первое (декабрь 1721 — март 1723) — на торжества в честь принятия Петром I титула императора всероссийского; второе (март — июнь 1724) — на коронацию императрицы Екатерины I. Эти четыре поездки через Тверской край Берхгольц описал с разной степенью обстоятельности. В декабре 1721 г. он спешно догонял свиту герцога и потому лишь перечислил населенные пункты и расстояния между ними, а позже по чужим рассказам описал торжественные приемы герцога в Вышнем Волочке и Твери. Столь же лаконично описание путешествия 1724 г. Путь из Москвы в Петербург в марте 1723 г. представлен подробнее. Описание праздников и пиров здесь соседствует с картинами пыток и казней разбойников близ Вышнего Волочка. Первое немецкое издание: *Fr. Wilhelm v. Bergholz's, grossfürstlichen Ober-Kammerhern Tagebuch, welches er in Russland von 1721 bis 1725 als Holsteinischer Kammer-junker, geführet hat // Magazin fuer die neue Historic und Geographic. 1785—1788. Bd. 19—22.* Впервые полностью на русском языке: *Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год / пер. с нем. И. Ф. Аммона: в 4 ч. М., 1857—1860.* Текст печатается по изд.: *Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца.*

1721–1725 // *Неистовый реформатор: Антология. М.: Фонд Сергея Дубова. 2000. Ч. 1. С. 276–277; Ч. 3. С. 37–40; Ч. 4. С. 213, 238. Серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.»*

ДЕКАБРЬ 1721 г.

<Из Петербурга в Москву>

22-го. От Валдая до Берозейт¹ 37 верст; 23-го, до Борозды,² 57 верст; 24-го, до Будова,³ 51 верста; 25-го, через город Торжок до Мариенне,⁴ 42 версты и 26-го, до города Твери, 43 версты. Здесь нам следовало получить новый указ о фураже.

27-го мы приехали в большую и прекрасную деревню Городень,⁵ принадлежащую князю Меншикову. Здесь, когда я обедал, священник⁶ поднес мне с низким поклоном большой хлеб, на котором сверху лежала соль. Таков национальный обычай, соблюдаемый с знатными людьми. Я, с своей стороны, подарил ему полтину. Вечером мы были в Шоше,⁷ деревне, принадлежащей княгине Черкасской,⁸ так что сделали в этот день 47 верст. <...>

Здесь <по прибытии в Москву> один из моих друзей сообщил мне о случившемся после моего отъезда из Петербурга следующее <...> В Вышнем Волочке <16-го> его высочество имел остановку за лошадыми и был отлично принят тамошним градоначальником, ко-

¹ Очевидно, д. Старый Березай Бологовского р-на.

² Д. Борозда Вышневолоцкого р-на.

³ Д. Будово Торжокского р-на.

⁴ Д. Марьино Торжокского р-на.

⁵ С. Городня Калининского р-на. В начале XVIII в. Петр I подарил его князю А. Д. Меншикову, но когда тот попал в опалу (1727), его владения были конфискованы. С 1730-х гг. Городня принадлежала бригадиру Петру Алексеевичу Бему, который отремонтировал и расписал храм, построил кирпичные трапезную (с приделом праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы) и шатровую колокольню (1740–1745).

⁶ Служитель церкви Рождества Богородицы (XV в.).

⁷ Д. Шоша Конаковского р-на.

⁸ Черкасская Мария Юрьевна, урожд. Трубецкая (1696–1747), княгиня. Имение наследовала ее дочь Черкасская Варвара Алексеевна (1711–1767), княжна, фрейлина при Анне Иоанновне, первая камер-фрейлина при Елизавете Петровне (1742), статс-дама при Екатерине II; в 1743 г. вышла замуж за генерал-аншефа, обер-камергера, сенатора Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), к которому перешли права на имение (Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII веке. М., 2004).

торый родом калмык.⁹ 17-го его высочество встречали в Твери точно так же, как в Новгороде,¹⁰ потом приглашали в аптеку, где ему подносили разного рода крепкие напитки.¹¹ 18-го, в 8 часов утра, герцог прибыл в Москву; следовательно, окончил путешествие в 4 дня.

МАРТ 1723 г.

<Из Москвы в Петербург>

6-го, рано утром, мы отправились из города Клина и ехали до четвертой станции, Завидова, 27 верст, а оттуда до пятой, села Городня (Sologerodnae), опять 27 верст. На этой дороге надобно было переезжать на больших лодках через реку Сось (Sossstrom),¹² и много прошло времени, пока мы все переправились, потому что там нашлось только одно судно, подвигавшееся необыкновенно медленно. У переправы мы нагнали свиту тайного советника Геспена, отправившуюся из Москвы за два дня до нас. Из нее только немногие успели перебраться на ту сторону реки; остальные должны были ждать, покуда не перевезли нас всех. Тайный советник Геспен с Штамке, Негелейном и Ремариусом¹³ остановился в одной деревне по сю сторону в ожидании своего багажа. Когда мы там проезжали, он стоял у ворот с намерением пригласить герцога к себе. Его высочество хотя и приказал остановиться на минуту, чтоб поговорить с тайным советником, однако ж никак не соглашался зайти к нему, несмотря на то что мы в этот день еще ничего не ели и не могли надеяться скоро поестъ чего-нибудь. Его высочество, к сожалению,

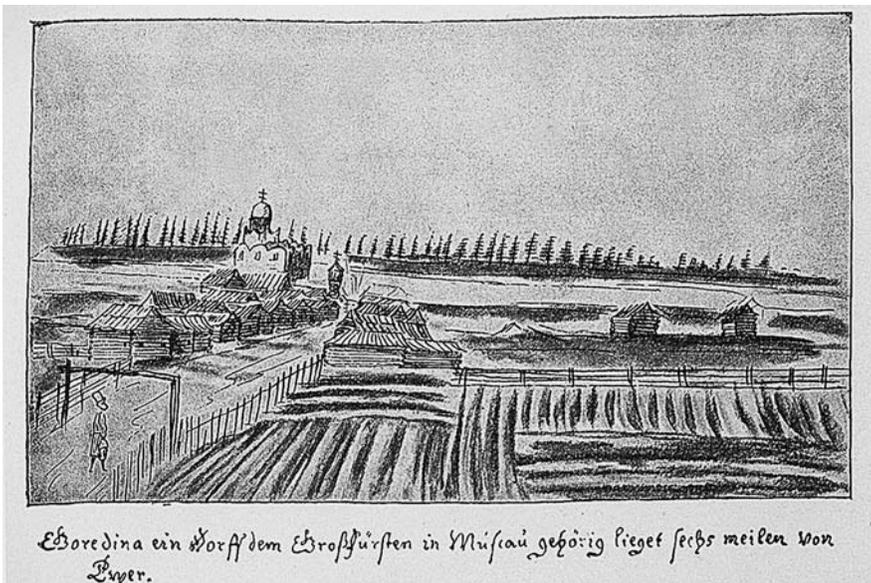
⁹ Михаил Иванович Сердюков (Бароно Силингинов, Бароно Именгов, 1678–1754), купец, гидротехник, судостроитель, был не градоначальником Вышневолоцкой водной системы.

¹⁰ Ср.: «В Новгороде губернатор встречал герцога с пушечною пальбою и угощал, а городской магистрат поднес ему целого битого быка, множество гусей и кур, также меду, вина, водки, хлеба и фруктов, что всё там и осталось» (с. 278).

¹¹ В XVI в. водкой называли не алкогольный напиток, а спиртовую настойку на лекарственных травах крепостью около 70°, которую для употребления разбавляли водой. Она продавалась в аптеках и использовалась исключительно в медицинских целях. В XVII в. вместе с водкой аптечной появилась водка-напиток, с той же технологией приготовления и тем же содержанием алкоголя. Водка считалась напитком, если настаивалась не на лекарственных растениях, а на пищевых, которые придавали ей особый вкус (анис, померанец, перец).

¹² Р. Созь берет свое начало из оз. Великого, впадает в Иваньковское водохранилище.

¹³ Служители голштейнского двора: Геспен — тайный советник, Штамке — посланник, Негелейн — камеррат (советник камер-коллегии), Ремариус — проповедник.

А. Мейерберг. Городня, селение, принадлежащее великому князю московскому, в шести милях от Твери. 1661.

Рисунок из издания «Барон Мейерберг и путешествие его по России». СПб., 1827

в дороге очень мало заботится об еде. В село Городень (принадлежащее князю Меншикову, который выстроил там у воды, на очень веселом месте, новый деревянный дом, лучший и самый большой по всей дороге) мы хоть и приехали, но без повозок, в которых находились наши кухня и погреб, а потому его высочество тотчас же отправился дальше и ехал еще 31 версту до города Твери, шестой станции, где мы остановились и ночевали. Здесь надобно было опять переправляться через реку Премеру (Ргемера),¹⁴ впадающую в Волгу, которая долго видна с правой стороны. Мы посылали фурьера вперед в Тверь для заготовления квартиры, и нас провели поэтому в дом на площади, в котором обыкновенно останавливается император.¹⁵ Весь он был иллюминирован. Тотчас по приезде нашем

¹⁴ Перемерский ручей.

¹⁵ Путевой дворец Петра I (1700): либо на углу Кузнечной пл. и Ильинской ул. (Тверской пр-т), позднее поглощен комплексом деревянных хором Г. Д. Строганова (Свод. Ч. 1. С. 178); либо Путевой деревянный дворец на Знаменской площади (ныне восточная часть городского сада напротив Областной библиотеки

явились воевода, комендант и члены городского совета (der Rath von der Stadt) с обычными подарками и приняли нас так, как бы принимали самого императора. Так как они принесли между прочим превосходных живых стерлядей и других рыб, то все мы, до крайности проголодавшиеся, немало скорбели, что с нами не было повара или вообще кого-нибудь, кто бы нам мог сварить их, тем более что его высочеству очень хотелось покушать чего-нибудь тепло-го. Но повар Шлапколь приехал наконец и поспешно приготовил для нас несколько рыб. Кавалеры наши и остальные люди прибыли только на другой день утром, почему его высочество не прежде как с рассветом 7-го числа выехал из Твери. Тотчас за городом нужно было опять на больших лодках переезжать через Волгу, на которой лед уже прошел. Мы отправились вперед на седьмую станцию, Медное (Maedna), где снова должны были переправляться на больших паромах через другую реку, Твенску (Tvenska),¹⁶ и настигли нашего гоф-юнкера Тиха,¹⁷ ехавшего с лошадьми. Его высочество заходил к нему и вместе с ним закусывал. Потом мы проехали еще 33 версты до городка Торжка, где была восьмая станция и где нас тотчас по приезде магистрат приветствовал всякого рода приношениями, как-то: хлебом, пирогами, курами, сахаром, вином, медом, пивом и тому под., что всё было подарено его высочеством гоф-юнкеру Тиху. Еще до приезда в Торжок нам надобно было в этот день в третий раз переехать какую-то речку, чрез которую, впрочем, вел плавучий мост.¹⁸ В этот же день в 17 верстах за Тверью мы пересекли новую широкую дорогу, которую, по приказу императора, проводят через лес и которая будет идти совершенной прямой линией от Петербурга до Москвы, так что против теперешней дороги сократится на 150 или на 200 верст.¹⁹

8-го, рано утром, мы поехали из Торжка на девятую станцию, Выдропуск (Wedrofsky), который от него в 37 верстах. Там нам дали таких плохих лошадей, каких не давали нигде во всю дорогу, да к тому еще и не довольно. От Выдропуска мы проехали еще

им. А. М. Горького), сгорел в 1763 г. во время пожара в Твери, восстановлен не был.

¹⁶ Р. Тверца.

¹⁷ Гоф-юнкер — придворный чин XII класса в Табели о рангах.

¹⁸ Р. Логовез, приток Тверцы.

¹⁹ В 1712 г. Петр I издал указ о строительстве «перспективной дороги» между Петербургом и Москвой. Дорогу построили к 1746 г., но не по прямому направлению, а через Старую Руссу, Ржев и Волоколамск.

33 версты до десятой станции, Вышнего Волочка, города и того самого места, где одно время гнезилось такое множество разбойников, которые теперь, впрочем, все были переловлены командой, стоявшей там несколько лет. Перед городом всюду виднелись повешенные за ребра и навязанные на колеса. Его высочество в первый свой проезд был отлично принят здесь одним калмыком²⁰ и потому хотел опять у него остановиться; но так как последний жил уже не в городе, а за три версты от него,²¹ то пришлось снова занять императорский дом (император для удобства проезжающих приказал на всех станциях выстроить особые дома).²² Вследствие того что кавалеры наши по причине дурных лошадей отстали от нас и прибыли не прежде позднего вечера, а между тем к герцогу тотчас после его приезда явились как майор, начальник тамошнего гарнизона, и граждане с своим приношением, так и калмык и многие другие, — я должен был заступить при его высочестве место переводчика и несколько часов занимать майора и бывшего с ним поручика, пока кушанье не было готово. Его высочество пригласил их к себе ужинать, потому что майор прислал к нему почетный караул из одного унтер-офицера и 10 или 12 драгун и извинялся, что не мог прислать более, так как почти все его люди находились в командировках и у него вообще было не более 50 человек. Герцог удержал к ужину и калмыка, который заботился о заготовлении всех припасов и угощал нас превосходными винами.²³ Когда уж все сели за стол, прибыли и остальные наши кавалеры; но г. Измайлов приехал только поздно ночью. В этот день мы опять два раза переехали через новую дорогу, из чего можно было заключить, какими извилинами шла старая; встретили также около 30 разбойников с вырезанными ноздрями, отправленных из Москвы в Петербург на галеры. В Вышнем Волочке мы видели и новый канал длиною в одну версту, проведенный богатым калмыком и соединяющий две реки.²⁴ В 10 верстах от него по пути стоит красивый монастырь, близ которого через какую-то реку²⁵ устроен мост, какого лучше я не видал в России.

²⁰ М. И. Сердюков.

²¹ Усадьба М. И. Сердюкова находится на берегу Вышневолоцкого заводского водохранилища.

²² См. текст Юля.

²³ М. И. Сердюков владел винокуренным заводом.

²⁴ Тверцу и Цну.

²⁵ Николо-Столобенская пустынь (с. Белый Омут) в 11 км от Вышнего Волочка на р. Тверце. Существовала, возможно, уже в 1581 г., в 1764 г. оставлена

9-го, поутру, барон Штремфельд²⁶ получил приказ сменить меня и ехать в дормезе вместе с его высочеством, чем я нисколько не огорчился, потому что в те два дня, в которые ехал с герцогом, должен был не только скверно помещаться, но и очень голодать. С рассветом мы оставили Вышний Волочек и проехали 37 верст до одиннадцатой станции, Хотилова (Gotilliotsky), где нашли генеральшу Брюс²⁷ и видели архиепископа Новгородского,²⁸ который проехал мимо на носилках, державшихся на двух лошадях. Отсюда мы отправились далее <...>

МАРТ 1724 г.

<Путешествие из Петербурга в Москву и обратно>

С 1 по 11 марта. 1-го выехали отсюда герцогиня Мекленбургская²⁹ и принцесса Прасковья,³⁰ а 2-го пустился в путь и я с одним товарищем. В Новгороде герцогиня Мекленбургская представила меня вдовствующей герцогине Курляндской,³¹ которая ехала из Митавы³²

за штатом. Сохранилась Никольская церковь, выстроенная в русско-византийском стиле (*Добровольский*. С. 616; Православные русские обители (репринт). СПб., 1994. С. 432).

²⁶ Барон Штремфельд — представитель шведской стороны при заключении Ништадтского мира (1721), один из кавалеров свиты герцога.

²⁷ Брюс Марфа Андреевна (Маргарита) (1675—1728), жена Я. В. Брюса (1669—1735), сподвижника Петра I, полководца, генерал-фельдмаршала (1726), создателя российской артиллерии.

²⁸ Феодосий (Феодор Михайлович Яновский), архиепископ Новгородский и Великолуцкий (1650-е — 1726).

²⁹ Екатерина Иоанновна Мекленбург-Шверинская (1691—1733), царевна, дочь Ивана V Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой, старшая сестра Анны Иоанновны, племянница Петра I; по желанию Петра I в 1716 г. вышла замуж за герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда. В мае 1722 г. приехала в Россию вместе с трехлетней дочерью Елизаветой-Екатериной Христиной, ставшей впоследствии российской правительницей Анной Леопольдовной, матерью Иоанна VI Антоновича.

³⁰ Прасковья Иоанновна (1694—1730/1731), царевна, младшая дочь Ивана V Алексеевича и Прасковьи Федоровны, племянница Петра I.

³¹ Анна III Иоанновна (1693—1740), российская императрица (1730), вторая дочь Ивана V Алексеевича и Прасковьи Федоровны, племянница Петра I. Была выдана замуж в 1710 г. за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма; овдовела через 4 месяца и до приглашения на российский престол оставалась в Курляндии.

³² Митава — губернский город Курляндской губ. при р. Аа; официальное название г. Елгава в Латвии до 1917 г.

в Москву на коронацию императрицы³³ в сопровождении небольшой свиты, а именно двух русских фрейлин, ее обер-камер-юнкера Бирона,³⁴ одного русского гоф-юнкера, нескольких пажей и некоторых служителей. В Торжке я не мог более получить почтовых лошадей. Пока мне их давали, я платил за каждую лошадь по полукопейке с версты, а от Новгорода до Москвы мог платить только по 3 копейки с лошади за 10 верст. Но так как тут встретилось много затруднений, то я решился нанять ямских лошадей с уговором платить за каждую по копейке с версты. Тогда ямщики с лошадьми явились во множестве, и между ними началась сильная брань, потому что каждому хотелось везти нас за эту цену. <...>

19-го, в 10 часов вечера, его высочество выехал из Москвы в С.-Петербург. Так как мы три раза проезжали по этой дороге и я уже описывал ее, то не считаю нужным опять говорить в своем журнале о нашем путешествии, тем более что на сей раз мы ехали на почтовых. Скажу только вкратце, что мы спешили, насколько то позволяли нам нынешние дурные дороги, потому что его высочеству очень хотелось быть в Петербурге к Петрову дню, т. е. к 29 июня, и хотя при отъезде нашем из Москвы многим казалось это невозможным, однако ж герцог все-таки достиг своей цели, решившись не жалеть издержек и оставить в стороне все удобства, лишь бы только не иметь остановок.

³³ Коронация императрицы Екатерины I состоялась 7 (18) мая 1724 г. в Успенском соборе Московского кремля.

³⁴ Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772), курляндский дворянин, с 1718 г. находился при дворе Анны Иоанновны в Курляндии, позже граф (1730), фаворит императрицы, регент Российской империи, герцог Курляндии и Семигалии.

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ БОЛОТОВ

[1770]

Болотов Андрей Тимофеевич (1738, Дворяниново Алексинского у. Тульской губ. — 1833, там же), писатель, философ, ученый, один из основателей русской агрономической науки, мемуарист. Родился в обедневшей дворянской семье, получил домашнее образование; участвовал в Семилетней войне (1756—1762); выйдя в отставку, стал заниматься хозяйством в родовом поместье Дворяниново. Разрабатывал приемы агротехники в зависимости от зональных почвенно-климатических условий, создал описание более 600 сортов яблонь и груш, занимался составлением ботанического руководства по морфологии и систематике растений. Управлял имениями дворцового ведомства Тульской и Московской губерний (1779—1797), издавал с участием Н. И. Новикова журналы «Сельский житель» (1778—1779) и «Экономический магазин» (1780—1789). В мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (1789—1816) описал историю своего рода и историю своей жизни. Путешествие Болотова из Москвы в Кашин было связано с решением вопроса о разделе наследства, оставленного его умершим зятем, между родственниками. В числе наследников были и три племянницы Болотова: Анна, Любовь и Надежда; их права он и намерен был отстаивать. Первое изд.: Записки Андрея Тимофеевича Болотова. СПб.: Печатня В. Головина, 1870—1873 (Приложение к «Русской старине»). Текст печатается по данному изданию (т. 2, стлб. 964, 995—1019).

Письмо 143-е

Любезный приятель! Вознамерившись описать вам в сем письме путешествие свое в Кашин, предприятое тогда еще в первый раз в летнее время, начну тем, что как дорога от Москвы до Кашина в тогдашнее время для путешествующих не совсем была безопасна, но бывали иногда от бездельников в разных местах шалости, грабежи и разбой, — то, отъезжая в сей путь, не преминул я запастись множайшими людьми и нужным для всякого случая оружием.

Всех нас было пятеро: я, да двое слуг, да два повозчика, ибо отправлялся я на двух повозках.

Для себя избрал я маленькую дорожную и самую легкую покоевую коляску, а другая повозка была с нашею дорожною провизиею и самая та, на которой приехал ко мне из Кашина посланный.

Чтоб придать обоим моим слугам некоторый вид военных людей, то одел я их в красные камзолы с рукавами и синими обшлагами и воротниками и препоясал замшевыми портупейми, с привешенными на бедрах их старинными палашами.

В сем одеянии ходили они уже несколько когда не на полевых, так по крайней мере гарнизонных солдат и могли глупыми и незнающими людьми почитаемы быть таковыми.

Кроме сего не преминули мы запастись ружьями и пистолетами и наделать к ним несколько патронов с пулями.

В путь сей отправился я 28-го числа августа после обеда и, отъезжая, готовился заблаговременно к чувствованию скуки и досад многих. Ничто и поныне для меня так не скучно и не досадно, как путешествовать по грязной и трудной дороге, а тогда точно и была такая.

Бывшие до того частые дожди и продолжавшиеся по несколько дней сряду ненастья произвели и на малых дорогах везде грязь превеликую; а чего должно было ожидать на большой тульской в Москву дороге, которой, как известно, нет многолюднее во всём государстве нашем. <...>

Письмо 144-е

<...> Тут доехали мы до границ Кашинского уезда, который отделялся от Дмитровского рекою Дубною, на берегу которой в Кашинском уже уезде сидела немалая деревня Вотря,¹ где приткнулся углом и Суздальской уезд.

Хотя было еще несколько рановато, однако мы, переправившись тут на плоту чрез помянутую реку, остановились кормить лошадей и обедать, и я тут чуть было не покинул хромавшую нашенскую лошадь.

После обеда продолжали мы свой путь далее и ехали всё непрерывным лесом. Деревень на дороге было хотя немало, но все они были малозначащие и сидящие посреди леса и только маленькие поля кругом себя имеющие. Почему и перескажу я одни только их названия;

¹ Ныне д. Вотря Талдомского р-на Московской обл., известна с 1628—1629 гг. как вотчина Шапиловых. В 1862 г. владельческая деревня при р. Дубне и Свистушке, 30 дворов, 232 жителя.

они были следующие: Ростовцы, Гнилища, Григорьева, Росаденки, Карачуново, Сотское и село Квашнино.²

В сем последнем остановились мы ночевать; оно было небольшое и недавно пред тем опустошенное пожаром и тогда вновь строившееся.

Я принужден был тут ночевать в коляске по причине, что на квартире моей, равно как и во всех дворах, было преужасное и такое множество прусских мелких тараканов, что они везде и везде ползали как мухи, а я к ним естественное имею отвращение.

Как позади сей деревни надлежало нам проезжать сквозь длинный и большой лес и ехать наипоопаснейшим местом из всей дороги, то заблаговременно помышляли мы о некоторых предосторожностях и ночевали тут с немалым опасением, а ночью и сделалась у нас тревога, которая перестрадала было всех нас чрезвычайно, но кончилась смехом.

К нам пристал один замосковский мужик, едущий также в Кашин с оброком к господину. Ночуя тут, спал он подле моей коляски и тележки своей на улице. Тут пропади у него его лошадь.

Боже мой! какое поднял он оханье и туженье, когда, проснувшись, не увидел своей лошади. — «Их! братцы! — закричал он, вскочив без памяти, — у меня увели лошадь!» И тотчас бросился ее искать.

Мы сами подумали, что сбездельничали сие тутошние жители, но скоро узнали, что мы напрасно их в мыслях похлопали.

Лошадь нашлась. Она, сорвавшись, пошла добывать себе лучшего корма и кушала в поповом огороде капусту. Какая это была радость у мужика, когда он нашел ее, и какими словами не приголубивал он оную.

Дождавшись света, зарядив свое ружье и пистолеты, приготовив пули и всё нужное к обороне, пустились мы в помянутый лес, называемый Башаринской,³ о котором и о бываемых в нем шалостях по всей дороге слух носился.

² Из перечисленных населенных пунктов поддаются идентификации в Калязинском у.: д. Росадники (Росаденки, владелица Екатерина Петровна Кожина: О продаже имения // ТвГВ. 1853. № 15. С. 154; № 16. С. 168; № 17. С. 179), Карачуново (владелец надворный советник Николай Михайлович Обрезков: О продаже имения // ТвГВ. 1858. № 44. С. 567; № 45. С. 578; № 46. С. 594), Сотское (Соцкая) Корчевского у. (владельцы Дмитрий, Николай, Сергей Владимировичи Постельниковы: Копия духовного завещания В. Е. Постельникова о разделе имения. Октябрь 1853 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 3472. Л. 3–4) и, возможно, с. Кашнево (Квашнино, ныне Квашонки Талдомского р-на) Кашинского у. (владелица дочь полковника Елизавета Александровна Матюшкина: Описание имения. 1858 // ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 843).

³ Д. Башарино Кимрского р-на.

Сперва проехали мы версты за две от Квашнина сидящую на дороге деревеньку Смёнки,⁴ а потом пустились уже в лес, простирающийся в длину более нежели на 14 верст и действительно опасной и самой способной для воров.

Дорога шла непрерывным лесом и всё изгибами и кривизнами; почему и ехали мы не без опасности и то и дело кругом озираясь и во все стороны поглядывая и примечая.

Но как случилась она тогда хороша и везде так спора, что мы могли бежать на рысях, то в час времени и переехали мы более половины оною, не выдав ничего; но тут повстречайся с нами прохожий, и нас догадало его спросить, нет ли чего впереди и смирно ли в лесу.

— Бог-ста знает, — отвечал он нам, — какие-то люди шатаются, но может быть, и добрые, кто их знает! А не худо быть вам и осторожными.

Все мы изменились в лице, сие услышав, и едва имели столько духа, чтоб спросить еще: а далеко ли он их видел и сколько их?

— Видел-ста я их недалеко, отсюда с версту только, а сколько их, не считал; человек пять-шесть, мне показалось, а может-ста, и более их было!

Сие перетревожило нас еще того более. Все спутники мои, не бывавшие отроду ни в каких опасностях, перетрусилась в прах и до того, что едва дух переводили и слово могли вымолвить.

Я старался всячески их ободрять, говоря, что, может быть, то и не воры, а так какие-нибудь люди, а хотя бы были то и действительно воры, так верно, увидя нас и оружие наше, почтут нас людьми военными и не отважатся никак напасть на нас; к тому ж нас и не так мало, чтоб им со всеми нами скоро сладить можно было, а нужно только нам окрыситься и не струсить и не обробеть против их.

Сими и подобными сему уговариваниями ободрил и подкрепил я их сколько-нибудь, а между тем на всякий случай и распорядил, что кому делать и предпринимать в случае нападения.

Кучеру приказал я ударить тогда по лошадям и стараться не допустить схватить их и в нужном случае кидать вора в глаза сухой песок, приготовленный нарочно для того в шляпе, полную горсть для ослепления оных.

Одному из слуг велел по ним вместе со мною стрелять и по выстреле бить их прикладом; другому рубить палашом по рукам их,

⁴ С. Спас-Квашонки с д. Смёнки занимает 2 км вдоль Кашинского тракта, жители занимались обслуживанием проезжающих и скорняжным ремеслом. В 1859 г. помещичье село при р. Квашонке. Церковь Спаса-Преображения Господня, более 300 жителей.

а заднему велел обороняться рогатиною, для того запасенною, и так далее.

Распорядив сим образом всё и призвав Бога в помощь, пустились мы вперед и не успели с версту от того места отъехать, как и действительно увидели в некотором расстоянии от нас впереди нескольких людей, шатающихся подле леса и переходящих отчасти дорогу.

В тогдашнем страхе почли мы их наверное недобрыми людьми и не успели их зазреть, как, ободрив вновь людей и подъезжая еще к ним, выстрелил я из одного из пистолетов своих, чтоб дать вора́м знать, что едем мы не с голыми и пустыми руками, и тотчас потом зарядил его опять пулею; а из людей велел одному приготовить и держать в руках свое ружье, а другому обнажить палаш свой и, в сей позиции подъезжая к ним, кучеру приударить по лошадям.

И тогда, не знаю уже, вид ли наш, или количество людей, или выстрел, учиненный мною заблаговременно, или приготовленное оружие удержало бездельников сих в пределах и властно как оковало.

Все они стояли подле леса, опершись не то на дубины, не то на рогатины свои, и смотрели только на нас, мимо их скачущих, и ни один из них не осмелился и пошевелиться; а мы, проскакав мимо их и более ничего уже не видав, скоро после того и доехали до находящейся позади леса сего и при конце оного деревни Башариной, которая была довольно велика; однако мы ее проехали и, отъехав еще версты две, остановились кормить лошадей в селе Белгородке, ибо для находящихся впереди песков нам, не кормя лошадей, далее ехать не хотелось. Тут собрались мы наконец с духом и радовались, что удачно спаслись от опасности, нам угрожавшей.

Помянутое село Белгородок сидит на самом уже берегу славной и великой нашей реки Волги, в самом том месте, где с сей стороны втекает в нее речка Хотша.⁵

⁵ Пос. Белый Городок Кирского р-на (Калязинского у.) на правом берегу Волги около устья р. Хотчи. Основан тверским князем Михаилом Александровичем (1366). Остатки земляного вала и каменных стен крепости из белого камня (внутри был монастырь) затоплены при строительстве Угличской ГЭС. В 1375 г. Белый Городок захватил Дмитрий Донской, в 1485 г. присоединен к Московскому княжеству. При Иване Грозном Белый Городок причислен к опричнине как Белгород в Кашине. В 1612 г. сожжен польскими войсками, но вскоре отстроен и стал местом ремонта речных судов. Со второй половины XVII в. Белгородок принадлежит дворянам Дохтуровым, частично Костомаровым, отсюда слова Болотова «какого-то господина другое село». В 1825 г. в устье Хотчи построена каменная церковь Иерусалимской иконы Божией Матери с приделами архистратига Михаила и влчмч. Георгия Победоносца, сооруженная, как можно судить, на месте деревянной Георгиевской церкви.

Само по себе село сие никакого примечания недостойно, но по близости его находится какого-то господина другое село с каменною церковью и огромным господским домом.

Помянутая церковь стояла на самом берегу реки Волги и, имея вокруг себя прекрасную каменную ограду, делала великолепный вид и казалась издали быть городом или каким прекрасным монастырем.

Выкормив лошадей и пообедав сами, переправились мы под сим селом чрез речку Хотшу на плоту. От бывшего паводка и наводнения реки Волги была и она вдсятеро больше против обыкновенного, и мы не без труда чрез нее переправились.

Езда от помянутого села была уже вдоль по берегу Волги, бором и лесами, довольно гориста и чрезвычайно песчана и тяжела.

Сими глубокими песками принуждено нам было ехать около 15-ти верст до того места, где нам через Волгу перебираться должно было, и на сей дороге наезжали мы многие на берегу оной сидящие деревни, как-то деревня Никулино, Растрятино, Ляушкино.⁶

Но как ни дурна была дорога, но мы к перевозу приехали еще довольно рано и надеялись убраться далеко за Волгу; однако в надежде своей обманулись.

Мы не застали парома на тутошнем берегу, а был он на противоположном, и перевозчики не скоро к нам его перевели; мы сколько ни кричали, но принуждены были часа три дожидаться и не прежде переехали, как уже в сумерки, да и то, по счастью, помог нам в том кашинский воеводский товарищ г. Копылов.

Ему случилось в самое то время ехать с той стороны для осмотра дорог, и он принудил перевозчиков себя перевезть. И так мы с ним тут съехались вместе.

Он увидел меня, подослал тотчас спросить, кто таков я, и, услышав, узнал, что я самый тот, которого в Кашине давно ожидают; и как ему хотелось со мною поговорить, то взошел он со мною на паром, и мы с ним тотчас познакомились.

В Белгородке была также Казанская церковь (сведения 1739). Наконец, со слов Иоанна Белюстина известно, что «на правом берегу Волги, при самом впадении в нее р. Хотчи, против села Белгородка, в 40 верстах от Калязина, в том месте, где имение, называемое Пречистенка или Медведово, как передают старожилы, был монастырь, называвшийся Пречистенская Медведова пустынь» (*Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь: Тип. Губерн. правления, 1903. С. 287; ТвГВ. 1850. № 36).

⁶ Из перечисленных населенных пунктов идентификации поддается Ляушкино Калязинского у., владелец А. Ф. Ерофеев (Список имений и опись имения. 6.03.1918 // ГАТО. Ф. Р-835. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 14, 71–74).

Человек был он уже немолодой, а притом простой и добрый; итак, нетрудно было к нему прикроиться и с ним сладить.

Я не преминул с ним переговорить обо всем нужном, относящемся до того дела, за которым я в Кашин ехал, и он был так добродушен, что вызвался сам мне всё рассказывать.

Он уведомил меня, что мачеха племянниц моих находится еще в Кашине и с нетерпеливостью меня дожидается, и советовал всячески уговаривать ее продать свою седьмую часть, обещая торговать ее сам, буде она нам продавать ее не станет.

Я был очень рад, что попался мне на первой встрече нужный и такой человек, который мне впредь может очень пригодиться, и сия встреча предвещала мне нечто хорошее.

Распроцвавшись с сим господином, пустились мы на пароме чрез Волгу: она от бывшего наводнения была еще очень велика и так быстра, что паром снесло далеко вниз, ибо он ходил тут не на канате, а на гребле. По счастью, был тогда небольшой ветерок сверху, и волнения не было, а потому и переезжать было неопасно.

Не успел я переехать чрез реку, как, гляжу, другая коляска мне навстречу, и в ней одна госпожа, едущая на перевоз. Это была госпожа Попова Татьяна Матвеевна, родственница покойного моего зятя.⁷

Сия также, подослав спросить обо мне, желала со мною видеться и говорить; итак, познакомился я и с оною, и мы поговорили с нею несколько.

Все меня не знаючи знали, а я никого не знал и не ведал. Все меня просили, чтоб я не оставил моих племянниц, а меня и без того долг тем обязывал. Однако обеими встречами сими был я очень доволен.

Как переправились мы чрез Волгу в самые почти уже сумерки, то некуда было ехать далее, но мы принуждены были расположиться ночевать тут же на берегу, в находящемся тут славном селе Медведицком,⁸ называющимся сим именем потому, что сидело при устье реки Медведицы.

⁷ В Кашинском у. поручице Александре Григорьевне Поповой принадлежала усадьба Захарьино с д. Марьино, Чириково: О продаже имения А. Г. Поповой Марьино, Чириково // ТвГВ. 1850. № 4. С. 27; Описание имения, составленное для получения ссуды в Московском опекуном совете. 19.02.1852 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 3095. Л. 14–14 об. Другие помещики с такой фамилией неизвестны.

⁸ С. Медведицкое, 115 в. от Твери; церковь Богоявления (1788) холодная с теплыми приделами прп. Сергия Радонежского и св. мч. Параскевы. Приход: д. Новоселки, Подберезье, Деулино, Миголище, Притыкино, Шатрицы, Шиково Кашинского у., д. Лягушкино, Рослятино Калязинского у., д. Остратово Корчевского у. С. Медведицкое принадлежало князю Ивану Петровичу Салтыкову,

Сия глубокая и немалая река протекала сквозь Кашинский уезд и впадала подле самого села сего в Волгу. Самое село и находящийся в нем господский дом и многие знатные деревянные здания представляли с реки вид очень хороший. Мы нашли тут множество стругов, идущих вверх с ядрами, а иные с железом.

Как в минувшую ночь тараканы принудили меня спать на дворе и проводить ночь беспокойно, то тут употребил я осторожность и велел поискать для себя такой квартиры, где бы не было сих досадных насекомых.

Однако сие скорее сказать, нежели сделать было можно. Все люди мои принуждены были долго по всем дворам бегать, и везде находили и тут превеликое их множество, и насили-насилиу нашли; и хотя я и долго принужден был стоять и дожидаться, но зато и получил квартиру очень хорошую, у богатого мужика, бывшего во время семилетней войны с купцами в Пруссии и живущего тут в белой избе и очень изрядно. Итак, спал я в сию ночь спокойно.

Ночевавши в селе Медведицком, встали мы ранее обыкновенного и спешили окончить свое путешествие, ибо оставалось уже сделать один только переезд до дома моих племянниц.

Мы располагались было ехать вдоль по реке Медведице, но хозяин нам отсоветовал, а говорил, чтоб мы ехали лучше большою дорогою; которому совету мы и последовали и своротили уже на 16-й версте влево.

Тут надлежало нам ехать мимо одной деревни, где жил один мой старинный знакомец, сослуживец однополчанин и бывший мой капитан Иван Федорович Коржавин.⁹

Мне восхотелось к нему заехать и с ним повидаться, и как был он мне чрезвычайно рад, то просидел я у него часа полтора, напился чаю и наговорился с ним досыта обо всякой всячине.

Напоминание претекших времен и того, как мы с ним вместе служили и горемыкали, было наиглавнейшим предметом наших разгово-

получившему его по наследству от матери, Веры Федоровны. В состав имения входили д. Басовская, Воробьево, Деулино, Клокуново, Миголощи, Новоселка, Притыкино, Селищи, Харлово, Шатрищи, Шиково, Юрьевская. См.: Дело по рассмотрению ходатайства князя Петра Салтыкова, проживающего в Париже, об учреждении опеки над именными сына И. П. Салтыкова за его расточительность. 1857 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 3640; О продаже имения князя И. П. Салтыкова Медведицкое [с деревнями] // ТвГВ. 1868. № 55. С. 281; № 56. С. 285; № 84. С. 422; № 85. С. 425. Р. Медведица, левый приток Воли (впадает в Угличское вдхр.), дл. 259 км, исток в Вышневолоцком р-не.

⁹ Коржавин Иван Федорович, ротный командир Болотова в 1756 г.

ров. А как был он и племянницам моим дружен и живал с покойным зятем моим всегда в дружбе, то поговорили мы и о их обстоятельствах, и он охотно соглашался, по просьбе моей, и с своей стороны помогать в чем будет возможно.

Расставшись с ним, ехали мы уже недолго и наконец имели удовольствие приехать в село В<в>еденское,¹⁰ где жили мои племянницы,¹¹ благополучно.

Но как письмо мое нарочито уже увеличилось, то о дальнейшем расскажу вам в письме будущем; а теперешнее окончив, скажу, что я есмь ваш и прочая. <...>

Письмо 145-е

Любезный приятель! Теперь по порядку надобно мне вам рассказать о пребывании моем в кашинских пределах и обо всём там происходившем.

Приехав в дом моих племянниц, не нашли мы никого из хозяев дома. Сам большой, или паче малолетной хозяин, находился в городе Бежецке у учителя, а из племянниц моих большая как хозяйка поехала в бежецкую их деревню, а меньшая в лежащее неподалеку село Зобкино к госпоже Колычевой, лучшей приятельнице и покровительнице моих племянниц, боярыне очень почтенной и добродушной.

¹⁰ С. Введенское Кашинского у., 6 км к северо-востоку от Кашина. Поздние владельцы: Татищевы Мария Алексеевна, ее дети Алексей и Аграфена Николаевичи: Дело по расследованию жалобы кашинской помещицы М. А. Татищевой на буйное поведение ее сына А. Н. Татищева. 1827–1828 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 958; Описание имени помещицы Аграфены Николаевны Татищевой. 1858 // ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 860. В селе была деревянная Введенская церковь (1722, не сохранилась).

¹¹ Речь идет о семье сестры Болотова Марфы Тимофеевны († до 1765), замужем за секунд-майором Андреем Федоровичем Травиным (род. 2.01.1725). От этого брака было три дочери: Анна, Любовь и Надежда — и сын Александр, впоследствии титулярный советник, женатый на Настасье Васильевне и имевший от нее детей: штаб-ротмистра Иосифа (род. 10.10.1806, жена Александра Федоровна Вельяминова-Зернова, шесть дочерей) и бездетного Василия. Странно, что в *Генеалогии* (Л. 190, № 1212) их матерью показана вторая жена Травина Татьяна Федоровна. Говоря о пребывании в Кашине, Болотов упоминает только двух племянниц. Дело в том, что «средняя племянница» Любовь незадолго до этого приехала к Болотову из Кашина вместе с его тещей, которая ездила в Кашин, сопровождая туда старшую племянницу Надежду, гостившую у Болотовых. Вскоре Любовь «зазнамогла <...> горячкою и находилась от ней в самой опасности». Когда Болотов собрался в Кашин, Любовь Андреевна «все еще была больна», и он уехал один.

Но, по счастью и равно как нарочно, случилось в тот день и не за-долго предо мною приехать к ним в дом одной старинной моей знаком-ке Лукерье Михайловне, беденькой, но крайне веселого и шутливого нрава старушке дворянке, живавшей часто у моих племянниц в доме для компании, и как не однажды и меня она в прежнюю бытность в Кашине до слез от смеха доводила, то была она мне очень знакома, и я, обрадовавшись, ее увидев, закричал:

— Ах! друг ты мой сердечный! Лукерья Михайловна! Как я рад, что вижу тебя в живых и в добром здравьи! Всё ли ты хорошо поживаешь, и всё ли еще всего на свете боишься?

— Слава, слава Богу, батюшка! — ответствовала крайне мне обра-довавшаяся старуха. — Насилу, насилу мы тебя, друга моего верного, винограда зеленого, дождался. Но чур! Слышишь, чур, не стращать меня опять по-прежнему!

— Добро, добро, — подхватил я, — это увидим; а ежели и по-стращаем немножко, то как быть... Но скажи-ка ты мне, куда ты хозяйек-ка подевала?

— Вот тотчас, тотчас, батюшка, одна приедет, я уже послала за нею; а и другая не замедлится. Сядьте-ка, батюшка! небось, ты устал с дороги, а вы, девушки, готовьте чай скорее.

— Хорошо, хорошо! — отвечал я. — А ты скажи-ка мне, друг мой, Лукерья Михайловна, не было ли опять с тобой какой бе-душки?

— О! как не быть, — подхватила она, — с ума было недавно, батюшка, рехнулась, такая на меня напасть случилась. И что уж гово-рить, беды такой со мною отроду не бывало!

— А что ж такое, моя милая! нельзя ли нам сообщить?

— Чего, батюшка! Однажды как гостила я здесь и спала, по-мстись мне в полночь самую, что вон в церкви здешней будто бла-говестят к заутрени. Я таки, не долго думая, вскочила и, натянув на себя платьишко, черк к церкви, такая окаянная, не разбуди на ту пору никого, а одна-одинехонька по старой своей привычке. Вы знаете, отец мой, что я, грешница, люблю ходить к заутреням и не-житься.

— Это не худое дело, Лукерья Михайловна! — сказал я.

— Так, батюшка; но слушайте-ка, что случись со мною... Прихожу к церкви, вхожу под колокольню, нахожу дверь в церкви незапертую; отворяю ее, и вхожу в трапезу, и дверь затворяю за собою хорошо-хонько; но вдруг не вижу никого в церкви и ни одной свечи, горящей пред образами, а покажись мне только в северные двери огонек, горя-щий в алтаре... Думаю: а! это, конечно, пономарь пришел только еще один и так свечи зажигает.

Итак, успокоившись тем, стала я, батюшка, по обыкновению святым образам, хоть в темноте, молиться. Но как никто из алтаря не выходил и не слышно было никакого шума и шороха, то приди мне в голову закричать: «Кто в церкви?»

Я удивилась, что никто мне не отвечал; но подумав, что пономарь, узнав меня по голосу, нарочно притаился и надо мною шутит, кричу в другой раз: «Слышь, кто в церкви?» — Но как и на сие никто не отвечал, то стала тогда находить на меня уже оторопь.

Вы знаете, батюшка, что я всего на свете боюсь; однако я имела столько еще духа, что закричала еще раз и того еще громче: «Кто в церкви?» Но как и на сие не было ни ответа, и ни слуху ни духу, ни послушания, то мороз подрал меня уже по коже.

Однако я все-таки еще думаю, что бездельник пономаришка надо мною издевается, как то иногда за ним и важивалось, и закричала опять: «Ну что ж такое, право? шутите ли вы, что ли, надо мною? и что ж это за шутка?» И в досаде пошла сама, чтоб заглянуть в сервные двери в алтарь.

Но что ж, батюшка, как я вдруг тогда оторопела, когда, поравнявшись против дверей, увидела, что вместо показавшегося мне огня был то светящийся прямо в волоковое алтарное окно месяц, которому при закате оно случилось придти прямо против оногo, и увидела, что в алтаре никого не было.

Все члены мои тогда во мне вострепетали, а в голову, по пугливости моей, полезло и Господи что! Мне вообразились тогда и мертвецы-то, и всё и всё на свете; и тогда, не долго думая, бросилась я благим матом бежать из церкви в темную трапезу.

Но что ж, батюшка! надобно ж было на ту беду второпях бежать мне так близко подле входа в трапезу, что зацепись я, окаянная, платьем своим за высунувшийся конец одной низкой и очень лепко стоящей у стены полки с наставленными на ней мужицкими образами. Я обмерла тогда, испужалась, и мне помстилось тогда, что ухватил меня либо мертвец, либо дух какой.

Итак, не долго думая, ров-таки я что было мочи и сорвала тем со стены всю полку, и она загремела, упавая наземь. Это перестраща-ло меня еще того более, и вообразись мне и Бог знает что.

Я, одурев даже от страха и испуга и в беспамятстве завопив ай! ай! ай! бросилась в трапезу искать дверей, но второпях не могла в темноте найти оных и стала шаркать руками по стенам. И вообрази себе, отец мой! как в трапезе все стены установлены были сплошь на полках образами, то, шаркая по оным в темноте, сорвала я еще одну полку, и образа полетели с превеликим стуком,

один за другим, на пол, и один из них попал мне в голову, а другой в спину.

Сие доконало меня совершенно, ибо как мне и в ум тогда не приходило, чтоб были то образа, а воображалось, что меня ловят, хватают и бьют, то я до того закричалась *ай! ай! ай! Христос воскрес! свят, свят, свят!* — и до того настрадалась, что без памяти упала на пол, и не помню уже ничего, как прибежал в церковь услышавший мой крик поп с пономарем, и нашли меня безгласною, лежащую на полу, и как меня вытащили на улицу и привели в память.

Вот, батюшка, какое было на меня безгодье, а всему причиною был этот пономаришка: позабудь как-то проклятый запереть дверь замком, а затворил только так, выходя из церкви, оную.

Легко можете себе вообразить, что я никак не мог слушать сей повести, не надседаюсь со смеха до слез.

— Ну! нечего сказать, — говорил я, — претерпела же ты, друг мой Лукерья Михайловна! уж прямо претерпела бедушку; но жаль, что не случилось на ту пору меня в церкви, а то бы еще вдобавок ухнул и тем тебя еще более испужал.

— Чего доброго, и ой-то хорошо, — отвечала она, — но вот наша и хозяйка.

И подлинно, мы в самое то время увидели въезжающую на двор карету и удивились, увидя выходящих из ней не одну, но обеих моих племянниц; ибо так случилось, что возвратилась и старшая из них, Надежда Андреевна, из Бежецка, и обе они уже ехали домой и с посланным повстречались на дороге.

Свидание мое с племянницами было такое, какое никакому живописцу на картине изобразить не можно. Нелицемерная их обеих ко мне любовь, а особливо меньшей, которая меня почти не знала, была неописанна.

Они не верили почти сами себе, что я у них, и прыгали, так сказать, с радости, думая, что избавились они уже тогда от всех бед и напастей. Ласковость и услужливость их была чрезвычайна, и я не в состоянии никак изобразить оную.

Мы провели весь остаток того дня в непрерывных разговорах; они расспрашивали меня, а я их — обо всём до их обстоятельств относящемся; после чего ходили мы прогуливаться в сад и рощу, а вечером приготовлена была для меня баня, хотя я до ней нимало не был охотник и хаживал очень редко.

Как обстоятельства их были таковы, что мне к делу не инако можно было приступить, как посоветовав наперед с тутошними наилучшими и их благоприятствующими соседями, а из сих всех важней

был некто господин Баклановский, по имени Алексей Семенович,¹² дворянин по тамошнему месту знаменитый и бывший умершему зятю моему двоюродным братом, то сожалел я, услышав, что его не было в то время дома и он куда-то отъехал. А мне наиболее и хотелось с ним наперед видеться и посоветоваться, какие меры принимать нам лучше в рассуждении пребывающей тогда в городе Кашине их ма-чехи... Однако мы не преминули в тот же день послать об нем про-ведать; а поехала на несколько дней куда-то и помянутая ближняя соседка и лучшая благодетельница их госпожа Колычева.¹³

Расположившись дожидаться их возвращения, последующий день употребил я на разное: во-первых, побывал в церкви, посетил гробы обоих моих толь близких родственников, сестры родной и ее мужа, и заставил воссласть о душах их обыкновенные ко Творцу всех тварей моления.

Присутствуя при сем, не мог я воздержаться от слез и вздохов и занимался печальными помышлениями о ранневременной смерти сестры моей и о неизвестности дления нашей жизни.

«Увы! — говорил я сам себе в мыслях, — кто б мог думать, чтоб столько уже лет сотлевал в сем месте прах того человека, который был ко мне так близок и любил меня так много; воображал ли я себе в последнюю мою здесь бытность, что я при будущем и теперешнем сюда приезде найду сестру мою уже во гробе сотлевающею? Но ах! знаю ли я и о себе что-нибудь: может быть, и сам я уже очень близок к таковой же участи и земля готовится принять и меня уже в свои недра!»

В сих и подобных сему размышлениях возвратившись в дом и, не хотя ни минуты терять времени понапрасну, принялся я тотчас за дела и стал рассматривать крепости, счислять дачи и переписывать людей и всё их недвижимое имение, дабы получить о том понятие, я занимался тем до самой ночи.

¹² Род дворян Баклановских внесен в 6-ю часть родословных книг Кашинского, Калязинского и Корчевского у. (*Генеалогия*. Л. 9, № 62). Алексей Семенович Баклановский, женат на Елизавете Ильиничне, семеро детей (Дмитрий, Михаил, Яков, Арсений, Елизавета, Мария, Александра), у троих сыновей (кроме Якова) были семьи. Неясно, что имеет в виду Болотов, называя Баклановского двоюродным братом А. Ф. Травина. Дело в том, что у Семена Ивановича Баклановского был единственный брат Константин, имевший единственную дочь Настасью; следовательно, родство должно было идти по линии матери Баклановского Прасковьи Ивановны, между тем мать Травина звали Прасковья Осиповна (*Генеалогия*. Л. 190, № 1212).

¹³ Екатерина Федоровна Колычева († 2.08.1788, по некоторым данным похоронена в Кашинском Сретенском монастыре): *Николай Михайлович*, великий князь. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1.

Между тем возвратился и посыланной к г. Баклановскому с известием, что он дома и велел нас звать к себе. Я обрадовался тому очень, но вкуче не весьма доволен был перепадающими слухами, подававшими повод к некоторым сумнительствам на сего господина; однако я, по обыкновению своему, решился смотреть, что скажет время.

Таким образом, по утру на другой день начали мы собираться к г. Баклановскому.¹⁴ Как он мне был еще не знаком, то не знал я, как лучше мне к нему ехать, к обеду ли или после обеда?

Жил он от дому племянниц моих не очень близко и более 20 верст, и как к обеду ехать к нему как к незнакомому человеку казалось мне дурно, а и к самой ночи не очень ладно, то за лучшее почли мы ехать к нему ни к обеду, ни к ночи, а поранее, дома позавтракав, чтоб в нужном случае можно было в тот же день и домой возвратиться.

Едучи к нему, не мог я довольно налюбоваться красотой и положением мест в сей части Кашинского уезда. Места сии были совсем от наших отменные и столь ровные, что ровней их быть было не можно: не было ни одной горки, ни одного холма, ни одной лощины и вершины. Земля же была повсюду хлебородная, покрытая богатою жатвою.

Сел, и деревень, и господских домов видно было повсюду множество такое, что всё обширное протяжение всего пространного и горизонтального поля казалось ими усеяно. Одни только рощицы скрывали

¹⁴ Как становится ясно позднее, Болотов ездил в Белеутово, но это имение не значится по более поздним документам за Баклановскими. Однако внук А. С. Баклановского гвардии штабс-капитан Дмитрий Михайлович (род. 5.04.1811) был одним из владельцев с. Кожино, ему принадлежали также д. Медведково, Дарьино (Дорино), Страшково (Стражково): Объявление Тверского губернского правления о продаже имения Д. М. Баклановского в с. Кожино [и др.] Кашинского уезда. 12.08.1841. // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 1721. Л. 4; О продаже имения Кожино, Морево, Коростелево, Монаково, Малыгино // ТвГВ. 1841. № 33. С. 221; Об отмене продажи имения // ТвГВ. 1841. № 45. С. 300.

Другим ветвям Баклановских принадлежали в Кашинском у. Медведково (Лев Дмитриевич; Дело о жестоком обращении помещика Л. Д. Баклановского с крепостными крестьянами. 1846. // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 2235; Дело об установлении опеки над имением помещика Л. Д. Баклановского. 1847 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 2455); в Корчевском у. Новоселье с д. Малое Новоселье, Коршево, Молоди, Сиблово (поручик Дмитрий Петрович; Елизавета Александровна; Виктор и Лев Дмитриевичи), Паскино (малолетний дворянин Виктор Дмитриевич); в Бежецком у. Филипково (поручица Елизавета Александровна).

некоторые от зрения; но и те, будучи прекраснейшие отъемные и равно как нарочно засеянные и насажденные, придавали только местам сим наивящую красоту и великолепие.

Каждая деревня, из коих ни одна не походила на наши, имела поля свои особые и кругом огороженные и в виду и близости у себя две или три деревеньки.

Селения сии были хотя небольшие, но довольно хорошие и прибористо построенные, и в каждой почти выкопанной посреди прудок, снабжающий оную водою. Словом, всё походило на некакой натуральный красивый сад или парк английский, и я во всю дорогу не мог довольно налюбоваться и навеселиться.

Как мы ни спешили, но приехали в Белеутово,¹⁵ или то селение, где жил г. Баклановский, не гораздо уже рано. Я нашел тут всё противное моему ожиданию и воображению.

Г. Баклановского, казалось мне, что я негде видал, но не имел случая знать, а ему также лицо мое было знакомо. И как был он человек весьма хороших свойств, здравого разума и охотник до наук и художеств, то мы скоро друг с другом сладили и сдружились. Он был мне очень рад и ни под каким видом не отпустил нас от себя в тот день, а особливо для того, что в последующий день был у него годово́й праздник.

¹⁵ С. Белеутово (Белеустово) Калязинского у., от Твери 120 в., от Кашина 17 в. Болотов пишет: «...приехали в Белеутово, или то селение, где жил г. Баклановский», что значит, скорее всего, что Баклановский был совладельцем села. Позднее владельцем был штабс-капитан Михаил Андреевич Милорадович (Описание имения. 1858 // ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 805), а за ним Озеровы, последняя владелица Анфия Васильевна Озерова (Опись имения. 6.02.1918 // ГАТО. Ф. Р-835. Оп. 8. Ед. хр. 170. Л. 75; там же. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 38—41; Сведения о прежних и современных занятиях и службах А. В. Озеровой и членов ее семьи в «Списке бывших помещиков...», зарегистрированных в Кашинском уездном отделе управления, и в личном заявлении. 22.12.1919 // ГАТО. Ф. Р-232. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 1153 об. — 1154, 1174; Опись имущества и инвентаря. 26.12.1919 // ГАТО. Ф. Р-854. Оп. 1. Ед. хр. 200; Дело о конфискации частновладельческого имения. 1918—1924 // ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 2. Ед. хр. 36. Л. 101).

В с. Белеутове было две церкви: 1) Покровская (1780), каменная, приделы: в холодной части Богоявления Господня, Иоакима и Анны; в теплой Святой Троицы и Святителя Николая; 2) Казанская кладбищенская (1880), деревянная. Прихожан 3458 человек. Церкви не сохранились. Поездка Болотова началась в конце лета, поэтому «годовым праздником» не мог быть ни Покров Пресвятыя Богородицы (1/13.10), ни Казанския иконы Пресвятой Богородицы (22.10/3.11). См. след. примечание.

Итак, оставшись у него ночевать, провели мы всю оставшуюся часть дня и весь вечер в беспрерывных разговорах о материях разных.

Сии между такими людьми, как мы, были неисчерпаемы, и г. Баклановский, любя говорить, особливо по вечерам, не преставал ни на минуту; а мне то было и кстати.

Я не уступал ему в том нимало и рад был, что сей случай не только познакомил меня с ним короче, но и подал ему повод даже полюбить меня и получить весьма хорошее обо мне мнение.

Таким образом праздновали мы в последующий день у г. Баклановского его праздник, и я имел случай видеть тут многих кашинских дворян и с некоторыми из них познакомиться.

Мы ездили с хозяином как уже с приятелем вместе к обедне в село Кожино,¹⁶ где было множество господ и госпож, и между прочими и сослуживец мой г. Коржавин, и гостей у господина Баклановского было множество, более 30-ти человек сидело нас за столом, и я имел счастье всем им как-то полюбовиться.

После обеда хотели было мы ехать домой, но полюбивший меня г. Баклановский не отпускал, а уговаривал, чтоб остаться и в тот день у него ночевать; а как и мне хотелось с ним о нашем деле поболее поговорить, то и согласился я на то охотно, а с нами вместе остался ночевать и г. Коржавин, и нам было очень нескудно.

В последующий день поехали мы уже рано домой. Между тем возвратился посланный в Кашин для проводывания о мачехе, с которою нам надлежало иметь дело, и привез известие, что она находится в Кашине, и тем очень довольна, что я приехал скоро; также сказывали нам, что возвратилась домой и госпожа Колычева.

Услышав о сем, согласились мы тотчас к ней ехать и тем паче, что мне хотелось очень видеть сию госпожу, о которой наслышался я от племянниц моих так много хорошего.

Катерина Федоровна приняла меня очень ласково и приятно, а и взрослый, но холостой еще сын ее, которого звали Федором Андреевичем, обошелся со мною очень хорошо.

Я нашел тут дом, совсем отменный от дома г. Баклановского, и обхождение совсем другого рода. Вместо того что там было всё более по-деревенски и без дальних затеев и церемониалов, тут, напротив того, всё было по-московски, всё прибористо, щеголевато и хорошо, и все

¹⁶ В с. Кожине была каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, престольный праздник — 8/20 сентября. Кожино было также в совместном владении Баклановских, поэтому они считали именно Рождество Богородицы своим «годовым праздником».

порядки и обхождении совсем инаково, нежели в том угле, где жил г. Баклановский и где всё было смешано ещё несколько с стариною.

Сама госпожа была уже лет за 60, но приятнейшая, добронравная и почтенная старушка. Она знала меня уже отчасти, ибо я видал ее в прежнюю мою бытность в Кашине; но в сей раз имел я как-то особенное счастье ей понравиться, и она была мною очень довольна и обходилась со мною как родная.

Сына ее я до сего времени еще не знал, но мы спознакомились и сдружились с ним так же скоро. Он был мальи́й молодой, учившийся, умевший по-французски и охотник до поэзии и наук свободных.

Он пригласил меня в свои комнаты, которые он имел особые, где говорили мы с ним по-французски, и он читал мне даже с восторгом некоторые из стихотворений славного французского сатирика Боало,¹⁷ в которых находил он отменный вкус. Я не преминул сделать ему об них некоторые замечания и дал знать, что они мне довольно знакомы.

Препроводив несколько времени в том, играли мы потом с ним в бильярд, который имел он в своих комнатах. В сию любимую мною игру не играл я уже около десяти лет и с самого отъезда из Кёнигсберга,¹⁸ ибо тогда редко где они в домах бывали, и к удовольствию моему узнал, что и не совсем еще ее позабыл. Словом, мы провели с ним несколько часов довольно приятно.

Госпожа Кольчева не отпустила нас никак без ужина; итак, возвратились мы домой уже ночью, где нашли приехавшего из Бежецка и настоящего хозяина, то есть моего племянника.

Мне нетерпеливо хотелось видеть сего будущего моего воспитанника и ученика, и он неведомо как рад был, меня увидев.

Таким образом сдружился я с обоими домами, которым надлежало помогать мне в предпринимаемом деле. Я не преминул поговорить с ними обо всём; но как мы все не знали точного намерения мачехи, то и не могли ничего положить, а назначили день, в который бы нам всем съехаться и пригласить к переговорам мачеху.

В последующий день, во ожидании срочного и будучи одни дома, на досуге экзаменовал я моего племянника. Мальчик он был еще небольшой, имел понятия не совсем острые, однако и не совсем тупые и способности весьма средственные. В Бежецке начал было он учиться по-немецки, но я нашел, что знал он еще очень мало.

¹⁷ Никола Буало-Депрео (1636—1711), французский поэт, критик, теоретик классицизма.

¹⁸ Болотов прожил почти три года в Кёнигсберге, находясь на службе в канцелярии русского губернатора Восточной Пруссии.

Наконец настал срочный и тот день, в который решилась судьба моей комиссии, или в который имели мы переговоры с мачехой моих племянниц.

Было сие 11-го числа сентября месяца. Мы пригласили всех к себе обедать, и прежде всех приехала мачеха с одною из своих родственниц, потом госпожа Колычева с сыном, там г. Баклановский с женою и сыном; а пообедавши, мы и приступили в делу.

Переговоры продолжались долго, и мачеха была боярыня хотя и не из бойких, но долго не могли мы ничего успеть.

К нам подъехал и г. Коржавин и старался также помогать нам уговаривать нашу упрямицу, сколько было в его силах, и мы не прежде как чрез несколько часов насилу ее уговорили, чтоб она согласилась всю свою часть и претензию племяннику и племянницам моим продать и взять за всё деньги, и довольно умеренное количество, и не более как 950 рублей, но с тем, чтоб и пошлины были наши.

Сим образом дело наше получило свое основание, и мы положили свидеться еще в последующий день у г. Баклановского и условиться о сделке.

Окончав сие по желанию, унимали мы было мачеху у себя ночевать; но как она не согласилась, то и разъехались все, кроме г. Коржавина, с которым, переночевавши и на другой день отобедав, поехали мы все в Белеутово, чтоб видеть опять там мачеху.

Г. Баклановский был нам рад, и мы хотя нашли у него мачеху, но в сей день обстоятельства не дозволили нам трактовать о нашем деле, и мы принуждены были отложить то до последующего утра и остаться опять ночевать у него.

Тут имели мы с ним опять множество разговоров, а особливо в его башне. Он, будучи женат на дочери придворного садовника, иностранца, имел у себя прекрасный регулярный сад со множеством разных произрастений и в нем превысокую башню о множестве этажей, составляющую некоторой род китайской пагоды.

В сие-то любимое свое убежище завел он нас с г. Коржавиным, и мы не могли с ним довольно наговориться и я налюбоваться дальновидностью с высоты сего высокого здания и видимыми с него многими прекрасными окрестностями. А в таких же приятных разговорах провели мы и весь вечер.

Наутрие был у нас с ним в кабинете его общий совет о том, на каком основании оставить мне своих племянниц в рассуждении их домоводства, а с мачехою условились мы съехаться чрез день после того в Кашине для написания записи.

При отъезде подарил мне г. Баклановский несколько эстампов и семян садовых, каких у меня не было, и ссудил некоторыми книгами

на подержание. А не успели мы приехать домой, как узнали, что была присылка за нами от госпожи Кольчевой, к которой мы, пообедав дома, тотчас и поехали.

Госпожа Кольчева была очень довольна нашим послушанием и приездом. У ней нашли мы целое собрание. Был у ней меньшей ее зять г. Барков с ее дочерью Анною, также и приехавшая с Москвы старшая ее дочь г-жа Змеева, и еще некто г. Фаминцын.¹⁹

Препроводив весь сей день у ней с удовольствием и отужинав, хотели было мы ехать домой, но страшная гроза, остановив, принудила нас остаться у ней ночевать; и как я спал в комнате ее сына и опять имел с ним множество разговоров, то сей случай познакомил нас еще больше, и он меня очень полюбил.

Как наутрие случилось быть празднику Воздвижения Честного Креста, то старушка не отпустила никак нас от себя без обеда. Мы отправили в сие утро меньшую племянницу мою в Углич для занятия денег, ибо своих у них не было, а после обеда приезжал к нам кашинский секретарь, и мы переговорили с ним о записи.

Я очень рад был, услышав от него, что нам всё свое дело можно было скоро и легко кончить в Угличе; итак, возвратились мы домой уже ввечеру и с удовольствием.

Поутру в следующий день, взяв малолетнего племянника своего, поехал я очень рано с ним в Кашин, ибо в сей день условились мы с г. Баклановским съехаться туда и писать записи.

Город сей случилось мне в сей раз впервые еще видеть. Он показался мне не очень велик, а городком средственным, построенным на высоких неровных и кривых местах по обеим сторонам нарочитой величины речки Кашинки,²⁰ протекающей сквозь сей город кривыми изгибами и верст за 7 от города впадающей в реку Волгу.

Со всем тем церквей и монастырей было в нем довольно. Первых насчитал я — каменных и деревянных 25, а последних 3.²¹ Но все они

¹⁹ Позднее за Барковыми числились Юрцево Новоторжского у. (Николай Николаевич), Демидово Корчевского у. (Авдотья Ивановна), Бродов Старицкого у. (титularная советница Надежда Николаевна), Горки Старицкого у. (коллежская советница Варвара Николаевна).

Дворяне Змеевы записаны в 3-ю часть дворянской книги по Ржевскому у. (*Генеалогия*. Л. 79 об., № 429). Но существовали и дворяне Змиевы (там же. Л. 78 об., № 428, часть 6, Тверской, Бежецкий и Калязинский у.).

²⁰ Р. Кашинка, левый приток Волги, длина 128 км. Исток близ с. Болдеева Кесовогорского р-на. Судходна на протяжении 25 км от устья.

²¹ По современным сведениям, в Кашине было 22 храма: соборы Воскресенский (1796–1804) и Успенский (1664), церкви Иоакима и Анны (1646), Бого-

были не весьма великолепны. Самые соборы, из которых в одном мне быть случилось, ничего дальнего не имели кроме только, что в одном хранимы были мощи древней княгини тверской Анны, жены князя Михаила, лишенного за 450 лет до того в Орде жизни.²²

Что касается до прочих зданий, то не было тогда никаких отменно знаменитых, но все простые, выстроенные по горам и косогорам и по кривым и дурным улицам.

Впрочем, не было тогда в сем городе ни фабрик, ни других каких отменных заведений, кроме того что славился он во всей России белилами,²³ с отменным искусством тут делаемыми и по всей России развозимыми и которые почитались наилучшими.

Кроме сего славны были и кашинские так называемые беседки, или калачи особливого и такого устройства, какого нигде в других местах нет; и я не мог довольно надивиться, как хочется людям при печении оных иметь столь многие труды, потребные к сплетению такого множества мелких витушек, или плетешков, которыми вся плоская их поверхность сверху укладывается. Рассказывали мне, будто они имеют то удивительное свойство, что они не черствеют; однако я худо тому верил, как совсем ненатуральной вещи.²⁴

Мы приехали прямо в так называемый Каблуков монастырь,²⁵ и отслушали в нем обедню, а между тем подъехал и г. Баклановский

явленская (1774), Благовещенская (1688), Рождества на Горе (1786), Рождества Богородицы на Болоте (1690), Рождества Богородицы на Чистых прудах (1785), Введенская (1771), Вознесенская (1799), Входоиерусалимская (1779), Казанская (1800), Корсунская (1767), Крестознаменская (1784), Петропавловская (1772), Покровская (1800), Преображенская (1775), Сергиевская (1803), Спасская (1763), Троицкая (1758), Флора и Лавра (1749), Христорождественская (1780). См.: Кириков. С. 22—41 и др.

Клобуков мужской Николаевский монастырь (ныне ул. Смычка, 1—6), Сретенский женский монастырь (Рабочий пос., 18, 22), Дмитровский мужской монастырь (на холме на правом берегу р. Кашинки, напротив торговой площадки).

²² Мощи св. блг. великой княгини Анны Кашинской хранились в Воскресенском соборе (1650), церковное празднование отменено (1677).

²³ Свинцовые белила, изготавливаемые в Кашине с XVI в., получили название кашинских. При утверждении гербов городов в 1780 г. в нижней половине герба Кашина постановлено изображать «в голубом поле три ступки белил, каковыми заводами сей город весьма славится», кашинские белила расходились по всей России и вывозились за рубеж.

²⁴ Кашинское печенье *беседка* может изготавливаться с большим количеством соли и в таком случае долго сохраняется.

²⁵ Клобуков Николаевский монастырь.

Е. Д. Камеженков. Вид города Кашина. 1798.
Х., м. ГРМ

с г. Коржавиным, и мы вместе с ними пошли в воеводскую канцелярию, куда вызывали и мачеху, но она не поехала никак.

Итак, вместе с воеводским товарищем обедали мы у игумена Феодосия, где, написав черную запись, ездили уже после обеда сами к упрямой мачехе и рады были, что наконец она ее апробовала.²⁶

Но тут было на нас другое горе. Не могли мы никак отыскать подьячего, у которого на руках была гербовая бумага, и принуждены отложить то до последующего утра. И как г. Баклановский пригласил нас ехать к нему ночевать, а наперед заехать в Дмитровский монастырь к строителю Кесарию, который был ему отменно дружен, то мы туда и поехали, но гости сии были мне очень неприятны.

Была у них тут по своей вере изрядная попойка, и как принуждали неотступно и меня брать в том соучастие, то, ненавидя душевно сие гнусное и старинное обыкновение, не рад был, что и попался в сию компанию и насилу-насилу товарищей своих оттуда вызвал.

Переночевав опять вместе с г. Коржавиным в Белеутове, ездили мы на другой день вторично в Кашин и насилу кончили первое наше дело с мачехою и написали крепостную запись в залог верности данного ею слова совершить купчую как скоро будет можно. Непостоянство нрава сей госпожи и неизвестность, скоро ли сыщем мы занять деньги, нас к тому принудило.

²⁶ Апробовать — от лат. *approbare*, одобрить, утвердить.

Последнее обстоятельство наводило на меня особую заботу, и я боялся, чтоб оно не задержало меня долее, нежели сколько я хотел, в пределах кашинских. Но, по счастью, возвратившаяся из Углича племянница моя обрадовала нас уведомлением, что она деньги занять нашла и оные ей верно обещаны.

И как тогда оставалось только совершить купчую и для сего съездить с мачехою в сей провинциальный город, то и приступили мы к ней о том с просьбою; а поелику и самой ей хотелось скорей кончить сие дело и получить в руки деньги, то согласилась и она без дальнего замедления туда вместе с нами отправиться.

Итак, собравшись, и поехали мы в сие недалнее путешествие, ибо город сей отстоял от Кашина не далее как на 40 верст.

Оный случилось мне тогда также в первый раз еще видеть, и он, несмотря на всю свою древность, показался мне немногим чем лучше Кашина. Он сидел на самом берегу славной нашей реки Волги на ровном месте, и окружен с одной стороны густою высокою рощею, и был довольно обширен.

<...> Пребывание наше в оном не продолжалось более двух суток, ибо как нужно было только совершить купчую, то и кончили мы дело сие скоро и, вручив деньги мачехе, и разделались с нею совершенно.

Окончив благополучно сие главное дело, стал я поспешать своим возвращением назад в В<в>еденское и за поспешностию сею не имел времени и осмотреть все достопамятности, находящиеся в сем городе, а паче всего находящийся и поныне еще в целости тот маленький о двух жилах каменный со сводами домик, где жил несчастный царевич Дмитрий с своею матерью и о коем рассказывали мне, что стены в нем расписаны живописными священными изображениями; и мне очень жаль было, что не удалось видеть самолично сего знаменитого монумента древности.

<...> По возвращении своем в село В<в>еденское и по успокоении с сей стороны моих племянниц приступил я к разным хозяйственным распоряжениям.

Я входил во все подробности сколько было можно и, препроводив в том несколько дней, не стал долее мешкать; но, поспешая возвращением восвояси, объездил с племянницами своими всех их приятелей и соседей и, поручив их покровительству оных и распрощавшись с ними, пустился в обратный путь, взяв с собою малолетнего их брата для воспитания и обучения его всему, чему научить я был в состоянии.

Племянницы мои при бесчисленных благодарениях за труд, приятной для них, и за оказанное им вспоможение, провожали нас на несколько верст и, расставаясь с слезами, обещали приехать к нам по наступлении зимы.

Описанием обратного моего путешествия не буду уже обременять вас, любезный приятель, а коротко только скажу, что езда наша в сей раз была благоуспешная, спокойнее и лучше.

Уильям Кокс

[1778]

Кокс Уильям (1747, Лондон — 1828, Бемертон), английский путешественник, историк и писатель, член ряда научных учреждений, в том числе Императорского экономического общества в Петербурге. Учился в Итоне и Кембридже, в 1772 г. принял духовный сан. В 1775—1779 гг. в качестве воспитателя лорда Дж. Герберта объездил большую часть Европы и впервые посетил Россию (1778). В 1785—1786 гг. вторично посетил Россию. В 1818 г. ослеп, но благодаря редкой памяти продолжал литературные труды. Путешествия по России отразились в географической, историко-статистической и культурологической «росси́ке» Кокса: [Coxe W.] *Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added, The Conquest of Siberia, and the History of the Transactions and Commerce between Russia and China.* London, 1780; *Ibidem. A comparative view of the Russian discoveries with those made by Captain Cook and Clerke; and a Sketch of what Remains to be ascertained by Future Navigators.* London, 1787; *Ibidem. Account of the prisons and hospitals in Russia, Sweden, and Denmark.* London, 1781. Рус. пер.: [Кокс У.] Тюремьы и госпитали в России в XVIII веке по наблюдениям У. Кокса // *Русская старина.* 1907. Т. 131. № 7. С. 25—44. В книге «Путешествие... в Россию» (Coxe W. *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark, Interspersed with historical relations and political enquiries: In 2 vols.* London, 1784; дополненные переиздания: в 3 т. 1785—1790; в 4 т. 1787; в 5 т. 1792) Кокс соединил легкое и талантливое изложение с обширной эрудицией, обогатив науку массой новых сведений. В России было известно уже первое издание «Путешествия». В немецком переводе его читала Екатерина II, но в начале XIX в. цензура запретила труд Кокса. Впервые на рус. яз.: [Кокс У.] *Путевые заметки от Москвы до С.-Петербурга* / пер. с франц. М., 1837. В 1877 г. к столетию путешествия Кокса «Русская старина» опубликовала пересказ страниц о Москве и Петербурге. Тверские страницы частично перевел И. К. Линдеман: *Английский путешественник конца XVIII столетия Вильям Кокс о Твери и Тверской губернии* // *Журнал 89-го заседания ТУАК.* Тверь, 1902. С. 10—18. Текст печатается по изд.: *Тверской край конца XVIII века глазами английского*

путешественника Вильяма Кокса / пер. с англ. Е. И. Смирновой // Книги. Библиотека. История. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. Вып. 1. С. 24–34. Перевод выполнен по изд.: Coxe W. *Traveles into Poland, Russia, Sweden and Delmark: In 5 vols. London, 1792. Vol. II, part 4: Traveles into Russia. P. 178–211. В Приложении представлены стихи тверских поэтов 1778–1779 г., написанные по поводу разных событий в жизни Твери.*

Мы покинули Москву 14 сентября 1778 года и продолжили путешествие по слегка холмистой местности, в основном поросшей лесом, с небольшими открытыми пространствами. Мы заночевали в маленькой деревушке Парское,¹ как обычно, в крестьянском доме. На следующее утро сменили лошадей в Клину, расположенном на реке Сестре. Город недавно горел, и крестьяне были заняты восстановлением своих изб. Наше особое внимание привлекла пыльная яма,² так как они редко встречаются в этой стране. За Завидовом мы переправились через небольшую речушку³ и вскоре достигли берегов Волги у Городни.

На следующее утро выяснилось, что пружины нашего экипажа вот-вот лопнут и одно из колес в ужасном состоянии. Поэтому мы отправили экипаж медленным ходом под присмотром наших слуг, а для себя наняли местные повозки, называемые кибитками.⁴ Набив

¹ Не установлено. Почтовая станция находилась в д. Пешки; но поскольку Кокс ехал в собственном экипаже, он мог заночевать в другой деревне поблизости.

² Пыльная мельница строилась обычно на воде; силовой установкой в ней являлось вертикальное колесо с ящиками, в которые вода падала по желобу. Эти тяжелые деревянные конструкции двигались вверх и вниз. Для лучшего использования энергии рамы навешивались так, что во время подъема одной вторая опускалась. Бревно лежало на саях, которые двигались по неподвижным зубчатым полосам с помощью каната, наматывавшегося на деревянный вал с зубчатым колесом. Рамы имели разное число пил в зависимости от того, сколько хотели получить резцов (Фомин Ю. Лесопильное производство в России // Технологии строительства. 2005. № 6. С. 109–114).

³ Речь идет о р. Шоше.

⁴ Об устройстве кибитки см. в письме леди Э. Кравен (1750–1828) от 28 февраля 1786 г.: «Карету свою я оставила в Петербурге, а наняла для себя и для небольшой моей свиты несколько повозок, называемых кибитки. Они похожи на детские качалки, напереди у них сделаны окошки в кожаных занавесках, которые отдергиваются и закрываются. Я в ней могу лежать, сидеть и спокойно спать, как дитя в пеленках, будучи защищена подушками и одеялами от стужи. Кибитки эти ставятся на полозки. Если ли дорога хороша, то они не тряски, и в них очень покойно и приятно ехать» (Кравен Э. Путешествие

К. Нике. Вид города Твери.

Гравюра по рисунку Н. Леспинаса из книги Н. Г. Леклерка «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne». Париж, 1783

их сеном, после значительной тряски мы прибыли в Тверь, великолепно расположенную на высоких берегах Волги.

Тверь обязана своим происхождением великому князю владимирскому Владимиру Георгиевичу,⁵ который в 1182 году соорудил большую крепость в том месте, где Тверца впадает в Волгу, чтобы защитить свои территории от набегов новгородцев.⁶ Позже, в 1240 году,

в Крым и Константинополь в 1786 году / пер. с франц. [Д. Рунича]. М: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. С. 220).

⁵ Ошибка Кокса; речь идет о Всеволоде Юрьевиче (Георгиевиче) Большое Гнездо (1154–1212), великом князе владимирском (1176).

⁶ Поселение на мысу при впадении Тьмаки в Волгу существовало с IX–X вв. Крепость в Твери сооружена в 1130–1140-х гг. в ходе борьбы ростовско-суздальских князей с Новгородом (Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984). По В. Н. Татищеву, Тверь основана в 1181 г. (Татищев В. Н. История Российской. М., 1964. Т. 3). Тверь упомянута впервые в летописях под 1208–1209 г.; в письменных источниках в 1127–1135 и 1160 гг. Берестяные грамоты с территории тверского кремля относятся к концу XII – началу XIII в.

великий князь Ярослав II⁷ построил еще одну крепость на том месте, где нынешняя,⁸ и положил начало новому городу, который вскоре так вырос и разбогател, что смог стать центром независимого княжества, названного по имени города Тверским.⁹

Ярослав III,¹⁰ сын Ярослава II и брат Александра Невского, получил это княжество в наследство и передал это по наследству длинному ряду потомков. Последним князем в этой наследственной линии был Михаил Борисович,¹¹ сестра которого Мария была женой великого князя Ивана Васильевича I.¹² Добрососедство, которое некоторое время существовало между этими князьями, сначала укрепилось этим браком, но через несколько лет то ли обоюдная зависть, то ли амбициозные взгляды Ивана привели к открытому разрыву, и в 1486 году Иван пошел на Тверь с большим войском. Михаил, будучи не в состоянии сопротивляться такому сильному противнику, покинул город, бежал в Литву, где и умер в крайней нищете. После его бегства жители Твери сдали город Ивану Васильевичу, который даровал Тверь и Тверское княжество своему старшему сыну Ивану¹³ как феодальное поместье. Когда Иван умер в 1490 году, великий князь присоединил княжество к другим своим владениям в качестве провинции, и больше оно никогда не было самостоятельным.

Тверь разделяется на старый и новый город. Старый расположен за Волгой и состоит почти полностью из деревянных домов;

⁷ Ярослав II Всеволодович (1191–1246), великий князь киевский (1235) и владимирский (1238–1246).

⁸ В 1238 г. Тверь была разорена Батыем, однако быстро оправилась. Тверь восстанавливал князь Ярослав Всеволодович. Существует гипотеза, что Тверь располагалась на левом берегу Волги при устье Тверцы, но после 1238 г. была перенесена на правый берег в устье р. Тьмаки.

⁹ Около 1247 г. Тверь стала уделом князя Александра Ярославича Невского, между 1252 и 1255 гг. перешла к его брату Ярославу Ярославичу, родоначальнику династии тверских князей. В 1247 г. Тверь стала столицей Тверского княжества.

¹⁰ Ярослав III Ярославич (1230–1272), великий князь тверской (1247), владимирский (1263–1271).

¹¹ Михаил Борисович (1453–1505), великий князь тверской (1461–1485).

¹² Ошибка Кокса; имеется в виду Иван III Васильевич (1440–1505), великий князь московский (1462).

¹³ Иван Иванович Молодой (1458–1490), сын Ивана III Васильевича и его первой жены Марии Борисовны, дочери великого князя тверского Бориса Александровича, как племянник Михаила Борисовича Тверского, у которого не было сыновей, имел право на наследование Тверского княжества.

новый лет пятнадцать назад был, за исключением нескольких зданий, таким же, но, уничтоженный страшным пожаром 1763 года, с блеском возродился из пепла. Как только императрица узнала об этом бедствии, она приказала выдающемуся архитектору начертить регулярный план нового города¹⁴ и перестроить все дома в соответствии с этой моделью. На собственные средства императрица построила дом губернатора,¹⁵ архиерейский дом,¹⁶ здание суда,¹⁷ биржу, тюрьму и несколько других общественных зданий. Императрица предложила каждому, кто возьмется построить кирпичный дом, ссуду в 300 фунтов стерлингов на 12 лет без начета процентов. Сумма, предложенная ее величеством, выросла до 60 000 фунтов стерлингов, и треть суммы была прощена.

Широкие и длинные улицы шли прямой линией от центральной площади, или, скорее, от многоугольника.¹⁸ Дома вокруг этого многоугольника и вдоль главных улиц в основном кирпичные, выбеленные известью, и имеют великолепный вид. Только часть нового города, когда мы проезжали через него, была завершена. Когда всё будет закончено, образуются два восьмиугольника, к которым ведут несколько улиц, пересекающих друг друга под острыми углами,¹⁹ и город будет достоин богатой цивилизованной страны.

¹⁴ Пожар 12 мая 1763 г. уничтожил всю застройку тверского кремля; в Загородском посаде сгорело 852 двора из 900. До пожара в городе находилось более 1000 домов. За строительство Твери после пожара отвечал генерал-аншеф граф В. В. Фермор; проект застройки был создан в 1763–1767 гг. П. Р. Никитиным с И. Парфентьевым, Н. Мещерским и П. Бартьевым.

¹⁵ Архитектурный комплекс дома губернатора (ул. Советская, 10–12). Главный дом построен во второй половине XVIII в. как дом воеводы в переходном стиле от барокко к классицизму. С 1776 г. в здании стали жить губернаторы; были пристроены два боковые трехэтажные крыла в стиле раннего классицизма, два флигеля.

¹⁶ Императорский Путевой дворец (ул. Советская, 3) возведен П. Р. Никитиным по проекту М. Ф. Казакова на месте архиерейского дома в кремле (1764–1766).

¹⁷ Здание суда располагалось на восьмиугольной Фонтанной пл. (пл. Ленина, 34), которая поэтому какое-то время именовалась Судебной.

¹⁸ Восьмиугольная пл. (пл. Ленина) имеет форму правильного восьмиугольника со стороной около 50 м; протяженность площади в длину 120–130 м, восемь углов образуют четыре здания по краям площади. За образец была принята, вероятно, площадь Амалиенборга в Копенгагене (1749; проект Н. Эйтведа и Н. Жардена).

¹⁹ В основу плана застройки Твери была положена трехлучевая система. Трехлучие начиналось на периферии Загородья, лучи расходились под углами, что

В Твери есть духовная семинария под наблюдением архиеерея,²⁰ в которой учатся 600 семинаристов. В 1776 году императрица основала школу для обучения 200 мещанских детей.²¹ Их учат читать, писать и считать, некоторых из них обучают ремеслу. В июне 1779 года в городе было также открыто училище для молодых дворян из провинции²² под опекой царствующей покровительницы. В нем 120 учащихся, которых обучают иностранным языкам, арифметике, географии, фортификации, тактике, естественной философии, музыке, верховой езде, танцам и т. д.

Тверь — место богатой торговли; обе реки — Волга и Тверца — покрыты судами. Главной своей торговлей Тверь обязана выгодному расположению на слиянии этих двух рек, по которым переправляются грузы и товары из Сибири и южных провинций к Петербургу.

Волга, самая крупная река в Европе, берет начало в Волконском лесу около 80-ти миль от Твери,²³ а в нескольких милях выше горо-

образовывало трапециевидные кварталы. Большая перспектива (старая Большая Московская ул.), параллельная Волге, оформлена четырьмя площадями: восточная восьмиугольная — сенной рынок; полукруглая с трехлучием — фабричные здания, но вскоре к ним добавились почтовый и питейный дома; восьмиугольная Фонтанная — административные и общественные здания; прямоугольная Красная пл. у стен кремля — торговая. Большая перспектива завершалась Спасо-Преображенским собором. Малые перспективы создавались боковыми лучами — улицами Косой Новоторжской и Косой Новгородской.

²⁰Первым учебным учреждением в Твери была начальная славяно-русская школа (1722), преобразованная в духовную семинарию (1739), готовившую священнослужителей. В семинарию принимались мальчики 10–15 лет, главным образом из духовенства. Общее число учеников в первой половине XVIII в. достигало около 200 чел. Продолжительность обучения превышала 10 лет. До 1779 г. размещалась в Феодоровском монастыре на о-ве в устье Тьмаки. В 1777–1779 гг. было сооружено здание семинарии на территории бывшего кремля. В 1809 г. семинария была переведена в Отрочь монастырь, а в 1810 г. в Затьмацкую часть, близ храма Николы на Зверинце. В 1878–1881 гг. сооружено новое здание семинарии (арх. В. Н. Козлов), в которой она располагалась до закрытия в 1918 г. (ныне главный корпус суворовского училища).

²¹Городская школа для купеческих и мещанских детей открыта в 1776 г. приказом общественного призрения. В 1777 г. такие школы устроены в уездных городах (Колосов В. И. Прошлое и настоящее Твери. Тверь, 1994).

²²Дворянское училище было открыто в 1779 г. Положение о Тверском дворянском училище (М., 1779), предисловие к которому составил первый тверской наместник Т. И. Тутолмин, свидетельствует о широте его педагогической программы (Колосов В. И. Прошлое и настоящее Твери).

²³См. прим. к тексту Герберштейна.

да становится судоходной. Шириной она приблизительно как Темза в Хенли,²⁴ но очень мелкая; однако она значительно увеличивается при впадении Тверцы, которая широка, глубока и быстротечна.

Посредством Тверцы Волга связана с Невой или, другими словами, связано Балтийское море с Каспийским,²⁵ что будет разъяснено ниже. Количество барж, прошедших через город в 1776 году, достигло 2537, в 1777 — 2641, их среднее число держится приблизительно на цифре 2550. Суда плоскодонные из-за частых мелей на Волге и других реках, составляющих эту длинную навигацию. Они строятся из новых досок, которые дают усадку, образуя щели, залатанные узкими дощечками, закрепленными железными скобами или канатом. Руль этих судов имеет весьма своеобразный вид. Деревянная рукоятка длиной около 50 футов, на конце которой находится шест, перпендикулярно сходящий к реке, где он прикреплен к широкому куску дерева, плавающему на поверхности воды. Рулевой стоит на чем-то вроде подставки в 30 или 40 футов от палубы и поворачивает руль при помощи длинной рукоятки. Эта суда строятся только на одно путешествие, и по прибытии в Петербург они разбираются и продаются на дрова.

Я уже упоминал огромный расход древесины из-за устоявшейся привычки делать доски топором. Такая практика, причиняющая колоссальный ущерб лесам империи, распространена среди судостроителей не менее, чем среди крестьян. Из-за отсталости и предрассудков их только силой удалось склонить к применению пилы.²⁶ Правительство издало указ, по которому каждое судно, проходящее через Тверь, если в нем хоть одна доска была вырублена топором, штрафовалось на 6 фунтов стерлингов. В соответствии с этим указом офицер, поставленный собирать штраф, за 1-й год собрал 6 000 фунтов стерлингов, за 2-й — 1500, за 3-й — 100, а за 4-й — ничего. С помощью этих законных мер среди русских судостроителей было введено применение

²⁴ Хенли — город в Англии.

²⁵ Речь идет о Вышневолоцкой водной системе.

²⁶ В 1721 г. был издан указ об отводе участков на государственных землях под строительство пильных мельниц, а в 1748 г. указ о применении пильных, а не топорных досок. Свободная продажа топорных досок ограничивалась пятью годами, однако распил досок не стал практикой даже через 10 лет. В 1758 г. запрещалось сплавлять в Петербург «топорный лес» под угрозой конфискации. При Екатерине II начали распространять среди населения пилы. На судах из пильного леса треть хлеба отпускалась из Петербургского порта за границу беспошлинно, а на топорные суда был денежный сбор (Фомин Ю. Лесопильное производство в России).

пилы, и, возможно, со временем это распространится на плотников и крестьян.

Подъем торговли за эти несколько лет вызвал значительный рост благосостояния города и числа его жителей. Теперь население его составляет по меньшей мере 10 000, а количество жителей Тверской губернии выросло в еще более поразительной степени. Это обстоятельство указывает на преимущества нового Уложения законов ее величества.²⁷ Тверь была первой провинцией империи, где всесторонне было применено это Уложение, и она уже ощутила пользу от этих замечательных законов.

Тверь — большой город, и мы понадеялись, что у нас не будет трудностей с ремонтом, в котором так нуждалась наша карета, так чтобы она еще по крайней мере 2—3 дня могла обойтись без починки. И вот, полагаясь на мастерство русских кузнецов, около 6 вечера мы отправились в путь, надеясь через 4 часа добраться до следующей станции и заночевать там. Но, едва проехав 10 миль, мы обнаружили, что колесо было не укреплено, а ослаблено неумелым кузнецом и могло выйти из строя в любую минуту. Нам пришлось остановиться в маленькой деревушке, где мы не смогли получить никакой помощи, даже сальной свечи для смазки колеса, чтобы оно не загоралось. Так как следующий пункт, где можно было бы купить колесо, был в 60 милях пути, мы сочли более целесообразным вернуться в Тверь. Я охотно согласился на эту задержку, поскольку она давала нам возможность подробнее, чем раньше, познакомиться с городом и окрестностями. Мы остановились в той же гостинице, которую только что покинули. Гостиница, которую содержал немец, была одним из новых великолепных кирпичных зданий,²⁸ однако почти совершенно без мебели и кроватей.

На следующий день мы совершили приятную прогулку по окрестностям: переправились через Волгу по плавучему мосту,²⁹ через Тверцу на плоту и осматривали берега двух этих прекрасных рек. Затем мы оставили Волгу продолжать свой путь по землям России: Казани и Астрахани — и путешествовали по окрестностям Твери, наслаждаясь великолепным видом нового города, гордо раскинувшегося

²⁷ См. об этом: *Томсинов В. А.* Императрица Екатерина II (1729–1796) // *Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т.* М., 2007.

²⁸ Каменный дом на ул. Миллионной (ул. Советская, 18) построен в 1764 г.; с 1766 г. столярных дел мастер И. Б. Миллер содержал в нем гостиницу (постоялый дом с трактиром): *Свод Ч. 1.* С. 200–201.

²⁹ Первый в Твери мост из плавучих барок через Волгу был построен в 1700 г.

на крутых берегах Волги, покрытых до самой воды прекрасной растительностью.

Тверь лежит посреди широкой равнины, нарушаемой кое-где небольшими возвышенностями. В этой местности в огромных количествах выращивают пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху, коноплю, лен и всевозможные овощи. В лесах растет дуб, береза, ольха, тополь, дикий ясень, сосна, ель, можжевельник и т. д. В лесах живут лоси, медведи, волки и лисы, серны и зайцы, а также барсуки, куницы, ласки, горностаи, хорьки, белки, сурки и т. д. Основные птицы этой местности — орлы и соколы, цапли, журавли, лебеди, дикие гуси и утки, куропатки, перепела, тетерева, бекасы, глухари, воруны и воруны, сороки и черные дрозды, воробьи и скворцы, соловьи, коноплянки, жаворонки, золотые подорожники. В Волге ловится лосось, стерлядь, линь, щука, окунь, голец, пескарь и иногда, но редко — осетр и белуга.

Так как стерлядь очень необычная рыба, уникальная в северных местах, я хочу дать ее описание... <Далее следует описание стерляди.>

Сделав ценное приобретение в виде нового колеса, после обеда мы продолжили наше путешествие и еще до наступления ночи прибыли в Торжок, расположенный на Тверце. Это большое беспорядочное поселение, состоящее в основном из деревянных домов вперемешку с несколькими общественными зданиями из кирпича.

Хотя Торжок находится в 40 милях от Твери, мы сочли счастливой случайностью то, что в течение этого пути с нашим экипажем не случилось никакого несчастья. Но на следующий день мы были не столь удачливы: около 6 миль от Выдропуска ось сломалась. Мы пешком дошли до деревни, раздобыли временную ось для поддержки нашего неустойчивого транспорта и наняли кибитку до Вышнего Волочка. Этот город знаменит своим каналом, соединяющим Тверцу и Мсту и, таким образом, Каспийскую и Балтийскую навигации.³⁰

Вышний Волочек, один из тех царских городов, которым императрица дала свободу и наделила значительными привилегиями,³¹ уже поимел многие преимущества от своей недавней самостоятельности. Жители, поднявшиеся от состояния рабов до состояния свободных граждан, кажется, сбросили свою прежнюю леность и приобрели дух соревновательности и трудолюбия. Занявшись торговлей, они осознали

³⁰ См. прим. к тексту Сегюра.

³¹ В 1770 г. Вышний Волочек получил статус уездного города Новгородской губ., герб утвержден в 1772 г.

коммерческие преимущества места, в котором живут. Город разделен на правильные улицы, в нем уже есть много магазинов и мастерских, расположенных по обе стороны канала. Все здания деревянные, за исключением здания суда, построенного на средства императрицы, и четырех кирпичных домов, принадлежащих местному богачу.³² Пребывая в Вышнем Волочке, мы воспользовались случаем с величайшим вниманием изучить знаменитый канал, описание которого будет дано в следующей главе.

Раздобыв новую (деревянную) ось, 21-го (сентября) мы покинули Вышний Волочек, переправились через Шлину и продолжили путь по деревянной дороге, пролегающей через обширные болота с бесчисленным множеством маленьких мостиков без перил и, как правило, в очень шатком состоянии. Я разглядывал деревни, поля и сады, обнесенные деревянными палисадниками около 12 футов высотой. Обычай окружать деревни кольем в этой стране очень древний. Среди древнейших российских законов есть один, предписывающий, под страхом кнута, окружать деревни и города заборами. Возможно, это было необходимо для защиты от налетов татарских орд до изобретения пороха, и этот обычай, утратив свое значение, сохранился у народа, очень привязанного к старине.

Местность часто представляет собой нескончаемую трясику, поросшую лесом, а деревни построены на небольших возвышенностях среди болот. Ночь мы провели в Хотилове, маленькой деревушке, которая тоже недавно горела. Такие частые пожары, если задуматься, неудивительны: дома деревянные, а большинство крестьян, как и в Польше, пользуется не свечами, а лучиной (сосновой или еловой), которую они носят без всякой предосторожности по дому и даже по сараю с сеном.

На следующее утро наше новое колесо, разбитое плохой дорогой и кое-как пригнанное, проявило признаки преждевременной поломки, и мы остановились для починки. Но починщики были так же ненадежны, как и материал, поскольку еще до конца следующего отрезка нашего пути колесо развалилось, и мы на несколько часов задержались

³² Водная система изменила Вышний Волочек, и в 1770 г. Екатерины II дала ему статус города, поскольку «пользу великую российской коммерции приносит». В городе развернулось каменное строительство, намечалась регулярная планировка, некоторые улицы стали называться линиями: Жуковская, Ванчаковская, Островская; часть улиц застраивалась косоугольными домами для сохранения планировки; строитель каменного дома освобождался от постоя на пять лет (*Полынов А.* Вышний Волочек — русская Венеция // *Строительная газета.* 2010. 22 июля).

в деревне Едрово, прежде чем рискнули продолжить путь. На этот раз благословение сошло на нас: мы встретили очень умелого мастера, благодаря искусству которого мы смогли доехать до Зимогор,³³ маленькой деревушки, расположенной на красивейшем берегу озера Валдай. <...>

Дорога из Москвы в Петербург тянется 500 миль почти прямой линией, проложенной сквозь леса, и крайне утомительна: по обеим сторонам дороги лес вырублен на 40–50 шагов, и весь путь проходит через бесконечный лес, изредка прерываемый деревьями и небольшими обработанными полями.

Вся дорога одинаковой ширины и построена следующим образом: бревна, уложенные поперек, привязаны по краям и в середине к длинным брусам, которые вбиты в землю кольями. Эти бревна покрыты слоями веток, и всё это засыпано песком или землей. Пока дорога новая, она замечательно хороша, но когда бревна ломаются и проваливаются в землю, а песок и земля выбиты и вымыты дождем (а это часто длится на протяжении нескольких миль), в дороге образуются бесчисленные ямы, экипаж бьется о голые куски дерева — описывать это бесполезно, это надо испытать на себе. Во многих местах езда по такой дороге — не что иное, как бесконечное сотрясение экипажа, и такое сильное, какое я больше нигде не испытывал.³⁴

³³ С. Едрово и Зимогорье Валдайского у. Новгородской губ.

³⁴ Ср. у Э. Кравен: «...несказанное множество саней, беспрестанно переезжающих по снежной дороге, делают по обеим ее сторонам ухабы или ямы, и если сани в них попадут или когда надобно будет из них выезжать, тогда повозка получает такие удары, которые, уверяю вас, могут проломить и самую крепкую голову. Меня вываливали два раза. Из этих случаев я узнала, что кучера призывали к таким скачкам. Они тотчас проворно слезают с лошади, поднимают и оправливают повозку, а никогда не спрашивают, не ушибся ли путешественник. Они возят весьма странно: кучер сидит на козлах прямо лицом к трем рядом запряженным лошадям. Пронзительный свист, или лучше сказать, дикий крик, есть побудительный знак, чтоб лошади скорее бежали: как скоро закричит, тотчас поскачут во всю рысь. Если же они поедут очень тихо, то кучер машет или хлопает кнутом над лошадьми, или свистит, кричит, и лошади слушают его. Я заметила, что форейтор никогда не бьет их дорогою, а вместо того они мне сказывали, что кнут действует на конюшню без пощады. Всякой умной человек не поедет из Петербурга на Масленице. Можно подумать, будто в сие время русские крестьяне почитают за непремненное кататься и быть пьяными. Во всех почти деревнях я видела так наполненные молодыми людьми обоюбого пола сани, что надлежало бы их вести трем лошадям, но они ездили на одной, которая принуждена была скакать или, лучше сказать, летать с этою шумящею толпою

Деревни, встречающиеся на этом пути, очень похожи друг на друга. Они состоят из одной улицы с деревянными избами, кирпичные дома очень редки. Избы здесь гораздо лучше тех, что встретились нам между Голицыном и Москвой: они, кажется, хорошо приспособлены к суровому климату и, хотя построены грубейшим и безыскуснейшим способом, очень удобны для жилья. Дома построены на небольшом прямоугольном пространстве, обнесенном высоким забором. Они выходят окнами на деревенскую улицу и имеют снаружи крыльцо под навесной крышей. В домах одна или, самое большое, две комнаты.³⁵

Я заметил, что кровати очень редки в этой стране. Из всех домов, в которых я был в России, я видел только две кровати, на каждой из которых лежали по две женщины в верхней одежде. Семья обычно спала на лавках, на полу или на печи; бывало, что все вместе: мужчины, женщины, дети — и часто почти в натуральном виде (голые). В некоторых домах я видел что-то вроде полки, высотой 6—7 футов, которую передвигали из одного конца комнаты в другой. У нее было несколько поперечных досок, где и спала часть семьи. Их головы, руки и ноги часто свисали, и нам, непривычным к такому способу отдыха, казалось, что они вот-вот свалятся на пол. Количество людей, втиснутых таким образом в небольшое пространство для ночлега, доходило до 20-ти человек. Печь была горячеей, в помещении стояла невыносимая жара и удушьющее зловоние. Всё это еще усугублялось в домах, где не было труб, и дым, наполняющий комнату, делал ее еще более душной. Если мы, не в силах терпеть это, открывали ночью двери, чтобы облегчить дыхание, такой порыв холодного ветра врвался в комнату, что нам приходилось предпочесть жару и духоту пронзительности северных ветров.³⁶

из одного края деревни в другой» (Кравен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году. С. 220—222).

³⁵ Ср. у Э. Кравен: «Избы в деревнях построены в два параллельные ряда и притом в прямой линии. <...> Деревянные дома у поселян недурны. Они сделаны из простых бревен, составляющих твердую и толстую стену» (там же. С. 222, 224).

³⁶ Ср. у Э. Кравен: «Для меня весьма удивительно, как маленькие дети, которых лет до трех, а особливо зимою, держат в теплых избах, бывают здоровы без свежего воздуха. Почти в каждой избе сделан подле печи пол наподобие антресолей. Отец, мать и дети там сидят большую часть дня и спят всю ночь. Жар вверху так велик, что не могу понять, как они могут его терпеть; но привычка чего не делает; а для них также удивительно казалось, когда я отворяла дверь или окошко. И так сколько противен

В центре каждой комнаты к потолку подвешен сосуд со святой водой и лампада, которая зажигается только в особых случаях. В каждом доме есть грубо сделанное на дереве изображение какого-нибудь святого, которое больше напоминает калмыцкого идола, чем человеческую голову; однако люди относятся к нему с величайшим благоговением. Все члены семьи по утрам и перед сном непременно стоят перед святым, крестятся несколько минут и кланяются очень низко, иногда даже простираются на полу. Каждый крестьянин, входя в помещение, сначала отдает должное объекту поклонение и только после этого обращается к семье. Крестьяне при обычном общении замечательно вежливы друг с другом: они снимают шапки при встрече, часто и церемонно кланяются и обмениваются приветствиями. Свой разговор они сопровождают богатой жестикуляцией. Крестьяне крайне подобоострастны в выражении почтения к старшим над ними. Приветствуя значительную персону, они падают ниц и даже бьются головой о землю. Мы были потрясены таким выражением восточного гостеприимства не только со стороны нищих, но и детей, а иногда и самих крестьян.

Во внешнем виде крестьян ничто не поразило нас так, как непомерная величина их ног, которую мы сначала приняли за их естественные размеры, пока частая демонстрация босых ног и беззастенчивое раскрытие секретов их «туалета» не убедило нас, что мы ошибались. Потрясающие нас размеры создавались огромным числом обмоток, которые они используют и зимой и летом. Кроме 1—2 пар толстых шерстяных чулок, они обматывают ноги грубой фланелью или другой тканью длиной в несколько футов, и поверх всего этого они натягивают пару башмаков, настолько больших, чтобы разместить громоздкое содержимое как можно удобнее.

Крестьяне добротны одеты,³⁷ удобно живут и, кажется, едят сытно и много. Их ржаной хлеб, чернота которого отвратительна на вид, а кислота — на вкус изысканного путешественника, хорошо утоляет аппетит. Я, начав есть его по необходимости, обнаружил, что это не такая уж неприятная еда, а приправленный голодом, он и вовсе вкусен. Крестьяне перемешивают хлеб с луком, крупой, морковью,

мне чрезмерный жар в их избах, столько и они боятся холоду. Потому-то у их детей лицо бледно и нездорово до пяти или шести лет» (там же. С. 223—224).

³⁷ Ср. у Э. Кравен: «Бараньи шубы, обыкновенное их платье, очень теплы и весьма удобны для сего климата» (там же. С. 224).

зеленью и поливают растительным маслом. О другой пище добавлю лишь, что грибы очень распространены в этих местах, так что составляют значительную часть рациона. В редком доме не увидишь их в огромном количестве, а на рынках разнообразие продаваемых грибов поражает не меньше, чем их число: они были всех цветов, включая белые, черные, коричневые, желтые, зеленые, розовые. Обычный напиток крестьян — квас: это заквашенная жидкость, наподобие суслу, приготовленная из теплой воды и ржи или ячменя, он является прекрасным противочинготным средством. Русские очень любят «виски», спиртной напиток, получаемый из солоду; он доступен даже бедным, и склонность к нему приводит часто к употреблению его в непомерных количествах.

Крестьяне, обеспечивающие почтовых лошадей, называются ямщиками. Плата, получаемая за лошадей, настолько незначительна, что дают их с большой неохотой. Как только путешественники попросят лошадей, ямщики собираются толпою, начинают ругаться и ссориться до такой степени, что для проезжающих, которые не торопятся, это настоящее развлечение. Ругань ямщиков — настолько яркое зрелище, что поражает всех путешествующих по России... Я часто наблюдал, как после часа безрезультатных споров хозяин станции для решения этой замысловатой задачи заставлял ямщиков тянуть жребий. Поэтому любому иностранцу, который отправляется путешествовать по России, необходимо, кроме паспорта, иметь при себе русского солдата сопровождающего. Сразу по прибытии на станцию, вместо того чтобы слушать перебранку ямщиков или ждать, когда хозяин-тугодум примет решение, он сам без промедления решает эту проблему властным вмешательством своей дубинки. От этого безмолвного аргумента мужики сразу стихают, снимают все свои претензии, и лошади подаются почти мгновенно.

Во время нашего путешествия по России я был крайне удивлен склонностью местных жителей к пению. Даже извозчики и почтальоны, только усевшись на лошадей, начинают напевать мелодию и продолжают ее без перерыва в течение нескольких часов. Но еще больше меня поразило то, что они поют дуэтами, похожими на музыкальные диалоги с вопросами и ответами, словно они пропевают свой обычный разговор. Почтальоны поют от начала и до конца пути, солдаты поют постоянно на протяжении похода, крестьяне поют во время самых трудных работ, кабаки вторят им своими песенками; и тихими вечерами воздух вибрирует от песен, доносящихся из окрестных деревень.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТВЕРСКИЕ СЕМИНАРИИ ШКОЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ
1778³⁸

МАДРИГАЛ ГОСПОДАМ, ПОСЕТИВШИМ СЕМИНАРИЮ

Науки ли людей собою прославляют
 Или свою они от сих честь занимают?
 Не можно с точностью задачи сей решить
 И должно истины те обе утвердить.
 О, мужи, мудростью и славою почтенны!
 Сияющие в вас достоинства отменны,
 Удобно всякому собою знать дают,
 Колико чести вам наука присвоет,
 Но в посещении Парнаса сей ваш труд
 К наукам в вас любовь отменную являет.
 Сим делаете честь вы в людях им других
 И ободряете в них юношей младых.
 За честь сию, доколь наука не увянет,
 Дотоль благодарить Парнас вас не престанет.

НАДПИСИ

I. К городу Твери

Прекрасну зданием и муз жилищем Тверь
 Прекраснее еще Астреин дом являет;
 Но больше сих красот ее то прославляет,
 Что есть она щедрот монаршеских пример.

О Тверь! ты до красот таких бы не достигла
 И в маловажности еще бы ты была,
 Когда б тебя рука монарха не воздвигла
 И из ничтожности твоей не извлекла.

II. К реке Волге

Меж европейскими реками ты славна
 Была, о Волга! преж, что многих ты питала.

³⁸ Тверские семинарии школьные упражнения. [Б. м.], 1778. С. 15–20. Текст печатается по изд.: *Стихи тверских поэтов*. С. 175–177.

Но как вода твоя уже освящена
Екатерининым на ней присутствием стала,
То превратилися в млеко твои струи.
Не славен Гангес стал златым дном пред тобою, —
Часть лучшая тебе дана теперь судьбою.
Бросая тень свою брега в тебя твои,
В кристальной влажности красу домов являют,
Что матерни собой щедроты представляют
Екатерины, той наместницы Творца,
Что Тверь воссоздала, тебя покрыла славой:
Счастлива, что течешь ты под ее державой.
Усердные к своей монархине сердца,
Которы зреть ее вовек лица не чают,
Священных вод твоих вкусити те желают.

III. К реке Тверце

Разлитием воды хотя, Тверца, мала,
Но пользой многие ты реки превзошла.
Желали б мы, чтоб ты в Петров град протекала
И счастье жителей тверских там возвещала.

IV. К реке Тьмаке

Хоть и весьма мала, о Тьмака! ты водою,
Однак и ты должна довольна быть судьбою,
Что благочестию на бреге создан храм.
На бреге же твоим святы останки там
Чудотворителя великого хранятся,
За добродетели досель нетленны зрятся.
Тот благочестия храм он соорудил
И небо за сие в награду получил.

V. К Тресвятскому саду

В числе прекраснейших счастливо Твери мест
К увеселенью всех Тресвятский сад отверст.
Природы там краса с искусством съединилась,
С сим жителей тверских забавить согласилась,
Да и для муз сего приятней места нет
Затем, что Аполлон на оном их живет.

VI. К нему же

Что средь меня гора под именем Фавора,
 Помона вокруг ее, Церера с ней и Флора,
 Что честных нравлюся собранию людей, —
 Довольно в том красы и похвалы моей.
 Но верх моей хвале и верх моим красам,
 Что зиждется во мне огромный дом и храм.
 Век будет с Тверию Тресвятское свидетьель,
 Вещая щедрости монаршей добродетель.

VII. К монументу, сооружаемому в Твери

Когда храм смертные Творцу сооружают,
 Сим чувствие сердец пред Ним изображают.
 В честь славы твоея, наместница Творца!
 В дар принося тебе усердные сердца,
 Сей обелиск собор дворянства поставляет,
 Сим с благодарностью любовь свою являет.
 Приемлет Божество своя же от своих,
 Екатерина! Се твое же от твоих!

ТВЕРСКИЕ СЕМИНАРИИ ШКОЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ
 1779³⁹

Надписи

I. К городскому теплому собору

Сойди сюда с небес, обручница Христова,
 Се посвящен тебе великолепный храм,
 В нем благость Вышнего всех осенить готова.
 Монархиня равно лиет щедроты нам,
 Ты соименна ей, сия тебе подобна,
 Премудрость с святостью ее с твоею сходна.
 Мы, стоя в храме сем, обоих молим вас:
 Щедротою своей всех покрывайте нас.

³⁹ Тверския семинарии школьные упражнения. Продолжение четвертое. [Б. м.], 1779. С. 18–20. Текст печатается по изд.: *Стихи тверских поэтов*. С. 177–180.

II. К нему же

Как двух Екатерин всяк век не позабудет,
Так сей священный храм стояти вечно будет;
Лиующаясь через них священна благодать
Вовеки сотворит безвредно Тверь стоять.

III. К портрету ее величества, поставленному в Екатерининском соборе

Священный храм святой здесь деве посвящая
И равно именем ее сей украшая,
Узрели образ в нем, монархиня! и твой,
Твоей премудрости сияющ красотой,
Помыслили, что ты равно достойна храмов
И купно с жертвами курений, фимиамов,
Так верим, что хотя ты в храме не была,
Но ревность нашу зришь, коль то тебе дала
Твоя премудрость, всем подобная небесной.
Сей образ будет ввек твой чтитися чудесной.

IV. К новому году

Веленьем Божеской судьбины
И мудростью Екатерины
Течет для россов век златой;
Когда год новый наступает,
То сам собою предвещает,
Что будет он и сам такой.

VII. К иллюминации, бывшей в Тресвятском загородном архиерейском доме

Искусство тщилося здесь день в ночь преобразить,
Но чем могло оно успех в том получить?
Вензлово имя здесь монархини сияло
И чистые лучи на Тверь всю простирало.

VIII. К присутственным местам

Оставля небеса, Астрея в вас вселилась,
И правда с милостью в вас в веки водворилась.
Но без богини мы могли б пробыть сея,
Екатерина есть премудрее ея.

IX. На избрание новых судей

Что обществу служить и славно и приятно,
 То души честные все подтвердят стократно;
 Но хочет ли кто зреть живой сему пример?²
 Воззри тот на судей, имела коих Тверь;
 Они за подвиг свой награждены спокойством,
 Венчанны честию, прославлены от всех.
 А вы, которые прияли должность тех
 Екатерининым премудрым под устройством!
 Все общество от вас услуг подобных ждет,
 Надежда всех сердца приятная питает,
 Что явите вы то, чего от вас всяк чаёт, —
 Тогда вас с счастьем поздравит целый свет.
 Надежду оправдать довольна вам причина:
 Законы ныне те ж и та ж Екатерина.

X. К Санкт-Петербургскому вестнику

Сказал Гораций Флакк, что тот всем угождает,
 Кто вместе пользуется и вместе услаждает.
 Хоть много издано уже в России книг,
 Однако не многое число есть таковых,
 Как та, что вестником Петропольским зовется,
 В потомках похвала ее вовек прострется;
 Забава с пользою в ней соединена,
 На место многих книг быть может та одна.
 А что в ней лучше всех, то знает сам читатель,
 Коль просвещенных он умов есть почитатель.

XI. К Утреннему свету

Подправить предприав испорченные нравы
 И добродетели святы открыть уставы,
 А вкупе бедности призрение подать
 И юность в истине и чести воспитать,
 Собрание мужей и честных и ученых,
 Сколь добродетельных, столь также просвещенных,
 Плоды трудов своих в свет книгу издает,
 Котора Утренний у них зовется свет.
 Правдиво льзя назвать ее для мыслей светом;
 Сей свет единственно и есть ее предметом.

Луи-Филипп СЕГЮР

[1785]

Сегюр Луи-Филипп, граф де (1753, Париж — 1830, там же), французский историк и дипломат, сын военного министра при Людовике XIV. В 1769 г. принял участие в войне за независимость американских колоний, в 1784—1789 гг. был послом при дворе Екатерины II. В 1785 г. в свите императрицы Сегюр стал свидетелем преобразований Вышневолоцкой водной системы, начатых Екатериной II; в 1787 г. в числе посланников других держав принял участие в ее знаменитом «путешествии в полуденный край России» и еще раз посетил Тверскую губернию, оставив в записках краткое замечание: «Мы снова видели хорошенький городок Тверь, Вышний Волочек, Валдай и Новгород Великий...» (Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789) / пер. с франц. СПб., 1865. С. 237). Сегюр отмечает не только преданную любовь подданных к своей государыне, но и значительные изменения в материальной и духовной жизни России, которые стали следствием ее деятельности. При Наполеоне и реставрации Сегюр продолжал активно участвовать в политической жизни и пережил ряд взлетов и падений. Записки Сегюра см.: *Séguir, c-te de. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. Paris, 1826.* Впервые полностью на рус. яз.: Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789) / пер. с франц. СПб., 1865. Текст печатается по изд.: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 362, 364—366. В Приложении приведены стихи тверских поэтов, написанные по поводу прибытия Екатерины II в 1785 г. в Тверскую губернию.

Около этого же времени <в мае 1785 г.> я совершенно неожиданно получил от императрицы знак ее благоволения. Она предложила мне сопутствовать ей в поездке по России, которую она намеревалась совершить для осмотра работ, предпринятых для окончания канала, соединяющего Каспийское море с Балтийским через Ладожское озеро, Волхов, озеро Ильмень, Мсту, Тверцу и Волгу. Ее величество объявила мне, что во время путешествия правила этикета будут изгнаны

и что только немногие лица удостоятся чести следовать за ней. Я поручил Колиньеру¹ заменить меня в совещаниях с министрами и по заведенному порядку отправлять депеши нашему кабинету. До отъезда моего я получил письмо от Верженя,² приятное для меня, потому что он предписывал мне отвечать Потемкину³ о турках, нашей торговле и политике именно в том смысле, в каком я говорил с ним.⁴ Вскоре заметил я в обращении русских министров⁵ со мною некоторую перемену, внушенную им явным благоволением ко мне императрицы. В разговорах со мною они уже стали поговаривать о пользе взаимности между нашими дворами. <...>

Мы трогались с места по утрам, в восемь часов.⁶ Около второго часу останавливались для обеда в городах или селах, где всё уже было приготовлено так, чтобы императрица нашла те же удобства, что в Петербурге. Мы всегда обедали с государыней. В восемь часов пополудни мы останавливались, и вечер императрица по обыкновению проводила в игре и разговорах. Каждое утро, поработав с час, Екатерина, перед отъездом, принимала являвшихся к ней чиновников, помещиков и купцов того места, где останавливалась; она допускала их к руке своей, а женщин целовала и после этого должна была уходить в туалетную, потому что, по общему обыкновению в России, все женщины, даже мещанки и крестьянки, румянились, и по окончании такого приема всё лицо государыни было покрыто белилами и румянами. В каждом городе императрица тотчас по приезде своем отправлялась в местную церковь и молилась.

Через четыре или пять дней мы доехали по дороге, незаметно отлогой, до Вышнего Волочка⁷ — самого возвышенного места на огромном

¹ Де ла Колиньер — временный поверенный в делах Франции в России.

² Ш. Г. де Вержень (1717—1787), граф, министр иностранных дел Франции.

³ Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), князь, фаворит Екатерины II, генерал-фельдмаршал (1784).

⁴ См. об этом: *Сегюр Л.-Ф. де. Письма графа Сегюра к князю Потемкину // Исторический вестник, 1880. Т. 3. № 9. С. 193—198.*

⁵ Президент Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов (1841—1805), член коллегии иностранных дел, вице-канцлер И. А. Остерман (1725—1811), секретарь Екатерины II, дипломат А. А. Безбородко (1747—1799).

⁶ Поездка началась 24 мая (*Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Универ. тип., 1862. С. 34; репринт.: М., 1990.*)

⁷ В Вышнем Волочке путешественники были 29—30 мая (Императрица Екатерина II, цесаревич Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна. Письма, заметки и выписки. 1782—1796. СПб., 1874. Т. 1. С. 12).

М. М. Иванов. Императорская флотилия на реке Мсте. 1785.
Аквагель. ГРМ

пространстве между Северным и Черным морями, не пересекаемом поперечными горами. Здесь, на этом высоком месте, мы видели знаменитые шлюзы, которые сдерживают течение нескольких рек и передают воду в каналы Тверцы и Мсты для сообщения с Каспием по Волге и для сплава к Петербургу произведений юга; этот судоходный путь поддерживает и обогащает целые огромные области. Работы, предпринятые для устройства этих шлюз⁸, могут сделать честь самому искусному инженеру. Между тем они были соображены и исполнены в царствование Петра I простым крестьянином Сердюковым,⁸ который

⁸ Крестьянское происхождение М. И. Сердюкова (1678—1754) является легендой. По современным данным (Чимитдоржиев Ш. Б. Бурят-монгол на службе Петра I. Улан-Удэ, 2008), Бароно Силигинов, сын мастера по производству седел и луков из Монголии, был выкуплен из Енисейского острога И. М. Сердюковым, получил при крещении имя М. И. Сердюкова; позже — российский купец, дворянин (1742), гидротехник, судостроитель. Во время посещения Вышнего Волочка Екатерина II приказала сделать «публичный монумент» «для Сердюкова на Вышневолоцких шлюзах» (Львов Н. А. Письмо к А. Р. Воронцову от 26 июня 1785 г. // Львов. С. 326). Памятник у могилы Сердюкова установлен жителями Вышнего Волочка (1912). Современный

никогда не путешествовал и ничему не учился. Ум часто пробуждается воспитанием, но гений бывает врожденным. Преемники Петра Великого не радели об усовершенствовании этого великого и полезного дела, но императрица деятельно об нем заботилась. Она велела заменить деревянные постройки каменными и провести к каналу несколько новых притоков⁹ и предположила прорыть еще два канала: один — для соединения Каспийского моря с Черным¹⁰ и другой — для соединения Черного с Балтийским через Днепр и Двину.¹¹

На пути нашем мы везде видели осушенные болота, строящиеся селения, города, вновь основанные или обновленные. Повсюду народ, как будто торжествуя свои победы над природою, добываемые без крови и слез, усердно выражал своей повелительнице чувства искренней преданности. Толпы крестьян падали пред нею на колени, вопреки ее запрещению, потом поспешно вставали, подходили к ней и, называя ее матушкою, радушно говорили с нею. Чувство страха в них исчезало, и они видели в ней свою покровительницу и защитницу.¹² После небольшого роздыха мы предполагали проехать по берегу Мсты, чтобы миновать пороги, затрудняющие плавание

памятник Петру I и Сердюкову установлен на Привокзальной пл. (скульптор Ю. Злотя, 2006).

⁹ После смерти М. И. Сердюкова надзор за водной системой был ослаблен, сооружения приходили в упадок. В 1765 г. над содержателем системы учинена государственная опека. В 1768 г. закончилось сооружение Мстинского гидроузла, восемь новых водохранилищ создано в верховьях Мсты и на ее притоках, что позволило увеличить пропуск воды и проводить по реке груженные суда. В 1765–1773 гг. по системе ежегодно проходило в среднем до 3000 судов с грузом до 250 тыс. т. Учитывая значение водных путей, связывающих столицу с внутренними районами страны, правительство в 1773 г. изъяло Вышневолоцкую систему из местного подчинения и передало ее в казну. Ремонт и реконструкция сооружений (каменные шлюзы вместо деревянных), проведенные в 1785–1797 гг., не дали ожидаемого улучшения судоходства.

¹⁰ Маньчжский канал — нереализованный проект соединения Каспийского и Азовского морей; предложен в 1757 г. французским ученым Ж. Бюффеном и поддержан в 1776 г. П. С. Палласом, который произвел экспедиционное обследование района.

¹¹ Ср. путь «из варяг в греки». Соединение Западной Двины и Днепра посредством Березины началось в 1797 г. при Павле I. К 1805 г. Березинская система была построена, в 1843 г. реконструирована, но ожидаемого развития судоходства не принесла.

¹² Ср.: Ода на прибытие ея императорского величества в Тверь; Ода на пришествие ея императорского величества в Вышний Волочек (Приложение).

по этой реке до самых Боровичей, где мы должны были сесть на суда. Но Екатерина подготовила нам неожиданную перемену: не предупредив никого и не дав никаких предварительных приказаний, она изменила путь наш¹³ и поехала на Москву.¹⁴ Тамошний губернатор¹⁵ узнал об этом только за несколько часов до нашего прибытия.

...Мы пробыли в ней только три дня. <...> После этого мы снова отправились до Боровичей через Тверь, Торжок¹⁶ и Вышний

¹³ Ср. письмо Н. А. Львова к А. Р. Воронцову от 26 июня 1785 г.: «...донесу вашему сиятельству остаток путешествия двора из Вышнего Волочка. Я думаю, вам неизвестно, что государыня нечаянно вздумала ехать в Москву по вызову графа Брюса <Я. А. Брюс (1742–1791), генерал-аншеф, московский главнокомандующий (1781–1786)>, куда на другой же день по взятии намерения и отправилась» (Львов. С. 326).

¹⁴ Дальнейший маршрут описан в письме Екатерины II к цесаревичу Павлу Петровичу и его супруге из Торжка 31 мая 1785 г.: «Я получила письма ваши, любезные дети, от 28-го мая вчера при выезде из Вышнего Волочка, куда? Как видите: письмо помечено из Новоторжка. Все маленькие города, лежащие на дороге, до того похорошели, что так и хочется переезжать из одного в другой. Теперь я в 70-ти верстах от Твери — города, всегда нравившегося мне более других; отсюда я, может быть, направлю путь свой к Петровскому дворцу, а затем чрез Москву ко дворцу Коломенскому... <...> ...будущий вторник я опять буду на дороге в Вышний Волочек, откуда путь свой до Петербурга буду продолжать согласно маршруту, составленному еще до моего отъезда. Путешествие доставляет мне удовольствие, и я совершенно здорова» (Императрица Екатерина II, цесаревич Павел Петрович... С. 12–13). В Твери Екатерина II со свитой остановилась в Путевом дворце, посетила Спасо-Преображенский собор и встречалась с горожанами: «...было шествие ее императорского величества государыни Екатерины Алексеевны; <...> сюда прибыла с полудня в 3 часу и изволила ночевать. Июня 1 дня изволила быть в соборе и слушать литургию. Преосвященного Иоасафа пожаловала архиепископом. По возвращении из собора во дворец пожаловала гражданам Гостиный двор на общество в вечное наследие. Выехала часу в 12 сего дня.

Июня 2 прибыли сюда благоверные князя Александр Павлович и Константин Павлович часу в 5 с полудня и ночевали здесь 3 дня, изволили ездить в дворянское училище и гражданское и отель по береговой во дворец кушать, часу в 5 с полудня изволили ехать в вокзал и, там немного погуляв, изволили отправиться в путь» (Колосов В. И. Летопись о событиях в г.Твери тверского купца Михаила Тюльпина 1762–1823 гг. Тверь: ТУАК, 1902. С. 12).

¹⁵ Лопухин Петр Васильевич (1753–1827), гражданский губернатор Москвы (1783–1793).

¹⁶ В Торжке Сегюр присутствовал при закладке Екатериной II нового Борисоглебского собора в Борисоглебском монастыре по проекту Н. А. Львова, который описал это событие в письме к А. Р. Воронцову от 26 июня 1785 г.: «На возвратном пути изволила государыня закладывать в Торжке соборную

Волочек. Императрица, желая ознаменовать свое краткое пребывание в Москве благодеянием, увеличила городской доход и дала еще значительную сумму для учреждения больницы в здании, где прежде, при Анне и Елизавете,¹⁷ помещалась тайная канцелярия. В Твери она также оставила память по себе своими пожертвованиями. Тверь очень красивый город. При взгляде на толпу горожанок и крестьянок в их кичках с бусами, в их длинных, белых фатах, обшитых галунами, богатых поясах, золотых кольцах и серьгах¹⁸ можно было вообразить себе, что находишься на каком-нибудь древнем азиатском празднестве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НА ПРИБЫТИЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК и в ТВЕРЬ 1785¹⁹

СТИХИ НА ПРИШЕСТВИЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

Как солнце, восходя на вышний горизонт,
Бросает светлый луч в поля, леса и понт;
Так ты, монархиня, приняв с небес державу,
Свою единственно в том полагаешь славу,
Чтоб счастлив был тебе поверенный народ,
Чтоб жизнь твоя была течением щедрот,
Чтоб райский на себе Россия вид имела
И слава звучная во всех концах гремела,
Что Вышний учредил иметь тем век златой,
Которым положил быть правимым тобой;

мою церковь и тут при закладке удостоила меня своим разговором несколько слов» (Львов. С. 326).

¹⁷ Анна Иоанновна (1693—1740), российская императрица (1730); Елизавета Петровна (1709—1761/1762), российская императрица (1741).

¹⁸ Ср. описание тверского женского костюма у Глушкова и Солнцева.

¹⁹ Разные сочинения Тверских семинарии на прибытие ее императорского величества в Вышний Волочек и в Тверь 1785 года. М., 1785. С. 3—6, 9—22. Текст печатается по изд.: *Стихи тверских поэтов*. С. 183—195.

Что сам Господь твою десницу обращает
И миром и войной Россию возвышает —
Сии суть действия души твоей доброт!
Благослови же твой, монархиня, приход!
С коликой радостью туда все поспешают,
Где матерних твоих очей лучи сияют!
Сие одно у всех и в сердце и в устах:
Гряди, прещедра мать, виновница всех благ!
Гряди, краса корон, российская Паллада!
Блаженство наше ты, утеха и отрада.
Да сохранит тебя Владыка горних мест,
И дни твои сравнит с числом небесных звезд.

* * *

Открылось сладкое блаженство,
Открылось ныне всей стране;
Она вкушает благоденство,
Ликуя в общей тишине.

Но в ком, богиня! созерцаем
Толикой радости предмет?
В тебе, о мать! мы ощущаем
Златую участь наших лет.

Возри на укрестны селенья:
Какие плески издают?
Там все тебе от восхищенья
Согласну с нами песнь поют:

Живи, о мудрая богиня!
Живи до позднейших родов,
Пребудь надеждою едина,
И нас и всех твоих сынов.

* * *

Уже надежда совершилась
Твоя, обрадованный град!
Уже монархиня явилась
Во множестве тебе отрад.
И лзя ль сию часть года,
Часть твоего народа
Блаженной не почеть?

Приятно в Север возвращенье
 Весенних от полдней красот:
 Но нам не вяще ль утешенье,
 Что совокупность зрим доброт
 В российской героине,
 Вещающей мир ныне
 Глаголом уст своих.

Возникнут поздние потомки
 И, где ни будут обитать,
 Дела ее услышав громки,
 В восторге будут возглашать:
 Блаженны земнородны,
 Что век сей превосходный
 В ее дни провели.

Так нас превознесла богиня,
 Благоволив себя явить,
 Что свет, а не страна едина
 Желали б ревностно вместить;
 Так за сие пред нею
 И мы своей душою
 Вещаем обще все:

Красны блистающего Феба
 Зефиром прохлажденны дни.
 Невозмущенна ясность неба,
 И все приятности весны
 Пред нею да играют,
 Ей путь да услаждают
 И снидут с ней в чертог.

НА ПРИБЫТИЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА В ТВЕРЬ

Ода

Катится дневная планета,
 Оставя дальность южных вод,
 К пределам северного света,
 Согреть чтоб движущихся род;
 А с ней и ты, светило наше!
 Планеты всякой всходишь краше

Над счастливою сей страной.
Возможно ли ж, чтоб верна ревность
И ревностная наша верность
Не возыграла пред тобой?

О музы! коих стройность гласа
Крепит и робкие уста,
Прострите взор свой от Парнаса
На радостны сии места!
И ту, о коей разговоры,
К которой всех стремятся взоры,
Воспойте — обще с нами — мать;
Да и пред нашей лепотою,
И перед нашей простотою
Ее предвидеть — благодать!

Уже по всей было вселенной
Разнесся вожделенный слух,
Что зрак богини несравненной
На радость озарит и Юг,
Где, предков шествуя стопами,
Над агарянскими толпами
Российский род торжествовал
И где к ней из-за гор высоких
От черноморских вод глубоких
Народ спасенный возглашал:

О, сильная императрица,
Залог возлюбленный небес,
Россиан светлая денница,
Вина веселых наших слез!
Когда твои пресветлы очи
Проникнут к нам, что, как средь ночи,
Блистанья их всечасно ждем,
Когда днепровские стремнины,
Круты кавказские вершины
Желанным ты осветишь днем?!

Так героине к нашей взоры
Народ полденный простирал;
Так чрез долины, реки, горы
Принять ее к себе желал;
Но небо не в его пределы —
Во грады северны веселы

Судило счастье то послать;
Меж коими, о Тверь, ты ныне,
Чего ее по благостыне
Не удостоилась принять!

Достойно круг сих дней блаженным
Пред прочими тебе почесть,
А паче пением священным
Монархиню в сей час вознестъ.
С весной к тебе она вступает,
И с миром внутрь предпочивает.
Но в светлости ее очей
Самой весны мы нечто тише,
Самого мира нечто выше
Объемлем взором и душой.

Что в том, что удаленна древность
Царей превознесла своих?
Что в том, что стихотворцев ревность
Прославила деянья их?
Там с луком сердце напряженным,
С железом очи изощренным
У многих зрелись равны быть;
Там с горестью, лишась свободы,
Заклепанны от них народы
Не преставают слезы лить.

Когда велит закон, святыня
Хвалами возносить царей,
То наша паче героиня
Достойна песней, олтарей,
Что к нам свое благоволенье,
Свое об нас что попеченье
Предметом ставит простирать
И, как орел, среди державы
Не для своей, для нашей славы
Соизволяет пролетать.

Еще и ныне незабвенны
Хвалебны гласы в тех местах,
Где зрели россы восхищенны
Небесный свет в ее очах;
Еще и ныне восклицают,
Когда то счастье вспоминают,

Москва, Сармация, Казань,
Которых Тверь усердью внемля
И вновь тот взором свет объемля,
Сию ей песнь приносит в дань.

Колькратно путь ни совершала
Ты, радость россов и покров;
Колькратно взор ни простирала
К начальному из всех градов;
Всегда тебя в себе я зрела,
Всегда к тебе благоговела;
И ныне что? не та ли ж часть
Твоею мне дана щедротой?
Не пред монаршей ли добротой
Должна я раболепно пасть?

Велика слава, честь подданству
И радость искренним рабам,
Где тако их жилищ пространству
Присущ властитель будет сам;
Не меньше ж, где и прозорливость,
Защиту, мужество, правдивость,
Своим законом водворит,
Подобно, как и ты, Паллада,
К которой самая Эллада
Огнем усердия горит.

Не удаленными ли зрятя
От наших все те грады стран,
Где реки Лена, Обь крутятся,
Где льдом покрытый океан
Твоих Колумбов ожидает?
Но райский род и там вкушает
Плоды твоих святейших прав,
И там уже живет Астрея,
Что возвратилась с Эмпирея,
Твои намеренья познав.

Коль многи и еще селенья
Не видят твоего венца,
Где всех, однак, благоговенья
Исполнены к тебе сердца!
Возри, они нелицемерный,
Возри, они тебе свой верный

Произнести стремятся глас:
 Да век твой, всех краса и диво,
 Течет, не прменясь, счастливо, —
 Чего и просят всякий час.

Сим самым гласом занимаясь,
 Проводят россы всякий день.
 И как Петрополь, одеваясь
 В грядущую ночную тень,
 Вечернею гремит мольбою, —
 Камчатка, видя пред собою
 Румяный из-за моря свет,
 Завтра ко всеведцу Богу, —
 Тебе да послет милость многу, —
 В молении своем зовет.

Что ж толь великое блаженство
 В себе вместивший ныне град, —
 Не самый ль верх и совершенство
 Небесных ты узрел отрад?
 Не райских ли красот чудесных,
 Очам и разуму невместных,
 Сподобила тебя судьба?
 Не о тебе ль чрез горы, воды
 Провозгласит в грядущи роды
 Хвалебная отсель труба!

Яви, о град благословенный!
 Веселья твой пред всеми взор!
 Представь тобою соглашенный
 Усердных матери лиц хор!
 А с ним и ваши песни новы,
 Да будут музы ей готовы!
 О! Утешенье нас, сынов!
 Цвети, приятности вкушая,
 Бессмертной славою сияя,
 Цвети на множество веков!

КАНТАТА

Не утрення заря восходит,
 Не Феб, светил царь, день проводит,
 Но сей владычица страны
 Краснейший зрак самой весны
 Явила русским днесь сынам.

О, музы! арфы вспомните,
Богиню пением почитите:
Зефира тише дух ея,
Зрак лучше самого рая, —
Ее воспеть достоин вам.

В ней щедр зрим Веспасиана;
И, как из вечна океана
Обилье истекает вод, —
В ней более мы зрим красот,
Се ангел выше человек!

Да процветет Екатерина,
России Феб, утех причина!
Все музы глас сей возвышать,
Все музы тшятся повторять:
Цвети, как крин, мать россов ввек!

НА ПРИШЕСТВИЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

Ода

Какая слава озаряет
Пределы сих счастливых мест
И тем их жребий поставляет
На высоте блестящих звезд?
Какая красота небесна,
Уму и взору несовместна,
Сию объемлет днесь страну,
От ризы коея багряной
Свет всюду сыплется румяной
И предваряет тем весну?

Не Феб ли долу преклонился
От горней ныне высоты?
Не он ли паки zde явился,
Дабы умножить красоты,
Приятного предмета лета
Скорей коль можно нам открыть
И средь селений сих блаженных,
Сих мест среди благословенных
Блаженством очи удивить?

Толикой радости причина
И толь бесчисленных отрад,
Преждедра мать Екатерина,
Со славой что в сей входит град,
Подобна чистой голубице,
Парящей в высоту орлице,
Которья божествен зрак
Толико вход являет мирный,
Колико тихо луч эфирный
Собою пронизает мрак.

Что ж? Где она себя являет
В таком величестве своем,
Не рай ли тамо представляет
Божественным она лицом,
До коего текут народы,
Подобно как до моря воды
Стремятся сильно с быстрых гор,
В долины и луга излившись,
Пространных меж берегов излившись,
И смертных тем пленяют взор?

Смотря на утренний дом Феба,
Поют сию, я слышу, мать,
Смотря к пределам тихим неба,
Где он обык лучи скрывать.
Дивятся, слышу, все добротам,
Божественным ее щедротам,
И величать ее спешат
Моря, долины, грады, села,
И вне российского предела
Народы многие гласят,

Что царство россия царицы
Блаженнее всех прочих стран,
Что скипетр сей императрицы
Блаженства только зиждет храм,
Внутри премудро назирает,
Отвне пределы расширяет,
Прияв премудрость от Творца,
Вселенну ею удивляет
И так любовью пленяет
Всех подданных к себе сердца!

Она есть древо то высоко,
Что ветвьми покрывает всех,
И то российско светло око,
Зарит всегда что луч утех,
Плодом своим обогащая,
Лучом щедрот все позлащая,
Блаженство общее творит,
Ее во дни что процветает
И света что затмить не знает,
Как ясно сам то всякой зрит.

Толико мудрая Паллада,
Виновница всеобщих благ,
Грядет в пределы она града,
Тверцы что создан при брегах,
Чтоб зреть места, где Петр Великий,
Монарх отечества толикий,
Судам свободный сделал ход;
Где, воды съединив с водами
И оны заключив вратами,
Доселе пользуется народ.

Но та ли только есть причина
В сей град прибытия ея?
И только ли узреть богиня
Желает средь страны сея
Труды великого героя,
Подъятые для всех покоя,
Что был отечества отец,
Великий именем, делами...
Нельзя изобразить словами,
Коль был велик он, наконец.

Сия богиня, уважая
Его монаршески дела,
Во всяко время ублажая,
Их к совершенству привела.
И се! Что прежде обветшало,
Днесь в большей славе возблистало
В златой Екатерины век,
Отменна коея премудрость
Препобеждает всяку трудность,
И выше всех есть человек.

Враги Петра все трепетали,
Им страшен был геройский взор,
Его руки от крепкой пали
Премногие. Приняв позор,
От сильной равно пав десницы
Великой сей императрицы
Тогда, как росс был раздражен:
Исмаил, робкий и пугливый,
Что кажет вид теперь стыдливый,
Как громом сильным поражен.

Отсель все укрестны народы,
Смотря на росску сильну власть,
Пространные моря и воды
Блажат ее повсюду часть.
Трепещущи свои зеницы
Вознесть не смеют на границы,
Хотя завистный кроют яд
Враги российския державы,
Но больше умножают славы,
С собой обносят целый ад.

Но чем земных царей превыше
Царица росския страны?
И что находим в ней мы лише?
Иль чем россияне славны?
Что мир войне предпочитает,
Не тем ли паче превышает?
На восток и запад, север, юг
Владычество ее простерлось,
Блаженство всюду так отверзлось,
Вселенной удивляя круг.

Таки таланты превосходят
И самый просвещенный ум,
И только множество наводят
Сладчайших разных оных дум,
Что в радостный восторг пленяя
И сладость в сладость пременяя,
Велят рещи одно сие:
Стократ блаженна есть Россия,
Что дни ее текут золотые,
Собой она объемлет все.

Но не из всех ли вознесена
Страна Тверская зрится быть,
Своим что счастьем удивленна?
Да тщится ныне изъяснить,
Вещая то, что благоденство,
Златое ей дано блаженство
В текущий счастливо сей год;
Сей год пред всеми временами
Прославлен будет днесь родами
Отныне равно в род и род.

Вступив монархия в пределы
Счастливыя страны сея,
Подвигла к плескам грады, селы
Души добротой своя.
Помона путь тот украшает,
И Флора также поспешает
Цвѣтами оный устилать,
Приятым пением там птицы
При входе росской сей денницы
Пресладко тщатся воспевать.

И вы, о музы, соберитесь
В блаженнейший сей день и час,
На верх Парнаса вознеситесь,
Оттоль издайте громкий глас.
Возьмите в руки стройну лиру,
Блаженство возвестите миру
При сретенье богини сей,
Преславна коя есть делами,
Славнее зрится между нами,
То дайте знать вселенной всей.

Струи свои, Тверца, удвоить
Отныне в Волгу поспеши,
Чтоб радости моря исполнить;
Живущим близ тебя внуши
Счастливый жребий твой блаженный
И зрак в тебе изображенный
Лица монархини и дел,
Струи твои что сделал млечны
И воды ясны быстротечны,
В морях Нептун чтоб ясно зрел.

Наяды чистые, играйте
По берегу сих веселых рек,
И, нимфы, с нами воспевайте
Счастливыи жребий сей вовек,
Что всех нас общая богиня
И толь премудра и роиня
Питает, греет и живит.
Ее присутствием священным
Нельзя не быть нам восхищенным —
То долг, подданство то велит.

В восторге радости толикой
Что ж в дар мы ныне принесем?
Прещедрой матери великой
Сердца и гласы вознесем:
Да Бог от высоты святя
Ее украсит дни драгие,
До позднейших времен и лет
Для пользы россов благоденства
И будущи родов блаженства
Монархиню сию блюдет.

СЕБАСТЬЁН-ФРАНСИСКО ДЕ МИРАНДА

[1787]

Миранда Себастьян-Франсиско де (1750, Каракас — 1816, Кадис), руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке, национальный герой Венесуэлы, участник Великой французской революции. Выходец из богатой креольской семьи, учился в университете Каракаса, служил в испанской армии. Намереваясь использовать в национально-освободительной борьбе с Испанией поддержку европейских государств, с 1785 г. предпринял дипломатические поездки по столицам Европы. В 1786—1787 гг. посетил Россию; высадившись в Херсоне, посетил Крым, Кременчуг, Киев, Москву, Петербург, города Тверского края. Добившись от русского правительства денежных субсидий и дипломатической поддержки, вернулся в Америку, возглавил борьбу за независимость Венесуэлы, умер в испанской тюрьме. Дневник путешествия опубликован: *Miranda Francisco de. Diario de Moscú y San Petersburgo. Caracas, 1993.* Текст печатается по изд.: *Миранда Фр. Путешествие по Российской империи. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. С. 212—215.*

По пути в ПЕТЕРБУРГ

Было уже четыре часа, когда я выехал, и тройка лошадей резво помчала меня по прекрасной дороге, по обе стороны которой открывались живописнейшие виды, до селения под названием Черная Грязь,¹ что в 28 верстах от Москвы. Потом по такой же дороге, изобиловавшей красивыми пейзажами, проехали на трех лошадях еще 23 версты и добрались до поселка Пешки,² чьи дома напоми-

¹ От д. Черная Грязь Верейского у. Московской губ. начиналось путешествие из Москвы в Петербург; со строительством Петербургского шоссе здесь был построен путевой дворец и открыта почтовая станция для обслуживания населения (1776).

² Д. Пешки Московского у. Московской губ.; позднее почтовая станция перенесена в Подсолнечное.

нают голландские деревни и заметно, что здешние обитатели живут в лучших условиях, нежели прочие, кого мне до сих пор приходилось наблюдать в других селениях. Затем, еще через 31 версту, также на тройке, по хорошей дороге прибыли в город Клин, а оттуда, проделав путь в 26 верст — снова на трех лошадях, — в Завидово. Форейторы показывают себя с лучшей стороны и пока не вызывают никаких нареканий.

10 июня. Следуя довольно приличным трактом, миновали места, заселенные достаточно равномерно, ибо деревни встречаются здесь почти через одинаковые промежутки; оставив позади 16 верст, на четверке лошадей добрались до Городни, а затем, по такой же дороге с похожим пейзажем, уже на шестерке лошадей, приехали в город Тверь, расположенный 28 верстами далее, но я всякий раз плачу только за тройку.

Этот город производит лучшее впечатление, нежели предыдущие, и выделяется множеством добротных каменных домов. Уверяют, будто его население достигает 10 тысяч душ.³ Шел сильный дождь, и было довольно холодно, когда я вошел на постоялый двор, очень уютный и чистый. Дорожки посыпаны песком, как в Голландии, а в комнатах развешены пучки ароматических трав. Мне тотчас подали чай и хлеб с маслом, всего за 30 копеек, и я продолжил свой путь по главным улицам города, довольно широким и прямым, словно они проведены по линейке; некоторые из них мощеные. Дома тоже производят хорошее впечатление.

Выехали на берег Волги, которая протекает в этих местах. Берег высокий, и построенные на нем дома выглядят прекрасно. Есть мост, сооруженный на двенадцати плотках, но мы не могли им воспользоваться, так как он возведен для императрицы, а посему спустились к другому, гораздо худшему,⁴ и насилу переправились на другой берег. Шел дождь, и настил был дьявольски скользким. Эта знаменитая река, величайшая в Европе, достигает здесь ширины примерно 50 туазов.⁵ Я попробовал воду из нее, которая показалась мне очень хорошей, и на четверке лошадей продолжил свое путешествие по песчаной дороге до селения Медное, расположенного в 30 верстах. Видел там красивую каменную церковь.⁶ Следуя дальше по той же дороге — опять же

³ В 1787 г. население Твери составляло около 15 000 человек.

⁴ Новый наплавной мост был устроен в 1780 г. рядом со старым, точно по оси заволжской Воскресенской церкви.

⁵ Туаз, француз. сажень = 1949 м.

⁶ Церковь Казанской иконы Божией Матери (1764).

на четырех лошадях, мы проехали еще 33 версты и прибыли в город Торжок, где я решил сделать остановку, потому что шел дождь.

На постоялом дворе, вполне приличном и очень чистом, мне подали чай, тотчас растопили печку, и я расположился за столом со своими припасами. Поскольку дождь не прекращался и бедняга Алексей никак не был от него защищен в пути, а еще по той причине, что мне приглянулась девица, которая там прислуживала, я решил остаться на ночь... Девица показала мне комнату с очень удобной кроватью, что нечасто встречается в этой стране, и посулила прийти и провести со мною ночь. Она была хороша собой и чрезвычайно ласкова. Я лег в постель, и девушка вскоре явилась. Но, обнаружив в комнате моего слугу Алексея, который не успел уйти, бедняжка сделала вид, будто пришла погасить огонь, и тут же ретировалась. После этого, похоже, хозяйка ее заперла, а я поднялся в три часа утра, велел запрячь лошадей и уехал. Перед этим поискал девицу, но вышедшая ко мне женщина сказала, что та спит и не может сейчас выйти. Мне захотелось оставить ей что-нибудь в подарок — ведь если бы она пришла немного попозже, мы провели бы ночь вместе, но потом я усомнился, не причиню ли тем самым вреда бедняжке... В конце концов заплатил свои два рубля за постель, дрова и чай и в половине четвертого отправился в путь.

11 июня. Проехав некоторое расстояние, заметил, что пейзаж начинает меняться: появились холмы и овраги, стали попадаться дома, сложенные из более толстых бревен; когда древесина свежая, она имеет красивый желтоватый цвет. Справился у моего слуги и «извозчика» (svoschik), сколько стоит такой дом, который можно купить в разобранном виде при въезде в любую деревню, и они сказали, что обычная цена — всего лишь от 20 до 24 рублей. На четверке прекрасных лошадей въехал в Выдропуск, что находится в 38 верстах от того места, где я ночевал, хотя с тех пор мы проезжали и другие селения, которые попадают здесь весьма часто.

Затем, по такой же дороге и похожей местности, на четверке лошадей проскакали еще 33 версты до города Вышний Волочек, известного каналом, соединяющим Тверцу и Мсту, две небольшие речки, первая из которых впадает в Волгу, а вторая в Ладожское озеро,⁷ и так образуется водный путь, связывающий Каспийское море с Балтийским.⁸ Здесь на почтовом дворе меня провели в хорошую комнату, подали чай за 25 копеек, а потом, пока готовили лошадей, я прогулялся

⁷ Ошибка Миранды; р. Мста впадает в оз. Ильмень.

⁸ О Вышневолоцкой водной системе см. прим. к тексту Сегюра.

вдоль канала до шлюзов. Коней прислали за мною на берег канала, к шлюзам, рядом с которыми проходит дорога. Я не спеша осмотрел шлюзы, весьма искусно построенные, и сам канал, поддерживаемый в исправном состоянии. Длиною он будет с версту или чуть поболее. План, который приводит господин Кокс,⁹ мне кажется точным. Сам город имеет приятный вид, хотя дома здесь деревянные; благотворное воздействие торговли и ремесел весьма заметно.

Поехали дальше. Вскоре переправились через реку Шлину, и тотчас показался большой монастырь,¹⁰ у ворот которого, под иконой, стоит кружка для пожертвований. Мой русский форейтор спешился, трижды перекрестился и бросил туда свое подаяние. В настоящее время милостыня — главный источник существования здешних монахов. Дорога проходит тут по топким местам и потому везде вымощена бревнами, как водится у русских, и это сущий ад для путешественника, вынужденного трястись в своей карете или кибитке... так что, когда я на четверке лошадей прибыл в Хотилово, преодолев 36 верст, всё тело болело, словно после порки. Почти перед самым въездом видел несколько столбов, обозначающих, должно быть, границу провинции.¹¹

⁹ См. раздел о Коксе.

¹⁰ Городолюбский Горно-Язерский (Озерский) Спасо-Преображенский монастырь основан в XII в. (по другой версии — после 1495/1496), действовал до 1764 г., впоследствии был приписан к новгородскому Хутынскому монастырю, не сохранился.

¹¹ Пограничный столб между Тверской и Новгородской губ. поставлен по указу Екатерины II о новом административном делении России и установлении внутренних границ (1777). Он представлял собой двусторонний знак с бронзовыми изображениями: с новгородской стороны герб губернии, а с тверской — два козла, опирающиеся на предмет, похожий на ступу или кубок. Разрушен в 1970-е гг.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ХРАПОВИЦКИЙ

[1787]

Храповицкий Александр Васильевич (1749, Петербург — 1800/1801, там же), государственный деятель, сенатор, писатель. Учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, с 1766 г. на военной службе, с 1772 г. генерал-аудитор-лейтенант в штате фельдмаршала К. Г. Разумовского. Перешел на службу в Сенат, с 1781 г. управляющий экспедицией о государственных доходах и расходах. В 1783—1793 гг. статс-секретарь Екатерины II, редактор ее сочинений и переводов. Участвовал в путешествии императрицы на Вышневолоцкие шлюзы 1785 г., о чем в дневнике упомянул общо: «24 мая. Поход в Боровичи и Москву. 19 июня. Возвращение в С.-Петербург» (Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Универ. тип., 1862. С. 34; репринт.: М., 1990). Во время путешествия Екатерины II в Крым 1787 г. вел ежедневный журнал, фиксируя маршрут, имена участников и основные события. Целью путешествия было обозрение материальных и духовных ресурсов Российской империи. Обратный путь в Петербург прошел через Тверскую губернию: Тверь — Торжок — Вышний Волочек. Екатерину II сопровождали высшие сановники империи, иностранные посланники и царственные особы. На границе каждой губернии кортеж встречали и провожали до границы следующей губернии губернатор и чиновники. На каждой станции царский поезд ожидало от 500 до 600 свежих лошадей. Для участников путешествия был издан путеводитель-дневник «Путешествие ее императорского величества в полуденный край России» (СПб., 1786), на каждом развороте которого была чистая страница, где они должны были записывать свои наблюдения. Тверские страницы журнала Храповицкого вместе с материалами «Путешествия...» позволяют реконструировать образ Тверского края конца XVIII в. Записи о встрече императрицы первыми лицами Тверской губернии и торжествах по случаю ее пребывания в Твери, Торжке и Вышнем Волочке, подробны и документально точны. Текст печатается по изд.: Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни

императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М.: Универ. тип. у Н. Новикова, 1787. С. 129–135. В Приложении представлены тверские фрагменты путеводителя «Путешествие ее императорского величества в полуденный край России» и стихи тверских поэтов, написанные по поводу прибытия Екатерины II в 1787 г. в Тверь.

Июля 5. <...> В 8 верстах от Завидова, при реке Шоше, разделяющей губернию Московскую и наместничество Тверское, получил отпуск московский губернатор генерал-майор Лопухин¹ и встретили всемилостивейшую государыню правящий должность генерал-губернатора новгородского и тверского, генерал-поручик Архаров,² правитель Тверского наместничества генерал-майор Осипов³ и губернский предводитель дворянства бригадир Карабанов⁴ с уездными предводителями и тверскими дворянами.

При приближении к губернскому городу начался при церквях колокольный звон и пальба из пушек, на валу поставленных;⁵ у ворот Триумфальных⁶ стояли присутствующие губернского и городского магистрата, городской глава с купечеством и цеховые по сторонам

¹ Лопухин Петр Васильевич (1753–1827), московский гражданский губернатор (1783–1793).

² Архаров Николай Петрович (1740–1814), генерал-губернатор Новгородского и Тверского наместничеств (1784–1796).

³ Осипов Григорий Михайлович (1739–1799/1800), правитель Тверского наместничества (1784–1794).

⁴ Карабанов Федор Леонтьевич (1738–1813), тверской губернский предводитель дворянства (1785–1794/1795).

⁵ Остатки крепостного вала от Волги до Тьмаки.

⁶ Триумфальные ворота были построены на Почтовой (Полуциркульной) пл. весной 1787 г. на деньги купцов и мещан Твери и губернии (7 504 р.) по инициативе Н. П. Архарова в честь Екатерины II. Деревянная трехпролетная двухъярусная арка была украшена колоннами и пилястрами, расписанными под мрамор крепостными живописцами М. Казаковым и И. Сержанцевым, живописными изображениями мифологических персонажей и имитацией гипсовых барельефов и увенчана изображением герба Твери; над аркой с обеих сторон были помещены четыре фигуры в виде Славы с трубами (Колосов В. И. Прошлое и настоящее г. Твери. С. 45–46). Разобраны в марте 1797 г. в связи с предстоящим проездом через Тверь Павла I. Часть декора ворот — полотно аллегорического содержания — находится в собрании ТОКГ (Горбунова А. Триумфальные ворота в Твери // Тверская жизнь. URL: <http://www.tverlife.ru/news/20538.html>).

дороги с значками их управ;⁷ у дома, училищами занимаемого,⁸ были дворянские питомцы и ученики народного училища при их учителях.⁹

Пред собором Преображения Господня¹⁰ вышли на встречу вице-губернатор статский советник Лазарев,¹¹ все чиновники правления, палат и прочих судов. Тут преосвященный Иоасаф, архиепископ Тверской и Кашинский,¹² препроводя ее величество в церковь и отправя молебствие, говорил речь с изъяснением истинной приверженности подданных к монархии, ознаменовавшей великими делами двадцатипятилетнее царствование свое.¹³

Июля 6. Ее императорское величество все милостивейшее пожаловать изволила кавалерами ордена Святого Владимира:¹⁴ третьей степени — действительного статского советника и Московского университета директора Павла Фонвизина;¹⁵ бригадира и московского обер-полицеймейстера Федора Толя;¹⁶ четвертой степени — Московской губернии верхнего земского суда председателя бригадира Данила Волчкова; верхнего надворного суда председателя статского

⁷ Цеховая управа — орган ремесленного сословия, созданный Городовым положением 1785 г. Цеховое управление находилось в ведении магистрата, во главе цехов стояли старшины, выбранные из мастеров; каждый цех имел свои знамена. Значки хранятся в ТОКГ.

⁸ Здание дворянского училища (1778) находилось на ул. Новоторжской; не сохранилось.

⁹ См. прим. к тексту Кокса.

¹⁰ Тверской кафедральный Спасо-Преображенский собор основан в 1285 г., новое здание выстроено в 1689–1696 гг., трехъярусная колокольня воздвигнута в 1748–1755 гг. Не сохранились.

¹¹ Лазарев Петр Гаврилович (1743–1800), вице-губернатор Тверского наместничества (1782–1787).

¹² Иоасаф (Заболотский, 1744–1788), архиепископ Тверской и Кашинский (1783–1788).

¹³ Ср. стихи тверских поэтов в Приложении.

¹⁴ Орден Св. Равноапостольного князя Владимира учрежден в 1782 г. для военных в чине от подполковника и чиновников: 3-я степень — не ниже пятого класса (статский советник, бригадир, капитан-командор), 4-я степень — не ниже седьмого класса (надворный советник, подполковник, капитан второго ранга). В 1787 г. 4-ю степень стали давать и за 35-летнюю беспорочную службу.

¹⁵ Фонвизин Павел Иванович (1746–1803), директор Московского университета (1784–1796).

¹⁶ Толь Федор Николаевич фон, московский обер-полицеймейстер (1785–1790).

советника Ивана Литвинова; коллежских советников: московского полицмейстера Петра Годейна;¹⁷ палаты гражданского суда советника Николая Кочетова; губернского стряпчего Михайлу Колычева; частного пристава Михайлу Митькова; надворных советников: директора экономии Василья Карачинского; приказа общественного призрения дворянских заседателей Петра Бахметева и Александра Курбатова; дворянского секретаря Михайлу Ерапкина; московского почтамта члена Ивана Пестеля;¹⁸ губернского магистрата председателя Алексея Зверева; находящегося при главнокомандующем в Москве Ивана Барнашова и при разных строениях секунд-майора Антона Герарда;¹⁹ причем угодно было ее величеству предписать главнокомандующему в Москве,²⁰ дабы подчиненным и всему благородному обществу Московской губернии объявил монаршее к усердию их благоволение.

В сей день во время выхода ее величества из внутренних покоев предстал преосвященный Иоасаф, архиепископ Тверской и Кашинский, и в речи, им говореной, изъявил, сколь утешительно видеть монархиню, возвратившуюся от дальнейших стран ее путешествия.²¹ Потом губернский предводитель дворянства бригадир Карабанов приносил поздравление с благополучным прибытием, и жалованы к руке чины наместничества, уездные предводители, дворяне и городской глава с знатнейшим купечеством.²²

При обеденном столе все милостивейшей государыни оставлен был преосвященный и чиновники первых 6 классов.

Полудни в 2 часу ее величество благоволила выехать из губернского города Твери и, продолжая путь через Медное 30 <верст>, иметь ночлег в городе Торжке, 33 версты. Тут на городской земле встретил предводитель Новоторжского уезда с дворянством и городничий с конвоем; при въезде в Торжок стояли члены городского ма-

¹⁷ Годейн Петр Федорович, московский полицмейстер.

¹⁸ Пестель Иван Борисович (1765–1843), чиновник московского почтамта, отец декабриста П. И. Пестеля.

¹⁹ Герард Антон Иванович (?–1830), московский архитектор и инженер.

²⁰ Еропкин Петр Дмитриевич (1724–1805), главнокомандующий Москвы (1786–1790).

²¹ См.: Разные поучения и речи, сказыванныя на пришествие ...государыни Екатерины Вторыя в 1787 год.

²² В Твери существовали купеческие династии Аваевых, Арефьевых, Волковых, Кармановых и др. (Традиции династий Верхневолжья / науч. ред. Н. В. Середа. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004).

гистрата с первостатейным купечеством; у церкви святого Василия Великого²³ выходил с крестами Новоторжского Борисоглебского монастыря архимандрит Макарий,²⁴ и при доме, для ее величества изготовленном,²⁵ ожидали высочайшего прибытия присутствующие судебных мест. <...>

Июля 7. В 9 часов утра ее императорское величество изволила выступить из города Торжка и, проехав 38 верст, прибыть в Выдропуск к обеденному столу, а оттуда чрез 33 версты в уездный город Вышний Волочек для ночлега.²⁶

Пред городом встретили всемилостивейшую государыню городничий и вышневолоцкий уездный предводитель с дворянством, потом присутствующие судебных мест, купечество, мещанство и ремесленные, стоявшие при управных значках по сторонам улицы.

Июля 8. Пополуночи в 8 часов ее императорское величество благоволила быть на Цнинском шлюзе, где в высочайшем присутствии начался пропуск судов;²⁷ потом, проехав 36 верст до Хотилова, изволила тут иметь обеденный стол, и, чрез Едрово 36 <верст> в уездный город Валдай 20 верст всемилостивейшая государыня прибыв в 6 часов вечера, остановилась для провождения ночи.

²³ Церковь женского Васильевского монастыря, располагавшегося у въезда в Торжок со стороны Твери (упразднен в 1764). Впервые упоминается в 1625 г. как деревянная; в 1760 г. выстроена в камне и освящена в честь Успения Божьей Матери, однако именовалась Васильевской по приделу св. Василия Великого. Существует в настоящее время, не действует (Монастыри и приходские церкви г. Торжка и их достопримечательности. Тверь, 1903. С. 38–39).

²⁴ Архимандрит Макарий II, настоятель Борисоглебского монастыря (1783–1791). И. Колосов (Новоторжский Борисоглебский монастырь. Тверь, 1913. С. 77–81) не упоминает его в числе «замечательных настоятелей». При нем в 1784 г. был разобран древний Борисоглебский собор, 9 июня 1785 г. Екатерина II заложила новый, существующий в настоящее время (Илиодор. С. 168).

²⁵ Путевой дворец построен по проекту П. Р. Никитина (1776) в стиле позднего барокко; перестроен архитектором Л. Руска (пер. пол. XIX в.) в стиле позднего классицизма.

²⁶ Ср. в дневнике: «7 июля. Ночлег в Вышнем Волочке; приехав туда в 5-ть часов, случили манифест о дуэлях с немецким переводом; говорили о Сердюкове и о батюшке моем» (Храповицкий А. В. Памятные записки. С. 34). Мать Храповицкого, Елена Михайловна (не позднее 1725–?), урожд. Сердюкова, была дочерью М. И. Сердюкова. О Сердюкове см. в прим. к тексту Л.-Ф. Сегюра.

²⁷ О Вышневолоцкой водной системе см. прим. к тексту Сегюра.

Пред Хотиловом на общей меже наместничеств Тверского и Новгородского предстали для встречи ее величества правитель Новгородского наместничества, действительный камергер Квашнин-Самарин,²⁸ губернский предводитель дворянства бригадир Аничков,²⁹ предводители прикосновенных уездов и дворяне новгородские.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II³⁰

ТВЕРЬ

Главный город Тверского наместничества в 566 верстах от Санкт-Петербурга, стоит при реке Волге, при впадении в нее с левой стороны реки Тверцы, а с правой Тьмаки. Расположен он по ровному и красивому месту, в длину простираясь на 4, а поперек на 2 версты, и разделяется омывающими его реками на четыре части: Городовую, Затьмацкую, Заволжскую и Затверецкую, из коих первая заключает в себе крепость, из земляного вала состоящую, и наилучшее строение. Город сей прежде случившегося в 1763 году пожару имел почти всё строение деревянное; но после сего несчастного приключения не только возобновлен на всемилостивейше пожалованную от ее императорского величества в ссуду жителям знатную сумму, но и регулярно выстро-

²⁸ Квашнин-Самарин Петр Федорович (1743–1815), наместник Новгородского наместничества (1786–1793).

²⁹ Аничков Петр Никитович, новгородский губернский предводитель дворянства (1786–1789).

³⁰ Текст печатается по изд.: Путешествие ее императорского величества <Екатерины II> в полуденный край России, предпринимаемое в 1787 году. СПб.: Тип. Горного училища, 1786. С. 123–130. Автором текста предположительно является Карл Иванович Габлиц (1752–1821), естествоиспытатель, ботаник, путешественник, участник экспедиции Гмелина (1768–1773), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1776), вице-губернатор Крыма (1783–1802), автор первой монографии о природе Крыма «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы» (1785). Об авторстве «Путешествия...» со ссылкой на исследование Вл. Широкова см.: Открыватели земли крымской: В. Ф. Зуев, К. И. Габлиц, П. И. Кеппен // Центральный музей Тавриды [Электронный ресурс]. URL: <http://tavrida.museum.crimea.ua/library.html>.

ен и по большему числу каменных домов может похвастаться из лучших российских городов.³¹ Сверх двух монастырей³² и 39 церквей,³³ из коих две только деревянные, находятся в нем: императорский дворец, губернаторский, вице-губернаторский, архиерейский и комендантский дома, семинария, гостиный двор, дворянское училище, градская школа, сиротский дом и множество каменных домов, частным людям принадлежащих.³⁴

Город сей воспринял свое начало в 1182 году, в котором великий князь владимирский Всеволод Георгиевич построил на Волге при устье реки Тверцы твердь, или крепостцу, для прикрытия своего владения от набегов новгородских и новоторжских. Но как сие место не столь выгодно было, как избранное на нагорной стороне, то жители стали селиться на нынешнем городском месте, куда по прошествии некоторого времени и крепостца перенесена великим князем Ярославом Всеволодовичем, и настоящий город построен около 1240 году. Имел он потом собственных своих князей, называемых тверскими, до князя Иоанна Иоанновича, преставившегося в 1490 году, которой был четвертынадесятый и последний сего города князь.³⁵ И как в течение сего времени, так после претерпел он великие разорения от нашествия татар и поляков, из коих последние захватили было оный в 1609 году, однако в том же году паки у них отнят российскими и шведскими войсками.³⁶

³¹ См. прим. к тексту Кокса.

³² Отрочь Успенский монастырь расположен на берегу Волги при впадении в нее Тверцы, основан в середине XIII в. Успенский собор построен на месте храма XIV—XV вв. в стиле нарышкинского барокко (1722); двухэтажная церковь святителей московских чудотворцев Петра и Филиппа; церковь великомученицы Варвары, трехэтажная колокольня, настоятельский корпус и братские кельи; в 1930-е гг. уничтожен, за исключением Успенского собора. Христорождественский женский монастырь расположен на правом берегу р. Тьмаки, основан в конце XIV в., в 1727 г. включал две деревянные церкви, в 1765—1775 гг. — первый каменный храм с колокольней; комплекс сложился в XIX в. В 1920 г. монастырь упразднен, с 1999 г. возобновлен.

³³ См.: *Свод*. Ч. 1.

³⁴ См. прим. к тексту Кокса.

³⁵ Исторические сведения об основании Твери и тверских князьях см. там же.

³⁶ В 1612 г. Тверь была полностью разорена польско-литовскими войсками. В 1629 г. в городе было 11 заброшенных церквей и монастырей, 1450 пустых домов. Если в начале XVII в. в городе было около 10 000 чел., то в 1626 г. он почти опустел.

Купечество сего города весьма зажиточно. Главный торг их состоит в закупке пеньки и хлеба в низовых и украинских городах, которой они отправляют водою на барках к Санкт-Петербургскому порту; а притом в самом городе торгуют разными товарами.

Протекающая под сим городом река Волга есть наивеличайшая по всей России. В древние времена называлась она Ра, а от татар Идел,³⁷ что вообще значит большую и богатую реку, какова и в самом деле она есть в рассуждении отправляемого по ней водохозяйства и доставления сюда из отдаленнейших мест российских произведений. Она вытекает в Тверском наместничестве из-под деревни Волгино Верховье³⁸ и впадает под Астраханью более нежели 60 устьями в Каспийское море. Течение ее даже до впадения в нее реки Камы простирается на востоке, а оттоле до устья склоняется к югу. Всея же долготы ее по разным излучинам будет более 4 000 верст.

Торжок

Окружный город Тверского наместничества, в расстоянии 63 верст от Твери; стоит на реке Тверце, коей он и ручьем Здоровцом разделяется на три части: на Градскую, Борисоглебскую и Затверецкую. Расположен по гористому и возвышенному месту и в древние времена укреплен был земляным валом, а на нем построена была каменная стена с башнями, которых развалины и поныне видны. Строеие в нем часто каменное, а по большей части деревянное и вообще довольно порядочное, ибо после случившегося в 1767 году пожара на всемилостивейше пожалованную от ее императорского величества ссудную сумму по опробованному плану выстраивается.³⁹ Наилучшим из его строений почитается гостиный двор, в коем 111 лавок каменных. Сверх сего находятся в нем два монастыря: мужеской, называемый Борисоглебским,

³⁷ Ра — название Волги у античных авторов, см. текст Герберштейна; в арабских источниках IX в. Волга именовалась Атель (Итиль, Этель, тат. Идел), т. е. рекой рек (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 36–38, 108–109).

³⁸ Д. Волгино-Верховье (Волго-Верховье) Осташковского у.

³⁹ Пожар 1767 г. уничтожил многие церкви, торговые ряды, амбары, строения центральной части города и сотни обывательских домов. На отпущенные Новгородским городским управлением средства (50 000 руб. сроком на 4 года) в городе началось строительство гостиного двора (торговых рядов), особняков дворян и купцов, каменного моста через ручей Здоровец (1774) и др.

в коем учреждена школа для обучения священно- и церковнослужительских детей, и другой женский;⁴⁰ соборная церковь, примечательная своей древностью, построенная в 1364 году;⁴¹ 23 приходские и градская школа для купеческих и мещанских детей.

Купечество сего города торгует пенькой, льном, хлебом, салом и прочим; закупая сие товары в Москве и других соседственных губерниях, отвозят они к Санкт-Петербургскому порту, и как сей торг, так и производимый в самом городе простирается до полумиллиона рублей; притом имеют они множество кожевенных, воскобойных и других заводов.

Когда и кем город сей основан хотя точно определить и не можно, однако древность его утверждается достоверным происшествием,⁴² ибо основатель Борисоглебского монастыря, в сем городе находящегося, преподобный отец Ефрем жил в начале XI века при князьях российских Борисе и Глебе, по убиении которых пришел он в Торжок, бывший и тогда уже многолюдным, и основал сей монастырь, архимандритом в нем поставлен.⁴³ Торжок, состоя во владении новгородцев, был пограничным их городом и от них отдаван был разным князьям. Во времена же военные первый по смежности подвергся опасности и был осаждаем и разоряем не только от них, но от литвы и татар, а особливо в 1238 от Батыея, который, по двунедельной осаде взяв его, велел всех жителей истребить. Наконец вместе с новгородцами в 1478 году великим князем Иоанном Васильевичем⁴⁴ покорен Российской державе и был управляем царскими наместниками.

ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

Окружный город Тверского наместничества лежит в 126 верстах от Твери при реке Цне. Место сие учреждено городом в 1772 году из прежде бывшего Вышневолоцкого яму.⁴⁵ Наименование свое по-

⁴⁰ О Борисоглебском мужском и Воскресенском женском монастырях см. прим. к тексту Витсена.

⁴¹ Спасо-Преображенский собор.

⁴² Первое упоминание Торжка относится к 1139 г. (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 25). По археологическим данным, Торжок был городом уже в конце X в. (Мальгин П. Д. Древний Торжок. Историко-археологические очерки. Калинин: ВООПИК, Калинин. отд., 1990. С. 7).

⁴³ См. прим. к тексту Витсена.

⁴⁴ Иоанн III Васильевич (1440–1505), великий князь московский (1462–1505).

⁴⁵ Вышний Волочек основан в 1471 г., в 1770 г. получил статус уездного города Новгородской губернии, в 1772 г. — герб.

Ж. Б. де ла Траверс. Вышний Волочек. 1786.
Акварель. ГМИИ

лучил он оттого, что до сделания Тверецкого шлюза и канала привозимые по Тверце-реке мелкими судами и полубарками товары от пустыни Николы Столпа⁴⁶ перевозились сухим путем⁴⁷ и, по нагрузке в Вышнем Волочке на пригоняемые по реке Цне суда, осташевками⁴⁸ называемые, отправлялись уже далее водой, во отвращение чего сделан канал, по имени сего города Вышневолоцким именуемый, по которому все барки, с Волги по Тверце идущие в Цну-реку, пропускаются беспрепятственно.

Купечество сего города богато, и некоторые из них торгуют хлебом, салом и пенькою, и хотя число в нем живущих и не весьма велико, но летом наполнен он бывает иногородними купцами и работниками, проходящими на барках к Санкт-Петербургскому порту.⁴⁹

⁴⁶ Николо-Столобенская пустынь в 11 км к юго-востоку от Вышнего Волочка.

⁴⁷ Название Вышнего Волочка происходит от существовавшего здесь волока между Твердой и Цной. Из-за небольших размеров назывался в уменьшительной форме, а *Вышний* он был в противоположность *Нижнему* (у Боровицких порогов на Мсте), ныне не сохранившемуся.

⁴⁸ Осташевка — плоскдонное судно на Волге.

⁴⁹ Ср. описание Вышнего Волочка у Глушкова.

2. СТИХИ НА ПРИБЫТИЕ ЕКАТЕРИНЫ II в ТВЕРЬ⁵⁰

Стихи

Богини светлый зрак сияет
И новый нам лиет покой,
Монархиня в Тверь град вступает
И восхищает всех собой.

Надежда россов предрагая!
Коль сладко на тебя взирать!
Тобой нам жизнь течет золотая,
Обильна льется благодать.

В тебе божественны доброты;
Нигде сравненья оным нет.
На всех текут твои щедроты,
Как солнцев всюду ясный свет.

Се всю Россию озарила
Сияньем ты очей своих
И нас приходом оживила,
Явив свой взор в пределах сих.

Толико восхищенья ныне,
Что в дар тебе мы принесем?
Какую песнь своей богине
Достойну в честь мы воспоем?

Живи, владычица полсвета!
Как роза, в счастье процветай;
Живи, богиня! в вечны лета
Дела Господни содевай.

* * *

О, лучезарный Феб счастливых русских дней,
Блистающий на нас во всей красе своей!
Се паки твой приход от удаленна юга
Утехи райски льет и на сию часть круга.

⁵⁰ Разные сочинения Тверския семинарии на прибытие ее императорского величия в Тверь. М., 1787. Текст печатается по изд.: *Стихи тверских поэтов*. С. 206–212.

Являя нам себя величества в лучах,
 Сугубишь самую ты ясность дня в очах,
 А тем, что щедростью сердца всех ободряешь,
 Превыше и себя стать нам повелеваешь.
 Уже, богиня! где тобой зрак ни явлен,
 В небесный вид земных вещей стал пременен;
 И ты не сим ли всех движенья окончала,
 Что двадцать пятый год сей славою увенчала?
 Вселенна на дела твои отнынь смотря
 И силу божества во множестве их зря,
 Се в изумлении своем тому дивится
 И мир с Россиею иметь вовеки щитится.
 Блаженны стали мы, владычица, тобой;
 Блаженна стала ты Всевышнего судьбой.
 Пред алтарем Его себя мы повергаем
 И самые сердца охотно изливаем:
 Он моисейский скиптр тебе, о мать, вручил
 И равны чудеса творити научил;
 Что жизнь твою хранит и семя умножает,
 Он тем Россию всю навеки одождает.

КАНТ

Руками, россы, восплещите,
 Колена, грады, преклоните:
 Грядет Екатерина-мать,
 Европы, Азии царица,
 Как светлая небес денница,
 Вновь радость даровать.

Уже тьмочисленны народы
 Хвалы поют, земля и воды —
 Владычице семи морей;
 И музы глас свой возвышают,
 Как дети к матери зывают —
 К богине днесь своей.

Себя покоя, сна лишая,
 В трудах со днем ночь съединяя,
 Течет она по всем градам,
 Чтоб счастье, славу и блаженство,
 Во всем избыток, совершенство
 Подать своим сынам.

Как Нил велик перед ручьями,
Светлей как Солнце пред звездами,
Так паче всех вознесена
Десницею Екатерины,
Излившею щедрот пучины,
Полночная страна.

Что ж посвятим Екатерине,
Блаженства нашего причине?
На алтаре сердец своих
Жизнь в жертву мы тебе приносим:
Живи, цветы — мы Бога просим —
Для нас, сынов твоих.

Ода

О волжские струи прозрачны,
Кропящи северну страну,
Где красны пажити и злачны
Одну являют тишину,
Еще на вас, еще блистает,
Что до полсвета восхищает,
Российския богини зрак!
Так льзя ль от здешня горизонта
О счастье сем до Орд и Понта,
Льзя ль вам не ускорить дать знак?

В краю полдневном веселятся
Пременой жители своей;
Как с неба дар прияв, стремятся
Красу своих поведать дней.
Но русское уже светило
И Твери днесь себя явило;
Прекрасный блеск его проник
И здесь в стечения народны,
Что шум, как бездны многоводны,
Возносят, строя общий лик.

О! коль предмет сей вожделенный,
Струям чтоб оных вод в сей час,
Тебе, о муз хор восхищенный!
Усердный привместив свой глас;
Чтоб в славу и хвалу богини

В града азийски и пустыни
Веселье обще пронести!
Но южных жителей плесканье
Се взор к себе ваш и вниманье
Предубеждает возвести!

Кто б мог себе взять в размышленье,
Среди чтоб оных диких стран,
Где быстрых днепрских вод стремленье
Вмещает внутрь себя Лиман,
Среди чтоб оных стран родились
И свету в пышности явились
Прекрасны росские града?
Не лет ли по числу безвестных,
Не сил ли стоило чудесных
И бесконечного труда?

Богиня росска возжелала
Свои щедроты показать, —
И вот единственны начала,
Что стали грады возникать
В местах, дотоль незаселенных,
В местах, где жителей блаженных
Восторг безмерен был и есть
И где уж не с мечом, но с плугом
Слагает, ходя друг со другом,
Похвальные ей песни в честь.

Неслыханный пример во свете
Щедрот монаршеских вовек,
Какого не имел в предмете
Ни римлянин, ни древний грек.
Но чтоб поставить в совершенстве
И утвердить во благоденстве
Прославленный собой народ,
Се наша мать в его границы
И взора своего зеницы
Простерла, се в златый сей год!

Как дней весенних приближенье
Вселяет радость по местам,
Минервы как в лугах явленье
Влагает песни нимф устам, —
Так росския приход богини

Поля и горы и долины
Своей красою оживил;
Что <б>, всё в веселье ощущая
И как бы вновь на свет взирая,
Таврический к ней край гласил:

Еще твоя десница щедра,
О мать, избавльша нас от бед!
Еже щедрот открыла недра,
К веселью указавши след,
Довольно б нам и той отрады,
Что посреди твоей ограды
Не видим страха ни на час;
А ты еще своим и взором,
А ты еще и разговором
Обрадовала ныне нас.

Коль древние вспомнить годы
И тех владельцев дела,
Лишали что людей свободы, —
Какая в том их похвала,
Что каждого за Фаетонта
И скиф, и перс от Геллеспонта
Считали паче всех врагов?
Не стыд ли токмо содевало,
Что их присутствие налагало
Там смертным тяготу оков?

Венчанна ироиня Богом!
В тебе Россия ино зрит;
Пред матерним твоим чертогом
Усердием лишь всяк горит.
А взор еще ты где являешь
И путь куда свой простираешь,
Там и числа утехам нет;
Там лучшей Генриха, Трояна,
Там лучшей и Веспасиана,
Царицей всяк тебя зовет.

Красуйтесь, счастливы пределы,
Где путь владычицы сея
Предметы породил веселы
Доброты блеском своя!
Красуйся с ними сам собою

И ты, град Тверь, ее рукою
Внесенный счастья к высоте.
Гремящая воздвигнет слава,
Где росса сведома держава,
И о твоей глас красоте.

Сверх тех даров тебе отменных,
Что первый ты права приял,
От уст исшедшие священных,
И в новом виде зреться стал, —
Коль крат ты достигал той части,
Великой что богиня власти
Имела внутри тебя покой;
Коль крат твои тем стогны, дома
Вслед райских мест были ведомы
Послушной перед ней судьбой.

Но льзя ли исчести подробно
Монархини щедроты вдруг,
Что, действуя богоподобно,
Златых времен приводит круг,
Что, облетая мест пространство
И всюду верно зря подданство,
Хвалу за долг чтит воздавать?²
Не жертвенным ли паче даром,
Не сердца ли пристойней жаром
Желанья общи увенчать?²

Богиня, коей свет чудится
И образцом зовет царей!
Да с Фебом век твой соравнится
В счастливом прохожденье дней.
А ревность, чтоб свой род прославить
И в велелепии поставить,
Сам вечный да ущедрит Бог,
Чрез что всех жребий вознесется
И вяще благо пролиется,
Вмещает что обилья рог.

ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ДЕВЯТИНАДЦАТОГО ВЕКА

ИВАН ФОМИЧ ГЛУШКОВ

[1801]

Глушков Иван Фомич (1774, Тверь — 1848, там же), из купеческой семьи, статский советник, кавалер бриллиантового креста Св. Анны, орденов Владимира III степени и Станислава. Служил тверским вице-губернатором (1838—1843), потом жил в Твери. Дорожные впечатления Глушкова, по долгу службы часто путешествовавшего по столичному тракту, легли в основу книги «Ручной дорожник» (1801), изданной в связи с коронацией Александра I и посвященной супруге государя Елизавете Алексеевне, отправлявшейся в поездку из Петербурга в Москву на эту церемонию. Труд Глушкова был благосклонно принят государем и переиздан с добавлением гравюр работы С. Ф. Галактионова,¹ в 1805 г. издан на немецком языке. В числе населенных пунктов на петербургско-московском тракте в книге описаны города Тверского края. Глушков обращает внимание на их градостроительные решения, архитектурные памятники, наличие уникальных инженерно-технических сооружений, на нравы и обычаи горожан, их занятия, промыслы, костюмы, манеры, особенности говора. Текст печатается по изд.: Глушков И. Ф. Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах, по оному лежащих, известия

¹ Галактионов Степан Филиппович (1778/1779, Петербург — 1854, там же), гравер, литограф и пейзажный живописец, выпускник Академии художеств по ландшафтному граверному классу (1800), автор гравюрных видов Гатчины, Петергофа, гравюр к «Достопамятностям Санкт-Петербурга» П. Свинына и др. Для «Ручного дорожника» гравировал виды Великого Новгорода, Бронницкой горы, Вышнего Волочка, Торжка, Твери.

исторические, географические и политические; с описанием обывательских обрядов, одежд, наречий и видов лучших мест. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. Имп. АН, 1802. С. 96–174.

Хотилово — многолюдный, хорошо выстроенный ям, в котором находится посредине главной улицы на квадратной площади каменная, изрядной архитектуры церковь с колокольнею и в особом месте деревянный императорский дворец.²

Нет ничего интереснее для городского жителя, как в праздничный день, проезжая мимо какого-нибудь селения, видеть деревенские веселости. Все тогда на улице: ребятишки в белых рубахах толпами прыгают и резвятся; прелестные девушки в красных сарафанах то рядами прогуливаются по селу и поют дышащие чистою любовью песни, то веселятся на качелях, то, составя кружок, под звон скорой русской песни³ резво пляшут; с ними разделяют веселье щеголивые крестьяне, умильно взглядывают на своих любезных и, будучи награждены благосклонною улыбкою, со всею живостью продолжают игры, а несчастные в любви, удаляясь под тень кудрявой липы, томно выражают в чувствительных песнях тоску огорченного сердца своего; недалеко оттуда пожилые крестьянки любят на легкую резвость дочерей своих, между тем как румяные молодушки нежно переглядываются с мужьями, которые под навесом клетки⁴ богатого старосты разговаривают с почтенными сединою старичками, — словом, все тогда веселятся, радуются от чистого сердца и многоразличными, но невинными шутками разгоняют свои годовые заботы и печали.

От сего яма до следующей станции 36 верст.

Вышний Волочек — уездный город Тверской губернии, лежащий при реке Цне и многих каналах, — виден еще издалека по Соборной церкви.⁵ Проезжий сперва рассматривает здесь в близости дороги построенный из дикого камня с двумя беседками Цнинский

² Ошибка Глушкова. Старый деревянный путевой дворец был к этому времени снесен; на его месте была построена церковь Михаила Архангела (1764–1767, арх. С. И. Чевакинский) на средства, выделенные Екатериной II; около 1837 г. сооружена колокольня и трапезная (Свод. Ч. 2. С. 687). Новый путевой дворец (1760-е), построенный на средства Екатерины II, был каменным; не сохранился.

³ Плясовая; ср.: [Львов Н. А.] Собрание народных русских песен с их головами на музыку положил Иван Прач. Ч. I. СПб.: Тип. Горн. училища, 1790.

⁴ Клеть — часть (наряду с избой и сенями) трехчастного жилого дома.

⁵ Монументальный пятиглавый Казанский летний собор (1759–1771), отличавшийся характерным для барокко сложным силуэтом, господствовал в пано-

шлюз,⁶ потом отдает справедливость двум площадям, украшенным каменными строениями.⁷ Первую⁸ окружают императорский дворец,⁹ Ассигнационный банк¹⁰ и дома господские, а вторую¹¹ — в два этажа и с аркадами внизу обывательские; потом примечаются каменные же: Соборная церковь, другая строящаяся щедротою блаженной и вечнодостойной памяти императора Павла I,¹² гостинный двор;¹³ присутственные места, магистрат,¹⁴ городнический дом¹⁵ и деревянный чрез *Тверецкий канал* механический мост.¹⁶ Сей мост, называемый *Тверецкий*, весьма удивительно составлен из спирающихся один в другой брусев и без всяких подпор висит над широким кана-

раме города; разрушен в 1935 г. Икона Казанской Божией Матери — покровительница города.

⁶ Цнинский канал, прорытый М. И. Сердюковым, — огромный однокамерный шлюз (длина 1280 м).

⁷ Регулярный план 1772 г. стал основой застройки города, занимавшего правый берег Цны и делившегося на Градскую часть и Остров.

⁸ Дворцовая (Садовая) пл. — центр исторической части города, впоследствии названной Островом, находилась между Цной и Цнинским каналом.

⁹ Императорский путевой дворец (ул. Осташковская, 3) построен в 1779 г. как городская усадьба, состоявшая из главного двухэтажного корпуса, одноэтажных флигелей, объединенных воротами, и обширного двора, окруженного каменной стеной. Сохранился главный корпус, на фасадах отделка в стиле барокко.

¹⁰ Банковская контора (1773).

¹¹ Торговая пл. с Казанским собором — центр Градской части, расположена между Цнинским и Тверецким каналами, Садовой ул. (ул. К. Маркса) и Московским шоссе.

¹² Церковь Петра и Павла располагалась на Садовой пл. (территория современного городского сада); построена в 1813 г., взорвана в 1930-е гг.

¹³ Первые торговые ряды (Казанский пр-т) построены в 1787 г., реконструированы в 1836—1837 гг.

¹⁴ Здания присутственных мест и городского магистрата (ул. Осташковская, 2; арх. П. Р. Никитин, 1777—1782); в XIX в. корпуса соединены, надстроена пожарная каланча (1900).

¹⁵ Проект зданий уездных присутственных мест, домов городничего и казначея разработан П. Р. Никитиным и утвержден в качестве образцового тверским наместником Я. Е. Сиверсом, осуществлен в Вышнем Волочке и Торжке в 1777 г. (*Свод. Ч. 1. С. 79*).

¹⁶ Мост в устье Тверецкого канала впервые в России построен с применением деревянных ферм; горел в 1801 г., вновь построен в 1808 г., перестроен в 1845—1846 гг. (инженер П. И. Лосев, К. Кейзер, руководитель работ А. А. Шатилов).

лом так высоко, что нагруженные пенькою барки свободно под него подходят, для прочности же обшит он досками и покрыт кровлею, под которою находящаяся галерея служит тамошним лоцманам изрядною биржевою залогою, где купцы заключают с ними условия о сгонке своих караванов.¹⁷

Город сей сколько по малолюдству и строению неважен, столько водами, его окружающими, знаменит и для доставления в Санкт-Петербург съестных припасов необходим. Название его произошло от двух слов *волок* и *верх*.¹⁸ По свойству российского языка те места, в которых останавливается водяная коммуникация и груз перевозится на близлежащую реку, исстари называют *волок*. Прежде основания Санкт-Петербурга, когда внутренняя торговля стремилась к Новгороду, доходили суда по Тверце к самому почти ее истоку, а от него перевозимы были товары вверх чрез десятиверстное расстояние на реку Цну и по течению ее сплавливались до Новгорода, отчего то место и селение назвалось *Вышний Волочек*.

Во время Петра Великого, когда Санкт-Петербург сделался столицею России и надобности жизненные для нее увеличились, некто новгородец *Сердюков* способствовал дальновидным намерениям сего великого монарха: он, сыскав в окружностях вышневолоцких довольно болот, озер и речек, предложил план к устройению коммуникации государю, а сей дозволил ему всё исполнить собственным иждивением, предоставляя в награду некоторые выгоды. Немедленно исток Тверцы прочищен, прокопан на две версты с половиною из Цны в Тверцу канал, и чрез то Каспийское море соединилось с Балтийским. Дщерь Петра Великого императрица Елизавета Петровна все сии шлюзные устройства купила у наследников Сердюкова в казну. Вот краткая история начала водяной коммуникации. При Вышнем Волочке воды так хорошо расположены и сохраняются, что чрез всё лето ни чрезмерная засуха, ни мели, от песчаного дна Тверцы бывающие, в судоходстве не могут сделать остановки, и есть пословица: *здесь вода в кармане, а спуск на барабане*. В трех верстах от города находится укрепленное из дикого камня плотинами, бейшлотами и шлюзами главное *водохранилище*, которое собранною из многих озер водою удовлетворяет всем надобностям судоходства.

Все произведения России начиная от Астрахани, отдаленнейших краев Сибири и из других губерний доходят без помехи до Твери,

¹⁷ Здание биржи для найма судорабочих (Цнинская наб.) построено в 1801 г.

¹⁸ Волок между Тверцой и Цной из-за небольших размеров назывался в уменьшительной форме, а *Вышний* он назывался в противоположность *Нижнему* (у Боровицких порогов на Мсте), ныне не сохранившемуся.

а при ней ожидают входа в устье реки Тверцы, потому что начало ее в Волочке заперто бывает шлюзом для накопления воды, по спуске которой в Тверцу тянут барки вверх течения сей реки лошадьми и входят потом Тверецким шлюзом в Вышневолоцкие каналы в таком числе, как состояние воды позволяет. В это время запирают Тверецкий шлюз, а отворяется закрытый дотоле Цнинский, вся вода обращается к Петербургу Цнинским каналом во Мстино озеро, и барки сплавляются уже вниз по течению — сперва чрез озеро Мстино, потом реку Мсту, малое пространство озера Ильменя, реку Волхов, Ладожский канал и реку Неву до самого Петербурга. Таким образом, малейшая точка Вышний Волочек сближает отдаленнейшие края юга, востока и запада с севером. В царствование Великия Екатерины все здешние надобнейшие шлюзы и бейшлоты с великим иждивением построены из дикого камня.¹⁹ В самом Волочке находятся из них Цнинский шлюз и два бейшлота того же имени, а в окружностях шлюзы Мстинский, Тверецкий и заводское водохранилище.

Шлюз есть такое укрепление, в котором устроенные ворота, быв заперты, останавливают воду, а горизонтально раздвинуты в сделанные по бокам ниши — выпускают. Бейшлот же называется плотина, составленная из многих щитов, опущенных между желобоватыми брусьями до dna речного, и тем останавливающая воду. Судя по нужде, вынимают сих щитов один, два или более и чрез то доставляют воды в надобное место до известного числа вершков. Хотя и положено накоплять к спуску в вышневолоцких каналах не более 300 судов, однако ж, располагая по благополучной воде, вмещается их иногда до 900, не считая лодок. В то время многолюдство здесь бывает чрезвычайное, все площади, улицы и дома наполняются народом, ибо, кроме обыкновенных водолеев, коренных и необходимых барочных служителей, приходят еще из отдаленных краев артели сходочных и лоцманов. Полагая на каждое судно по нужде до 15 человек, возрастает иногда надобность в работниках до такой необходимости, что женщины вступают в сию должность. Нигде не бывает подобного хаоса и деятельности, как здесь в день спуска. На рассвете оногo дня, как для известия о спуске ударят в барабан и выставят флаг, всё мгновенно приходит в движение: рабочие садятся в свои места, лоцманы изготовляют снасти, купцы делают расчеты, запасаются поспешно надобностями, всё суетится, всё шумит, везде работа, везде гул раздается — немного, и другая картина! — лишь обыграется спущенной воды вал и пройдет благополучно первая барка, то все стоящие на своих местах лоцманы с рабочими людьми молятся и призывают *Бога в помощь, а Николу*

¹⁹ Ср. текст Сегюра.

в путь, — потом на барке, назначенной к отвалу, ударяют сильно в потеси, весьма искусно спускаются в шлюзные ворота и на быстром бегу воспевают радостные песни.

Здесь бывает 8 июля, в день Казанской Божьей Матери, большая ярмарка, на которую съезжаются купцы с товарами из Твери, Осташкова, Торжка, Валдая и других городов, для чего стечение дворянства, а особливо из деревень народа бывает весьма многочисленно.

Вышний Волочек учрежден городом 1772 года из бывших до того времени ямщиков,²⁰ а потому характер жителей его посредственно подходит к купеческому. Первейшее удовольствие мужчин и женщин состоит в песнях, которые мужчины поют громко, но стройно; женщины ж тихо, согласно и весьма жеманно.

Женщины здешние без исключения во всех частях плотны. Платье их много одинаково имеет с другими городами Новгородской губернии. Они носят из разных шелковых материй одежду, сзади несколько бористую,²¹ спереди пуговицами застегнутую, обложенную кругом цветными лентами, а у богатых золотыми кружевами и позументами, называемую *сарафан*; *рубашки* тонкие, кисейные, большею частью длиннорукавные, весьма морщиновато на руку набранные; *головной убор* — девицы золотую, широкую, иногда низанную жемчугом *ленту* с цветными широкими назади лопастями,²² а замужние ту же ленту, но уже с пришитою к ней *задницею*,²³ сверх которой накрывают голову наподобие большой простыни кисейным, весьма хорошо вышитым *покрывалом*.

Здесь женщины страстно привязаны к обработке льна и холстов, почему в осенние и зимние вечера, собравшись во множестве в большую комнату, занимаются иногда до 3 часу за полночь работою, прогоняя скуку песнями, пляскою и другими веселостями, что по их называется *поседки* или *беседа*, которую посещают и молодые мужчины.

В Вышнем Волочке славятся *холсты* тонкостью и белизною, также крупитчатые рыхлые булки, называемые *валенцы*.

Наречие совсем отменно от новгородского и по выговору на а ближе подходит к московскому, имея в отмену странные недо-

²⁰ В 1770 г. Вышневолоцкий ям получил статус уездного города Новгородской губернии и название Вышний Волочек, в 1772 г. — герб.

²¹ Бористый — пышный, сборчатый.

²² Лопасть — здесь широкий и плоский конец головного убора, треугольные расшивные привесы и др. (*Даль*. 2, 266).

²³ Задница — здесь задняя часть женского головного убора.

статки в ударении. Вышневолоцкие женщины почти поют сии слова: жадная, жадобная, нявистушка, да покушай жа; Дядя Пантялий нынешная лита три путины сходил; Ахти, кармилица, смяриотушка мая! Дивки! пайдюти ли вы на бясиду?²⁴

От Волочка до Выдропуска 33 версты, дорога, вымощенная то камнем, то половинчатыми бревнами, весела, потому что кроме маленьких деревенок, вдали разбросанных, и больших селений, по дороге лежащих, увидите несколько раз реку Тверцу, по которой тянутся лошадьми грузные барки²⁵ и, если угодно, посмеетесь и пожалеете о жизни коноводов.

Выдропуск — весьма большой, хорошо выстроенный, имеющий славных лошадей ям — стоит по обеим сторонам реки Тверцы, через которую переезжают по плавучему мосту. На правой стороне сего яма в особом месте находится каменная, хорошей архитектуры церковь,²⁶ а при выезде на высокой горе — императорский двухэтажный каменный дворец,²⁷ из которого во все стороны прекрасные видны картины. На лошадях, отсюда взятых, едут 38 верст до города Торжка.

Чем более въезжаешь во внутренность России, тем многообразнее и привлекательнее покажутся окружности. Нигде не заметишь дикой, ни к чему неспособной земли или болота, но везде увидишь обработанные поля, зеленеющие муравью луга, обчищенные рощи и хорошо выстроенные помещичьи дома.

Вблизи Торжка глубокие пески тем сноснее переехать можно, что займешься рассматриванием правого берега текущей тут Тверцы, усеянного небольшими рошицами и кустарниками, а особливо прекрасного дома г-жи Львовой.²⁸

²⁴ Произношение ударного [и] в соответствии с литературным [э], аканье и яканье — характерные признаки селигеро-торжковских говоров. Глушков зафиксировал и морфонологическое изменение грамматической формы: *лита* (*лето*) как сущ. ж. р.

²⁵ По берегу Тверцы проходил бечевник — сухопутная дорога вдоль берега водного пути, предназначенная для буксирования людьми (бурлаками) или лошадьми судов на канате (бечеве).

²⁶ Церковь Смоленской иконы Божьей Матери Выдропужской (1769—1784, арх. С. И. Чевакинский); кирпичная колокольня (1793); трапезная (1836—1839); закрыта в 1931 г., возобновлена в 1995 г.

²⁷ Императорский путевой дворец сооружен в 1770-е гг. по указу императрицы Екатерины II и по «образцовому» проекту архитектора П. Р. Никитина.

²⁸ Господский дом усадьбы Митино под Торжком (1790-е) создан Н. А. Львовым по заказу Дмитрия Ивановича Львова (1726—1782), после смерти которого перешел к его вдове Марии Федоровне, урожд. Тыртовой (1752—1822)

Хорошее деревянное строение, при дороге особенно стоящее, есть *запасной* того округа хлебной *магазин*, из которого бедные крестьяне могут получать на обсев с возвратом только, а достаточные с платежом известного количества прибыли всякого сорта хлебные семена.

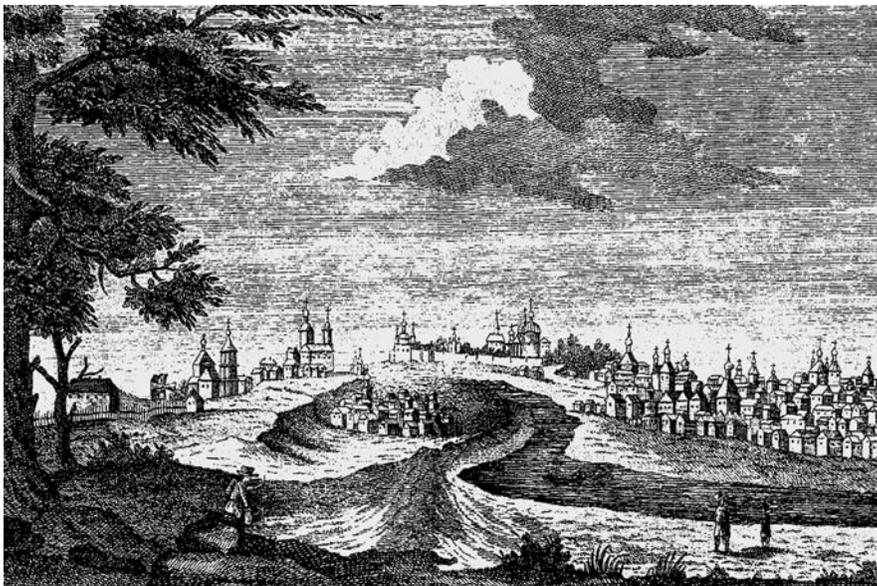
Торжок — уездный город Тверской губернии, отстоящий от Твери на 63 версты, — лежит по обеим сторонам реки Тверцы, которою и разделен на две части. На правой стороне находящаяся называется *Борисоглебская*, а на левой — *Затверецкая*. Когда и кем построен он, неизвестно, однако древность его доказывается тем, что некто преподобный *Ефрем*, бывший прежде в службе у российских князей Бориса и Глеба, по смерти их пришед в начале XI века в сей город, нашел уже его многолюдным; по летописям же новгородцев видно, что он был пограничный город их владений и подвергался много раз первой разорениям от великих князей российских, татар и литвы, а особливо в 1238 году от татарского хана *Батыея*, который, разорив его до основания, жителей всех истребил. Но как место сие по положению реки Тверцы весьма удобно к торговле, то на развалинах города прежние жители с приезжавшими из других селений и производили оную, отчего место сие назвалось *Новый Торжок*, а жители возобновленного вскоре потом города стали именоваться *новоторжцами*.²⁹ Царь Иван Васильевич в 1478 году покорил его вместе с Новым городом в один состав Российской державы, Петр Великий приписал к Новгородской, а Екатерина II с 1775 года — к Тверской губернии.

В старину Торжок имел крепость, окруженную высоким земляным валом и каменную стеною с башнями; но после многих разорений ничего не осталось, кроме вала, который ныне засажив березками и составляет приятное для здешних девиц гульбище.³⁰

(*Бочкарева И. А. Н. А. Львов: Очерки жизни. Венки новоторжских усадеб. Торжок: б. и., 2008. С. 91*).

²⁹ Существует две версии двойного названия города. Название *Новый Торг* появилось раньше разорения города войсками Батыея. В Новгородской первой летописи (ПСРЛ. Т. III. М., 2000) *Новый Торг* упоминается под 1139—1195 и 1197 гг., *Новый Торг* и *Торжок* под 1196 и 1215 гг., а *Торжок* после 1215 г. Новым Торгом, вероятно, называлась княжеская резиденция на Верхнем городище, а Торжком — боярская часть города на Нижнем городище (*Малыгин П. Д. Древний Торжок. Историко-археологические очерки. С. 17—24*).

³⁰ Валом в Торжке именуется Верхнее городище, на котором в XII—XV вв. находилась княжеская резиденция. Ее укрепления были деревянными, каменные башни существовали в XIV в. на Нижнем городище со стороны Тверцы (*Салимов А. М. К вопросу о датировке каменных оборонительных сооружений Торжка // Новоторжский сборник. Вып. 3 / сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов; ред. М. В. Строганов. Торжок, 2010. С. 47—51*). Деревянные укрепления

С. Ф. Галактионов. Торжок.

Гравюра из книги И. Ф. Глушкова «Ручной дорожник». СПб., 1802

Строение в нем отчасти каменное, а отчасти деревянное очень порядочное. Лучшее находится на правой стороне Тверцы, расположенное амфитеатром по косоугору, уступами к реке склоняющемуся. Ежели стать у дворца в Затверецкой части, на высокой горе построенного,³¹ то каждая улица и дом видны будут в особенности. Множество церквей, гостиный двор, площади, большие и малые преспекты, набережная, на уступах стоящие слободки, сады и движущийся народ в приятнейшем разнообразии вдруг представятся: вот обширная торговая площадь, окруженная каменными, преизрядной архитектуры домами, великолепный из них есть городской магистрат,³² — смотрите, как величественно тут на горе стоит церковь, — от нее продолжается каменный гостиный двор, имеющий 111 лавок — это деревянные лавки, или другой гостиный двор, а это посередине стоящий столб есть быв-

Верхнего и Нижнего городища сгорели в 1742 г. и больше не восстанавливались. В середине XIX в. на Верхнем городище появилась жилая застройка, а место прогулок новаторов переместилось к путевому дворцу.

³¹ Императорский путевой дворец (1776, арх. П. Р. Никитин).

³² Один из немногих сохранившихся в Торжке памятников архитектуры барокко (1760–1770-е).

ший прежде прекрасный фонтан — посмотрите, как хороша набережная и какой крутой вал от нее начинается! Наконец взгляните на монастырь, его огромную церковь, высокие колокольни, стены, башни, сады и после всего согласитесь, что Торжок принадлежит к изрядным городам. Сей мужеской монастырь, называемый *Борисоглебский*, основан преподобным *Ефремом*,³³ которого тело, прославленное нетлением, тут и почивает. — Любопытный путешественник! Если изящное искусство обращает на себя внимание, то не больше тысячи шагов — и мы будем в монастыре.

Рассмотрим в нем огромный храм, одному только или двум по превосходной архитектуре в России уступающий, построенный на иждивение Великия Екатерины и граждан собственными новоторжскими художниками, по плану архитектора Буци.³⁴ Он, четверугольною фигурою возвышаясь, при четырех входах странам света противоположенных, имеет дорические колонны, весьма прилично поддерживающие украшенный карниз и фронтоны; обширной круглой свод с греческими окнами облекается на главных стенах и превышает еще четыре меньших купола; открытые всходы с трех сторон вводят во святилище сие: отворяют врата, и небесный свет преизобильно повсюду блистает — не златая пышность тяготит там стены и столбы; но одна священная простота важное украшение составляет. Это понимаю я светлый купол, резною работою искусно украшенный, и прекрасную живопись, прилично расположенную. На возвышенности устроенный алтарь отнюдь не великолепен, но неизъяснимо величествен. Синий с золотыми жилками мрамор — его основание; золотая, синете весьма приличная резьба — украшение, а у места поставленные образа — всё его величество.³⁵ Не оставим их

³³ Глушков приводит предание об основании Борисоглебского монастыря, которое содержится в житии св. прп. Ефрема Новоторжского (Тверской патерик. Краткие сведения о Тверских местночтимых святых. Казань, 1907. С. 85–87). Списки жития XVII–XIX вв.: *Будовниц И. У.* Повесть о разорении Торжка в 1315 г. // ТОДРА. М.; Л., 1960. С. 446. Публикация текстов: Памятники литературы Древней Твери / вступ. статья, переводы и коммент. В. З. Исакова. Тверь, 2002. С. 77–81; *Кузнецов В. В., Малыгин П. Д.* Житие св. прп. Ефрема Новоторжского — исторический и литературный источник // «Государева дорога» и ее дворцы: материалы межрегион. науч. конф. Тверь, 2003. С. 280–289.

³⁴ Ф. И. Буци руководил строительством собора, автором проекта был, скорее всего, Н. А. Львов (*Татаринов А. В.* Архитектурные работы Н. А. Львова // *Львов*. С. 371–393), хотя никаких документальных подтверждений его авторства в настоящее время не найдено (*Илиодор*. С. 32).

³⁵ 37 икон для иконостаса Борисоглебского собора были написаны в 1795 г. В. Л. Боровиковским (*Илиодор*. С. 32–33); из них сохрани-

без внимания: сия красноречивая для глаз гармония удачнее проповедует всех ораторов. *Благовещение* — примечательнейший образ. *Мария* и *Архангел* всё внимание на себя обращают. Невозможно постигнуть, как изобразила кисть то живое удивление в первой и нечто небесное, важности исполненное во втором. Положение и вид архангелов ясно выражают Марии возможность события таинственного посольства его — и она среди изумления убеждена уже сказать: *Буди по глаголу Твоему*.

Успение — другой равно искусственный образ! Покоящаяся Мария есть совершенно мертвое тело, но девичество и красота даже под синетою блистают; томная бледность ее вселяет во всех окружающих уныние, и апостолы так горестны, что слезы едва не живо изливаются; особенно один, согбенный от лет и горестью изнеможенный старик, сидит уже обессилен при гробе, наклонясь и опершись на свое колено, — изнуренное печалью лицо его есть точное начертание сердечно страдающего человека, из уст почти излетает тяжкий вздох. Ах! не можно без чувствительного сердца изображать с таковою точностью страстей!

В правой и левой стороне алтаря на богатых пьедесталах хранятся орудия, десницею бессмертных Екатерины при заложении храма сего употребленные *кирка и лопатка серебряные*,³⁶ а в светлой нише, на возвышенном из белейшего мрамора помосте почивает в серебряном, драгоценными камнями украшенном гробе *святой Ефрем*.³⁷ Неугасаемый пред ним огонь есть доказательство непрерывного излияния усерднейших сердец.

лись две: «Притча о девах мудрых и неразумных» и «Богоматерь „Всех скорбящих радость”» (1790–1792, Тверская областная картинная галерея). См.: «...Красоту ее Боровиковский спас»: Владимир Лукич Боровиковский. 1757–1825. К 250-летию со дня рождения художника. М.: М-Сканрус, 2008. Ил. 148; Владимир Лукич Боровиковский. 1757–1825. Религиозная живопись. СПб.: Palace Editions, 2009. Кат. № 2. С. 97. Ил. 4; Кат. № 3. С. 97. Ил. 3.

³⁶ В 1785 г., во время проезда из Москвы в Санкт-Петербург через Торжок, Екатерина II заложила основание Борисоглебского собора. Специально изготовленные медные посеребренные молоточек и лопатка хранились в соборе как реликвия. См. текст Сегюра.

³⁷ В Борисоглебском соборе покоились мощи преп. Ефрема (обретены в 1572); под спудом собора — мощи его ученика преп. Аркадия (обретены в 1677). В связи с закрытием монастыря в июле 1931 г. раки с мощами святых были перенесены в Благовещенскую (Михаилоархангельскую) церковь, где находились до 1936 г. Судьба мощей новоторжских святых неизвестна.

В прочем примечательны в городе Соборная церковь древностью,³⁸ женский монастырь,³⁹ 23 приходские церкви, народная и духовная школы и несколько богаделен.

Купечество новоторжское, будучи весьма богато, производит великие торги к Санкт-Петербуржскому порту хлебом, нефтью,⁴⁰ салом и другими товарами; также имеет в городе множество кожевенных, солодовенных и уксусных заводов; да и вообще все жители весьма деятельны: мужчины и женщины занимаются шитьем кожевенных товаров, а некоторые из первых — хорошие каменщики, штукатуры или черепичные мастера.

Новоторжская знатность есть хорошие козлиные кожи, тюфяки, чемоданы, портфели, маленькие бумажники и всякой кожевенной товар.

Мужчины гостеприимны, обходительны, говорят чисто, но так привязаны к старинным обычаям, что нет ни одного из них в немецком платье;⁴¹ женщины же еще более сохраняют седую древность во всей ее оригинальности и одеваются отлично от всех ближних селений. Главная их одежда есть весьма узкий, под шеей плотно стянутый, короткий до колена сарафан из золотой, шелковой или китайчатой материи,⁴² а больше из сукна сделанный. *Рубашка* всегда долгорукавная с набором.⁴³ На голове низанный жемчугом или золотой *кокошник* (точная плоскодонная круглая чашка), имеющий сзади на ладонь шириною спуск *подзатыльник*.⁴⁴ В таком наряде внучка с прабабушкой за 200 лет очень сходны, и ужасное преступление было бы сделать какую перемену!⁴⁵

³⁸ Спасо-Преображенский собор построен в 1364 г. (ПСРЛ. Т. III. С. 368).

³⁹ Воскресенский женский монастырь основан в XVI в., закрыт в 1920-е гг. В соборном храме Воскресения (1796) хранилась икона Воскресения Христова, пожертвованная инокиней царицей Марфой Ивановной, матерью царя Михаила Федоровича.

⁴⁰ Здесь: деготь или жидкая смола (*Даль*. 2, 542).

⁴¹ Немецкое платье — европейский костюм.

⁴² Китайчатая материя, китаяка — первоначально шелковая, затем хлопчатобумажная легкая ткань, производившаяся в Китае и массово ввозившаяся в Россию в XVIII в.; в начале XIX в. была вытеснена тканью отечественного производства.

⁴³ Наборы — посадка в одежде, складочки, боры (*Даль*. 2, 379).

⁴⁴ Подзатыльник (позатыльник) — деталь женского головного убора «унизка и оборка с тылу у кокошника» (*Даль*. 3, 143).

⁴⁵ Ср. характеристику новоторжского и, далее, тверского женского костюма с описанием и иллюстрациями Солнцева.

Девушки новоторжские любят гулять и никогда не скрываются. В праздничный день крепостной вал покрыт ими, а следовательно, и молодыми мужчинами.

По всей дороге слыша наречие, далеко отличное от правильного, весьма удивишься, что в одном Торжке женщины уверяют о себе: «Нашей р *цы* *цы*ци в св *це* н *тъ*». ⁴⁶ Оставим их до времени в своих подзатыльниках антиками, и, при всеобщем образовании умов, станем как редкость слушать разговор двух девушек.

Елеша. Здорова, здорова, Паша! гди ты была?

Паша. На дивизиники недели две как гоцу.

Елеша. Какова невеста?

Паша. И!! хороша, матка!

Елеша. Ходют ли робяты к вам?

Паша. Ходют, ходют — вчорась всю ночь Яшка да Ванька проиграли в балалайку, а мы пили писни, да я видила и твово Василья — он мни-ка говорил, што тебя давно не видал, думает, не наговорил ли на ниово кто тебе.

Елеша. Нит, нит! Кому наговорить, да он хочит мене обмануть — говорит, полюби мене, — я тебя люблю, говорю я, — да он проситцы в гости, ха! ха! ха! видна дила зачим — я говорю: ин женись на мни-ка, так ни в гостинку будит гось — нит, нит, мене ни обманит!

Паша. Ну, прощай, мни-ка пѣора итти, да приди — так ещо поговорим ⁴⁷.

На пути от Торжка до Меднова чрез 33 версты все места открытые и безлесные; одна прекрасная усадьба г-на Глебова на горе, рощами окруженная, уже заставляет любоваться собою. ⁴⁸

⁴⁶ «Нашей речи чище в свете нет». — И подлинно! — Прим. Глушкова. «Нашей р *цы* *цы*ци в св *це* н *тъ*». Произношение ударного [и] в соответствии с литературным [э] и цоканье — характерные признаки древненовгородского диалекта, которые частично прослеживаются в графике новоторжских берестяных грамот XII—XIII вв. (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 39, 52, 70).

⁴⁷ В новоторжском говоре Глушков зафиксировал оканье и дифтонг [ѣо] в первом предударном слоге, [в] в соответствии с литературным [j] в абсолютном начале слова, а также устойчивое употребление частицы -ка.

⁴⁸ Усадьба Ф. И. Глебова-Стрешнева Знаменское-Раек (1787—1790-е) была спроектирована арх. Н. А. Львовым (нач. 1780-х), строилась арх. Ф. И. Буци, А. А. Трофимовым (с 1787), Ф. И. Руска (с 1797). См.: Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М. Архитектор Н. А. Львов. М.: Госстройиздат, 1961. С. 23—24, 73—85.

Медное — небогатое село, стоящее по обеим сторонам реки Тверцы, — имеет изрядную церковь⁴⁹ и против ее каменный императорский дворец,⁵⁰ отсюда до Твери 30 верст.

Теперь продолжается от часу лучшая каменная дорога; глубокие по обеим сторонам каналы делают ее всегда сухою, а каменные мосты через некоторые рытвины — безопасно; несколько покажутся беспокойны пески, на небольшом пространстве лежащие, но это наградится вскоре прекрасным зрелищем Твери, которая за 17 верст с песчаной *Савинской* горы⁵¹ видна.

Город *Тверь* название имеет от слова *твердь* (*крепостца*), которую великий князь владимирский Всеволод Георгиевич в 1182 году построил на *Волге* при устье реки *Тверцы* для защищения владений своих от набегов новгородских и новоторжских. Но как тут жителям показалось невыгодно, то они стали селиться на нынешнем городском месте при устье небольшой реки *Тьмаки*, куда перенесена потом и крепостца великим князем Ярославом Всеволодовичем и настоящий город основан около 1242 года. Красивое и к торговле способное при реках положение города сего немедленно привлекло много поселенцев, и он вскоре сделался удельным княжеством. Первый князь его был *Ярослав Ярославич*, брат *Александра Ярославича Невского*; а по нем наследовали непрерывно по линии 14 князей, называвшиеся тверскими до великого князя *Ивана Васильевича Московского*, бывшего потом самодержцем всея России, который, присоединив Тверское княжество к Московскому, посылал для управления его воевод или наместников. *Петр Великий* оное княжество сделал новгородской провинцией, *Екатерина же II* в 1775 году открыла из него первую в России образцовую губернию.

Тверь от начала своего имеет епископский престол, основанный в 1271 году. Епископ именуется *Тверской и Кашинский*.

В княжение *Михаила Александровича*, около 1350 года, в *Твери* и *Москве* начали делать первые российские деньги.

Сей город претерпел много разорений от татар и литвы, особливо же от последних, которые в 1606 году, взяв его осадю, весь истребили огнем. В 1763 году вся городская сторона, на которой дома были деревянные, сильнейшим пожаром превращена в пепел; но *Великая Екатерина*, соболезнуя о несчастье подданных и возлюбя прекраснейшее положение места, монаршими своими щедротами воздвигла

⁴⁹ Церковь Казанской Иконы Божией Матери построена в 1764 г.; в 1929 г. закрыта, вновь открыта в 1991 г.

⁵⁰ Императорский путевой дворец (1764) располагался напротив Казанской церкви и создавал единый архитектурный ансамбль; не сохранился.

⁵¹ С. Савино Тверского у.

тут каменный город и вознесла его на такую степень знатности, что он ныне принадлежит к первейшим. Чувствуя сие под каждой кровлей покоящийся обыватель со слезами рассказывает семейству своему о том беспримерном милосердии, которое сия мать Отечества тверским гражданам обильно изливала. Она из ссудной казны устроила каждому из них каменный дом, покрытый железом, городу — гостинный двор, магистрат, каменную дорогу, и всё это милосердно им подарила! Какой же лучший в свете создан монумент, как не сей в сердцах благодарнейших тверитян!

Под самую Тверью, проехав густой лес, стоит на глубоких песках мужеской *Малицкий монастырь святого Николая*,⁵² окруженный каменною стеною с башнями. Основание положил ему в 1667 году стольник Григорий Овцын;⁵³ а нынешние каменные здания, соборную церковь, другие три, хорошую колокольню, братские кельи и прочие службы построил в 1753 году граф Петр Иванович Шувалов.⁵⁴

Теперь во всем великолепии открывается вид города Твери; прочтите письмо некоторой девицы, писанное оттуда в ответ, можно ли с удовольствием жить в оном городе, и узнайте справедливость ее описания.

«Любезный друг! Вы, желая удалиться от шумных увеселений большого города, хотите сыскать спокойствие и приятность в нашем,

⁵² Николаевский Малицкий мужской монастырь (с. Николо-Малица) основан между 1584—1595 гг., назван по имени речки Малицы, огибавшей его с севера и запада и впадавшей в р. Межурку — приток Волги. Основные здания построены в конце XVIII — XIX в. В 1941 г. был почти полностью разрушен; восстанавливается.

⁵³ В 1676 г. на пожертвования тверского дворянина, стольника Г. Д. Овцына вместо сгоревшей деревянной церкви был построен пятиглавый каменный храм во имя Всемилоственного Спаса с теплыми приделами святителя Николая и иконы Пресвятой Богородицы Одигитрия, восстановлены братские кельи и службы в монастыре.

⁵⁴ В дни коронации Елизаветы Петровны 1742 г. графиня М. Г. Шувалова, состоявшая в свите императрицы, по дороге из Петербурга в Москву серьезно заболела; остановившись в Малицкой слободе, она дала обет перестроить монастырь. Во исполнение обета с 1751 г. начались работы по каменной отстройке монастыря в стиле барокко. Территория монастыря была обнесена каменной стеной с четырьмя башнями по углам, в центре располагался перестроенный Спасский собор в виде усложненного греческого креста с приделом святителя Николая и ризницей, к востоку от соборного храма братский корпус, в южной части настоятельские покои, над Святыми вратами двухъярусная колокольня, а по сторонам — церкви Покрова и Петра Афонского. В одной из них была мозаичная икона работы М. В. Ломоносова.

для чего и требуете от меня как описания Твери, так и совета, может ли она отвечать вашим намерениям? Какая трудная должность давать совет к сысканию спокойствия! — милая моя! оно или подле вас, или нет его нигде — всё зависит от нас самих, и мы крайне жалки, не умея наслаждаться каждую минуту благополучием. Но освободи меня, любезная, от этой философии, а позволь лучше дать вам понятие о моем отечестве.

Тверь — один из прекраснейших российских городов — расположен на месте весьма прелестном. Представьте себе ровную большую возвышенность, окруженную вдали тенистыми рощами, устланную зелеными лугами, обогащенную плодоносными жатвами, по коей течет кроткая Волга, та величайшая в свете река, струями которой орошаются многочисленные племена и языки, то будет слабая только картина сего завидного местоположения.

Там из-за синих сосен проглядывает *Малицкий* монастырь, здесь в тумане блещет златоглавый *Желтиков*,⁵⁵ недалеко на тихой Тьмаке безмолвствует убежище Христовых невест,⁵⁶ близко, под густыми ветвями лип и кленов, окруженный шумящими каскадами, красуется *Архиерейский дом*,⁵⁷ еще ближе на крутом берегу Волги виден *вокзал*;⁵⁸ вокруг же всего разбросаны деревеньки, мелькают загородные дома — и всё это в один миг и на одной плоскости представляется взорам. Посредине сей долины возвышается самый город, не гордостью пышных домов и огромных башен, но привлекательною скром-

⁵⁵ Тверской Успенский Желтиков монастырь (с. Борихино) основан святителем Арсением в 1394 г., основные сооружения построены в XVIII—XIX вв.; пострадал в 1930—1940-е гг.

⁵⁶ Христорождественский женский монастырь впервые упомянут в 1514 г., первый каменный храм с колокольней построен в 1765—1775 гг., в конце XVIII — начале XIX в. сооружена новая кирпичная ограда с угловыми башнями и двумя воротами. Над восточными воротами возведен храм (предположительно проект Н. А. Львова), над западными — Спасская церковь с настоятельским и трапезным корпусами. Храмы: Христорождественский собор (1810—1820, на вклады царской семьи), Троицкая церковь с больничным корпусом (1830—1832). В 1920-е гг. монастырь упразднен, в 1999 г. возобновлен (*Свод. Ч. 1. С. 552—560*).

⁵⁷ Летняя резиденция тверских архиереев Трехсвятское с архиерейским домом (1777—1783, арх. Ф. Ф. Штенгель). *Свод. Ч. 1. С. 214*.

⁵⁸ Публичный сад на берегу Волги, по аналогии с лондонским Воксхоллом названный вокзалом (1776), имел регулярную планировку, в миниатюре повторяющую трехлучевую планировку Твери. Ближе к берегу был поставлен каменный павильон — круглый зал с двумя кабинетами, оркестром и бельведером (*Свод. Ч. 1. С. 202*).

ностью, прелестною посредственностью и как бы милою нежностью украшенный.

Особливо при въезде в него из Петербурга встречаете живописную картину. Вы видите в проспекте извиающуюся Волгу, по берегу ее расположена обнесенная валом крепость,⁵⁹ потом продолжается в удивительном равенстве и симметрии набережная, из-за нее возвышаются верхи домов, купола церквей, шпицы колоколен; а наконец всё оканчивается темным лесом мачт барочного флота,⁶⁰ несущего из отдаленнейших краев России несметные богатства в могущественную столицу Севера. Противулежащая сей сторона отвечает подобною набережною, множеством церквей и цветет рассеянными по кособогу Волги садиками; но всё так стройно, так у места и с такой правильностью, что каждый предмет вас остановит если не для удивления, то для услаждения чувств, знающих гармонию.

Оставя наружность города, надобно сказать о его здоровом климате, благорастворенном воздухе, тех умеренных летних днях, тихих и светлых ночах, которые здесь целыми месяцами продолжаются, и, прибавя к тому во всём дешевизну, честность нравов, распространяющееся просвещение, незастенчивое обхождение и другие отличности, без пристрастия могу назвать этот прелестный город единственным, несравненным!

Теперь опишу наше собственное удовольствие. Мы вовсе не имеем того несчастья, чтоб десятью часами начинать утро, но часто первый луч солнца и первая песнь соловья разбудают меня — и я вместе с хором пернатых благословляю Создателя в садике моем, находя на каждом шагу следы Его могущества и премудрости; возвратясь оттуда в кабинет мой, читаю творения чувствительных душ, проливаю слезу сострадания о несчастных и, утомив себя, так сказать, сладостной горестью, прочитываю потом письма друзей моих и опять предаюсь веселому воображению. Тут следует завтрак, упражнение в рукоделье, игра на клавесине; приезжают ко мне друзья, рассказывают вчерашние новости, происходят невинные шутки, разговоры о нарядах; бьет двенадцать, и мы обедаем; после в ожидании кофе; и как добренькие старушки или разговаривают об экономии, или удивляются рассказам приезжих франтов, мы на балконе пропеваем какую-нибудь арию, нежная малиновка нам аккомпанирует, мы бежим ее сыскать, она улетает, заманивает нас далее и далее, как,

⁵⁹ Остатки Тверского кремля.

⁶⁰ Тверская гавань находилась при впадении Тверцы в Волгу; в 1853 г. пароводное общество «Самолет» основало здесь пристань Тверь.

наконец, улетев из виду, нечувствительно доставляет нам сколько здоровое, равно и приятное движение, какого в вашем большом городе вы, конечно, не имеете.

В четыре часа и позже ездим в гостиный двор,⁶¹ или загородные рощи, публичные сады, дружеские общества, но всегда без принуждения, без пышности, а как в собственное семейство — так проводим мы почти каждый день с большей или меньшей разницей, зависящей от случаев и обстоятельств.

Праздники и торжества доставляют нам особливые увеселения: тогда и мы, подобно вашим модницам, стараемся превзойти одна другую во вкусе и ловкой приятности нарядов. Между тем нет ничего смешнее, как видеть наших деревенских щеголих, одетых не по рисунку или описанию знающей свет барыни, но по словам бабушки своей, которая, будучи в прошлое воскресенье в рядах, увидела городскую модницу в лавке и, приехав домой, рассказала до последней булавки своей внучке. Вы поверите, что оригинал, по такому описанию одетый, бывает забавнее тех копий, какие мы собой делаем, одеваясь по письмам, от вас получаемым.

В честь торжественному дню мы всегда жертвуем Всевышнему изливанием усердия в святом храме Его и научаемся в нем истинам, служителями Божьими проповедуемым.

Обедаем в дружеских собраниях или у себя, потом развозим визиты, а вечер проводим в театре, на бале или воксале. Вы хотите знать, что есть воксал? Это публичный сад, лежащий на крутом берегу Волги, в котором непроницаемые липовые аллеи, на английский вкус проложенные в лесочках дорожки, разнообразные в тени беседки, дерновые на лугах софы, для народа поставленные качели составляют по наклонности каждого особый род прогулки и удовольствия. Многолюдство в нем бывает великое, но доброе воспитание содержит каждого в кругу своего состояния, так что подобного порядка и тишости едва ли где сыскать можно.

Вот, милой друг, что называю я прелестным и любезным житьем. Вы больше меня видели свет, то лучше и судить можете о его приятностях, и мне не остается ничего сделать, как просить, чтоб вы, слича наши удовольствия, покой и свободу с вихрем света, решились потом на то или другое. В окончание же всего повторю мое прежнее мнение,

⁶¹ Гостиный двор (1765—1768, предположительно арх. П. И. Обухов; возможно, типовой проект, в основу которого положен проект В. В. Растрелли Гостиного двора в Петербурге, 1757) находился на территории современного драматического театра; фрагмент сохранился по Свободному пер. (Свод. Ч. 1. С. 202).

что не место делает человека благополучным, а состояние души его, как и нежный наш писатель *Карамзин* говорит:

Кто в мире и любви умеет жить с собою,
Тот радость и любовь во всех странах найдет.⁶²

Так, моя милая! и на хладном краю Севера, и на цветущих равнинах романической Гишпании, в огромных палатах и в бедной хижине с доброй душой, чувствительным сердцем, умея быть довольною, равно можно наслаждаться благополучием. Живи, милая моя, как велит твое сердце; а оно нежно, чувствительно, преисполненно добра, и я уверена, что ты и в деревне, вдали от города, найдешь при себе благополучие, тебя достойное, которого с усердием и желает тебе друг твой. N.N. 1795 года».

После сего осталось только знать о Твери географическое положение с некоторыми другими отличиями.

Тверь. Губернский город в 565 верстах от Санкт-Петербурга и во 163 верстах от Москвы, под 57°51' широты и под 54°45' долготы, лежит на ровном месте по обеим сторонам *Волги*, разделяясь ею и впадающими в нее реками *Тверцой* и *Тьмакой* на четыре части: *Городовую*, *Затьмацкую*, *Заволжскую* и *Затверецкую*.

Строение в нем большею частью каменное превосходной архитектуры. Лучшее находится в крепости и городской части, а именно в крепости: пространный императорский дворец с садом и церковью во имя св. Екатерины, в которой великолепный алтарь, окруженный 16-ю коринфского ордера колоннами,⁶³ есть точное подобие алтаря церкви Императорского кабинета в Санкт-Петербурге.⁶⁴ Здесь поставлена аллегорическая картина, представляющая благодарную Тверь

⁶² *Карамзин Н. М.* На разлуку с П<етровым> (1791) // Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1966. С. 105. Библиотека поэта; Большая серия. Эти стихи Карамзин поставил эпиграфом к отдельному изданию «Писем русского путешественника» (1797).

⁶³ Екатерининская церковь (1770–1778) была устроена в западном павильоне путевого дворца. Живописные работы для нее выполнил Д. А. Крюков, лепнину — Карпов, проект иконостаса — арх. Ф. Ф. Штенгель, иконы В. Л. Боровиковский.

⁶⁴ Кабинет был создан в 1704 г. как личная канцелярия Петра I; с 1801 г. — придворное хозяйственное учреждение, ведавшее Кабинетными владениями и имуществами в Сибири и на Алтае, Императорским фарфоровым и стеклянным заводами, Императорской шпалерной мануфактурой, Петергофскими гранильной и бумажной фабриками, Царскосельскими бумажной и обойной фабриками.

в выразительном положении к милосердию Екатерины Великой.⁶⁵ Каждый тверской гражданин с пролитием у священного алтаря слез делает надпись сей церкви:

Как двух Екатерин всяк век не позабудет,
Так сей священный храм стояти вечно будет:
Любящая чрез них Небесна Благодать
Во веки сотворит безвредно Тверь стоять.⁶⁶

Потом примечательны: Соборная церковь вся из белого камня, наилучшей архитектуры колокольня,⁶⁷ семинария для 700 духовных детей,⁶⁸ губернаторский, комендантский и несколько частных хороших домов.

Выходя из крепости каменным чрез ров мостом, открывается прекраснейшая перспектива, называемая *Миллионная*,⁶⁹ состоящая из домов в одинаковую высоту. Она, начинаясь двухэтажным великим гостиным двором и торговою площадью,⁷⁰ простирается чрез другие три до конца города, где пересекает ее обширный больничный дом.⁷¹ На первой, *Екатерининской* площади,⁷² окруженной великолепными для присутствия домами, поставлен из дикого камня высокой столб с надписью, что в царствование Великия Екатерины началось строение прочной между столицами дороги и означено расстояние от оных.⁷³

⁶⁵ Полотно аллегорического содержания, часть декора Триумфальных ворот (1787), находится в собрании ТОКГ (*Горбунова А.* Триумфальные ворота в Твери // Тверская жизнь. URL: <http://www.tverlife.ru/news/20538.html>).

⁶⁶ Надпись к городовому теплому собору II // Тверския семинарии школьные упражнения. Продолжение четвертое. [Б. м.], 1779. С. 18.

⁶⁷ Спасо-Преображенский собор с колокольней.

⁶⁸ Здание духовной семинарии (1777–1779) находилось рядом с путевым дворцом; не сохранилось.

⁶⁹ Ныне ул. Советская, участок рва, где находился мост, засыпан.

⁷⁰ Ныне Театральная пл.

⁷¹ Городская больница (1779–1785, арх. Ф. Ф. Штенгель) замыкала перспективу Миллионной ул. с востока. Выступавшая в центре главного фасада эффектная полуротонда с двумя колоннами, завершенная купольным бельведером, была ориентирована точно по оси главной магистрали города (*Свод. Ч. 1. С. 215–216*); не сохранилась.

⁷² Восьмиугольная (Фонтанная, Екатерининская, Монументная, Судейская) пл.

⁷³ Монумент, возведенный по инициативе тверского дворянства (1779–1780, арх. Ю. М. Фельтен; единственный прижизненный памятник Екатерине II), представлял собой гранитный обелиск из дикого камня, завершённый медным позолоченным шаром; разобран в 1811 г.

На 2-й, *Полуциркульной* по ее виду, находятся богатые дома почтамта, многие частные и народная школа, также видно величайшее здание дворянского училища.⁷⁴ На сей площади до 1796 года стояли великолепнейшие Триумфальные по образцу римских врата, воздвигнутые от благодарной Твери Екатерине Великой по случаю возвращения ее из полуденного края России.⁷⁵ Какие дорогие были аллегорические картины! Какие выразительные надписи! Под одною великою картиною, на которой представлена российская законодательница, везомая в триумфальной колеснице всякого состояния народом по пути, устланному розами, было написано:

Хоть не всегда лицо твое, Богиня, зрим;
Но вечным пламенем усердия горим.

Никто без радостных слез не смотрел на сию картину! — ни один гражданин не проходил мимо ее без благоговения. Далее за тем на 3-й, осьмиугольной площади,⁷⁶ обсаженной липами и березками, ставятся качели и происходят публичные торжества. Наконец, любопытный путешественник, спускаясь на мост реки Волги, замечает обе ее набережные и стоящий на устье Тверцы *Отрочь монастырь* — памятник одного несчастливца.⁷⁷

Кроме всех изрядных строений, прямых и широких улиц, которыми Тверь славится, находятся в ней: 2 монастыря, 29 каменных церквей, архиерейский загородный дом, публичный воксал, воспитательный дом,⁷⁸ несколько богаделен и больниц, рабочий, как крепостца, дом,⁷⁹ полотняная фабрика и довольно число канатных, воскобойных и других заводов. Сверх того есть театр,⁸⁰ на котором с удивительным успехом играны были разные пьесы и даже с изображением сильнейших страстей трагедии. Главнейшую труппу составляло *вольное благородное общество*,⁸¹ а другую — воспитанники дворянского училища; но ныне общество молодых людей разошлось, и театр остался

⁷⁴ Полуциркульная (Почтовая) пл.

⁷⁵ См. текст Храповицкого.

⁷⁶ Восьмиугольная (Сенная) пл.

⁷⁷ См. о нем далее.

⁷⁸ Сиротский дом (ок. 1781, арх. Ф. Ф. Штенгель) не сохранился (Свод. Ч. 1. С. 214).

⁷⁹ Работный дом входил в комплекс приказа общественного призрения (Свод. Ч. 1. С. 231–232).

⁸⁰ Первое в Твери специальное театральное здание было построено в 1787 г.

⁸¹ Вольное благородное общество было создано в 1801 г.

без действия; впрочем, имеет он все надобные декорации и богатые, особливо мужеские, платья.

Купцы тверские весьма зажиточны и отправляют знатным количеством в Санкт-Петербург на барках хлеб, пеньку, сало, масло и другие товары; а притом и в самом городе производят большие торги; мещане же, занимаясь рукодельем или хождением на барках, все вообще имеют безнуждное пропитание; особливо женщины — хорошие *домоседки* и *огородницы*. Каждая продажею капусты, огурцов, картофеля и другой зелени не только довольствует себя нарядами, но часто иная кормит ленивого мужа и дом содержит. Зимой все женщины без исключения, от шестидесятилетней старухи до пятилетней девушки, вяжут для простого народа особливим узлом шерстяные чулки и рукавицы, называемые *вариги* или *вязенцы*, коих расходуется в продажу по окрестным селениям и городам на весьма знатную сумму.

Тверской продукт есть *жемки* — крупитчатые, на меду, с разными пряными кореньями, весьма вкусные и, как снег, белые пряники. Их есть разные виды: *коврижки* (четвероугольные), *рижики* (круглой фигуры), *стерлядки* (рыбки), *жемки* (квадратные маленькие пластинки), *горох* и *крупа*.

Нравственность в купеческом и мещанском состоянии примерная. Каждый отец с особливым рачением воспитывает сына своего богобоязливым, кротким, почтительным, не мотом и для укоренения заранее во всех оных добродетелях, а особливо в постоянстве женит его в молодых летах — в 14 или 16 лет. Между девицами примечается также отличительная нравственность. Никогда хорошо воспитанную девицу не увидишь одну в публичном месте, а чтоб идти ей на гулянье, в церковь или в гости, то неотменно провожает ее замужняя женщина. Славное девическое гулянье бывает в Твери после Петрова дня⁸² 3 или 4 недели сряду. Тогда каждая в прошлой мясоеде⁸³ вышедшая замуж *молодая* собирает к себе в гости прежних подружек, которых менее 12-ти редко бывает, и с ними, одетыми как можно богаче, прогуливается по улицам, крепостному валу или публичным садам.

⁸² День св. первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня (12 июля) был одним из важных годовых праздников, ему предшествовал Петров пост. Типичной чертой праздника являлись молодежные гуляния. Специально для петровских гуляний устанавливали качели, которые часто воспринимались в народе как символ праздника.

⁸³ Мясоед — период, когда по православному церковному уставу разрешена мясная пища; здесь — между Великим и Петровым постами, т. е. с Пасхи по воскресенью троицкой седмицы — недели после Дня Святой Троицы.

Прекрасный обряд! 12 или 20 девушек в пребогатых уборах составляют линию, которую ведут две или три молодухи — какая благопристойность, тихость и учтивость их сопровождает!

Платье женское у замужних странно; но у девиц весьма прелестно, особливо когда они одеты по-домашнему.

Каждая здешняя девица, имея тонкий стан, носит с длинным, в пол-аршина подолом, наперед застегнутое пуговицами, а назади бористое платье, называемое *ферези*,⁸⁴ у которого маленькая спинка соответствует нынешним Санкт-Петербургским модным. *Рубашка* у них тонкая, кисейная, имеет пышные рукава с дорогами из кружев манжетами и обнажает прекрасную грудь, украшенную крупным жемчугом. Высокая грудь подпоясана лентою, из-под которой опускается богатый *передник*, а голова украшена высокою, низанною жемчугом *повязкою*. В таком милом наряде, в котором обозначивается стройный стан со всеми его нежностями, и с такою ловкою походкою, как тверянки умеют ходить, каждая привлекательна. Платье у замужних женщин подобное же, с отличием только головного убора. Они на голове носят почти вертикально стоящую из толстой бумаги доску, вышиной в $\frac{3}{4}$ аршина, выложенную золотыми гасами и жемчугом, которой фигура вверху круглая, оканчивающаяся внизу, у ушей, прямыми углами. Сей тягостной, как сами они признаются, убор называется *кокошник*.

Тверское наречие чисто и особенно от других приметно по своей учтивой присловице *-ста*. Тверянки разговаривают:

Л. Красная девица! Дома ли ста матушка твоя?

Д. Нету-ста — она-ста ушла в ряд с подсадою.

Л. Чай, вы-ста взбогатели от рассады да огурцов, вить, как житца, у вас-ста большой огород?

Д. Недрянна-ста велик, однако-ста Бог послал ноница рублей на сороковину-ста кой рассады, кой ботвиньи-ста.

Л. Да сколько-ста вас у матушки-та?

Д. Троичка-ста.

Л. Ну прости-ста — скажи-ста матушки-та, что Лукишна-кокошница приходила.

Д. Нешто-ста.

⁸⁴Ферезь — старинная верхняя одежда длиной почти до лодыжек, без перехвата и воротника, с длинными суживающимися к запястью рукавами; впереди застегивалась пуговицами с длинными петлицами или схватывалась завязками (Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896).

Такая повсеместная учтивость доказывает благонравие. Некоторые проезжие заметили, что она простирается до смешной тонкости. Однажды сидевшая до того в молчании с матерью красавица говорила:

Д. Матушка-ста!

М. Ась-ста!

Д. Кошечка на пирашках-ста.

М. Так сгонь-ста.

Д. Ин брысь-ста!

От Твери до следующей станции, именуемой Воскресенское,⁸⁵ 25 верст.

Недалеко от Твери по большой дороге примечается, как дорогая редкость, большой мост, из дикого камня чрез разливистую речку тремя сводами построенный. Здание сие тем удивительнее, что сделано в стороне, от каменных приисков весьма отдаленной.

Воскресенское — новая станция, на которой берут лошадей, до Завидова на 31 версту. За сим селением примечательно хорошее помещичье село г. Бема⁸⁶ *Городня* с каменной церковью⁸⁷ и императорским дворцом.⁸⁸ В нем прежде отправляли гоньбу казенные ямщики, назначаемые по очереди из других многих ямов; превосходнейших же лошадей имеют сами городенские крестьяне, приученные к охоте и искусству скоро ездить господином своим, который почитается в московском краю славным *ездоком*.

Не доезжая *Городни*, на Волге стоит село *Едимоново*,⁸⁹ а в Твери замечен нами *Отрочь монастырь*, имеющий с ним связь, то здесь кстати расскажем ее.

При дворе первого *тверского князя Ярослава Ярославича*⁹⁰ служил любезных достоинств *паж*, по-тогдашнему названию *княжий отрок*. *Григорий* (имя его) был украшен всеми дарами природы, прекрасен, разумен, добродетелен, имел чувствительное сердце и был

⁸⁵ С. Воскресенское Тверского у.

⁸⁶ Петр Алексеевич Бем, бригадир, владелец *Городни*.

⁸⁷ Церковь Рождества Пресвятой Богородицы (конец XIV — начало XV в.), единственный сохранившийся памятник древнего тверского зодчества.

⁸⁸ Путевой дворец в *Городне* построен по указу Екатерины II в стиле позднего барокко (1776), сохранились главный корпус, два флигеля и ограда с воротами.

⁸⁹ С. Едимоново Корчевского у.

⁹⁰ Ярослав Ярославич (1230—1272), первый самостоятельный князь тверской (с 1247), великий князь владимирский (с 1264).

первейшим любимцем молодого своего государя. Счастье во всем благоприятствовало ему, чины и богатство щедро изливались от государя, а уважение от бояр подавало лестную надежду вступить в знатнейшие супружества; но он наслаждался свободою — сердце его так было чисто, как лазурь светлого неба. Мысль его занималась только угождением государю, и они как друзья пребывали всегда неразлучны. Однажды *Григорий* поехал в деревню, недавно государем ему подаренную, и там потерял свободу: прекрасная поселянка, дочь *Едимоновского церковника*, которую он, посещая часто полевые работы, нечаянно встретил, нежная *Ксения* пленила его сердце. Никогда тамошние златые поля и извивистые ручейки не имели счастья видеть прекраснее сей нимфы, никогда природа не производила с таким совершенством стройного стана, лилейного и украшенного нежным румянцем стыдения лица, какое имела юная *Ксения*, обожаемая чувствительным *Григорием*. Уже они любили страстно друг друга — уже сливались сердца их в уединенном беседовании, и настал час соединения, на которое сам государь дал позволение. Всё было изготовлено, богатство под кровом сельской простоты поставило брачный чертог, и робкая *Ксения*, приведенная в храм седовласым ее родителям, держа брачную свечу, уже готовилась произнести пред алтарем клятву в вечной любви и верности, как вдруг движется окружающий счастливую чету сию народ и является государь. Томная *Ксения* потупляет прекрасные голубые глаза, а изумленный *Григорий* цепенет, как пораженный громом. Сердце сказало ему, что наступил роковой час — час вечного несчастья его. Он, опустив дрожащую руку *Ксени*, не смеет взглянуть на государя: казалось, дружество упрекает его, что он скрытно соединяется с таким ангелом.

Молодой, пылкий государь увидел прекрасную *Ксению* — и предложил ей руку свою с короной. Свято княжеское слово — минута решительна — страсти на трех лицах, тут действующих, неизъяснимы, увы! В одно магическое мгновение *Ксения*, та нежная, верная *Ксения* уже разделяет с государем порфиру и делается княгинею. Громкие клики радостного народа раздались по селу в провожании государя с младой супругой в новосозданный город Тверь.

Когда княжий отрок поехал жениться, то *Ярослав*, разлучась с ним, вздумал прогнать гнетущую его скуку соколиною охотою. Он разъезжает в окрестностях Твери, утешается добычей, как вдруг любимый сокол взвивается высоко и, улетая в сторону, увлекает за собою государя со всею свитою; потом, опустясь, садится на крест *Едимоновской* церкви. В ожидании, пока слетит он на зов сокольничего, *Ярослав* прогуливается по селу, видит в праздничных платьях поселян, узнает причину, входит в церковь и делает несчастным своего любимца,

друга, юного отрока *Григория* — вот каким образом Ярослав пришел нечаянно в церковь.

Кто может описать горесть опечаленного *Григория!* — всё тогда с ним свершилось, чего б он мог ожидать от разгневанного Неба!

Несчастный, скрывшись в толпе народа, поспешно удаляется, променяет брачную одежду на рубище нищего и идет сократить весенние дни свои в дремучие леса.

Ярослав, целые недели занимаясь празднованием своего благополучия, вспомнил, наконец, какой удар нанес бедному отроку и обещал великие сокровища тому, кто его сыщет. Каких трудов ни стоило пройти все пустыни и леса, однако нашли и представили государю изнуренного скорбью отрока. Какая встреча! Ярослав с исполненным раскаяния усердием предлагает Григорию в награду за нанесенную обиду первой степени чиновничества, но сей униженно просит единой милости — в дикой березовой роще на устье реки Тверцы построить ему хижину и дать в собеседование испытанной трезвости черноризца. Тут он посвящает себя на служение Богу, единому утешителю несчастных, и расстаётся скоро с жизнью. Огорчивший его друг, впрочем добрый и чувствительный, государь над прахом его созидаёт *монастырь*, придавая имя *Отрочь*, и там отдаёт последний долг несчастному. Нет там камня, означющего могилу сего бедного отрока, нет никакой надписи — одни только чувствительные сердца посещают уединенный монастырь тот и проливают в стенах его слезы сострадания.

Завидово — ям, дающий лошадей на 26 верст до Клина.

Любитель музыки, который слышал лучших итальянских певцов и виртуозов, поверит ли, что иногда русские ямщики одно колено песни поют 30 верст, от одной станции до другой. Это случается тогда, как судьба определит ехать с удрученным горестью, бедностью и летами ямщиком, который, вспоминая молодчество и желая угодить ездоку, начинает с трясущейся бодростью: «Э—эх! — да — харошо-о-ао-ао — любить — да — дружка — ми-и-и-ла-а-ава харашо — разумнава» — и вдруг, прервав песню, погоняет лошадей: «Эй! ну ты слышишь ли!» — потом опять продолжаешь петь: «Эх — да — хорошо любить... Эй вы родимые! — ну! ну! пашел!» Вот с какими вариациями продолжается во всю дорогу песня.

ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА

[1811]

Глинка Федор Николаевич (1786, имение Сутоки Смоленской губ. — 1880, Тверь), писатель, общественный деятель, участник декабристского движения. После участия в войне с Наполеоном 1805—1807 гг. Глинка вышел в отставку и поселился в родовом имении в Смоленской губернии. Желая изучить страну, он в 1810—1811 гг. совершает путешествие по губерниям центральной России. Вторая и третья части его книги «Письма русского офицера» содержат описание путешествия по Тверской губернии. Впервые опубликовано: Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. М.: Тип. С. Селивановского, 1815. Текст печатается по изд.: Глинка Ф. Н. Письма к другу / сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Зверева. М.: Современник, 1990. С. 56—110, 120—128, 138—143. Б-ка «Любителям российской словесности. Из литературного наследия».

РЖЕВ

Дальние окрестности Ржева почти безлесны. Лошади мчали нас по дороге, извивавшейся среди обширных полей. Разные картинные виды беспрестанно мелькали пред нами, но мы искали одной величественной Волги, которая, как нарочно, скромно таилась от жадных взоров путешественников, шумя невидимо в высоких берегах своих. Между тем солнце, скатившись с лазоревго свода, казалось, будто приостановилось над длинною грядою синевшего в стороне леса. Оно великолепно расширялось в золотых сияниях едва проникавших легкие тени сероватых сумерек. Последние лучи угасали на позлащенных крестах церквей, и вечер погружал в сладкую дрему шумный торговый город и всю природу.

Наконец река священная в мире — Волга открылась пред нами. Миновав небольшое предместье, мы очутились на крутом берегу; спустились с него и услышали шумную беседу ропотных волн, которые, одна другую беспрестанно вытесняя на песчаную отмель, то приближались к берегу, то вдруг стремительно, свиваясь в одну струю, неслись вниз по течению. Признаться, я, как ребенок, с жадностью бросился к реке, схватил в горсть светлой воды и утолил ею не столько жажду, как желание напиться волжской воды. Я пивал воду в Дунае, Днестре, Днепре, в Висле и в Буге, но волжская вода показалась мне вкуснее всех этих вод. Может быть, воображение приправило ее необыкновенною приятностью, однако ж в самом деле вода в Волге чрезвычайно легка и здорова. Между тем огромный плот, утвержденный на двух больших судах, медленно тянулся к нам по канату, будучи загроможден повозками и людьми, которые, а особливо женщины, пестрелись в разноцветных своих платьях.

Мы, верно, встретим на этом пароме белоликих здешних купчих. Не подумай, чтоб они употребляли вредное искусство — белила: нет! отменная белизна лица есть свойство прибрежных волжских жителей. Это должно происходить или от здоровой воды, или от легкого воздуха, которым дышат на гористых берегах Волги. — Так говорил мне друг мой, бывший уже не раз во Ржеве.¹ — В это самое время причалил плот к берегу; многие повозки загремели с парома и потянулись вверх по берегу. Наша повозка въехала на паром. Мы сами стали ближе к перилам, где сидели разряженные купчихи, которые, кажется, более для забавы переезжали взад и вперед по Волге. В самом деле я увидел здесь самые свежие, белые лица. После узнал я, что здесь не только женский пол, но и мужчины, будучи плотны и здоровы телом, имеют необыкновенную белизну и живой румянец на лицах. Отсюда начинаются прямо русские края, где народ, как говорят, *белотелый*. — В старину, описывая красавца, говорили: он бел и румян, как кровь с молоком! — Между прочими ехавшими на пароме приглянулась нам прекрасная белокурая девушка с светлыми голубыми глазами. Ее синий сарафан, золотая на голове повязка и длинная русая

¹ В сей поездке был мне товарищем В.с.л. Г.рчь Л.тк.вск., которого обстоятельства увлекали туда же, где и мне должно было побывать. — *Прим. Глинки.*

Речь идет либо о Лутковском Василии Григорьевиче, поэте, сотруднике «Северного Меркурия» (1809), либо о коллежском асессоре Лутковском Василии Алексеевиче (тогда непонятна ошибка в отчестве), владельце имения Владимирское Ржевского уезда. В состав имения входили дд. Дорки, Раменская, Ратова, Чичово, Шибалино. См.: Генеалогия. № 679.

коса, а более всего прелестное личико заставили нас с любопытством уставить на нее глаза. Женщина, сидевшая подле, подстерегла наши взгляды и вывела нас из забвения, сказав с усмешкою: «Что, господа изумились на девицу?» — «Как не изумляться на прекрасное!» — отвечал друг мой. Румянец — алая заря невинности — вспыхнул и разлился по белому лицу девицы — и миловидная, застенчивая красавица сгорела от стыда. Скромность и стыдливость, кажется, столь же свойственны ржевитянкам, как и белизна. Встречаясь с мужчиною, разумеется незнакомым, они заслоняют лицо полным кумашным рукавом. Фата, или кисейное покрывало, которое носят они на кокошниках, служит им также занавесом от нескромных взглядов: невинность страшится их пуце острых стрел.²

Переехав чрез Волгу, увидишь себя прямо на святой Руси! Здесь говорят чисто по-русски, одеваются по-русски: ферези, жемчужные кокошники и русые косы прелестны!.. Чистота в домах восхитительна!.. Каждую неделю не только полы, но лестницы и мосты на переднем дворе чистятся и моются набело.

Переправясь чрез Волгу, пошли мы по дороге, извивавшейся по крутому и каменистому берегу. Взобравшись наверх, очутились на градской площади, окруженной разными каменными строениями, между которыми отличается ряд лавок и еще утвержденный на прекрасных колоннах красивый купол, под которым повешены градские весы. В торговые дни украшается он разноцветным флагом. Ржев, так же как Киев и Смоленск, расположен на горах, которых скаты испещрены садами и огородами. — Рассматривая вскользь город, мы неприметно дошли к тому дому, в котором имел квартиру брат моего друга. Там приняли странников родство и дружба.

Во всю ночь шел проливной дождь, но к утру шум его утих. Солнце взошло великолепно и рассеяло серые туманы. Небо как будто расцвело в блистательной лазури. Тонкие серебристые пары, извлекаемые золотыми лучами солнца из Волги и влажных долин, тихо клубясь, всплывали вверх и сливались с дымновидными отрывками ненастных облаков, рассеянных по голубой тверди. Волга опочивала после бури. Высокие берега ее унизаны были судами; на многих веяли разноцветные флаги. Паром беспрестанно двигался от одного берега к другому. Легкие лодочки, как будто взапуски одна перед другою, мелькали по реке, оставляя за собою светлые изгибистые бразды.

² Разумеется, что здесь говорится только о купеческих женах и дочерях. Дворянство же в обычаях, нравах и одежде почти везде одинаково: в Москве, Петербурге, в Париже, Вене, Берлине; но не в Лондоне и Пекине — то есть везде таково, как в Париже. — *Прим. Глинки.*

Насладясь сим утренним зрелищем, пошли мы осматривать город. «Вот первый каменный дом во Ржеве, — сказал друг мой, — ему более ста лет». Дом этот готической архитектуры с штучными окнами покрыт железными плитами и с железными же ставнями. Предки наши, кажется, старались, чтоб у них всё было вековое, а не часовое. Как приятно хранить остатки древности! Они невольно возбуждают в нас почтение к старине... Надобно отдать справедливость ржевским жителям в том, что они в целости и сохранности умеют сберегать древние обычаи, нравы и здания.

КАНАТНЫЕ ФАБРИКИ

В погодный день, проходя по улицам Ржева, вы услышите повсюду шум и громкий треск колес. По обеим сторонам улиц, под навесами, устроены ряды колес, которых ободы унизаны крючками; к ним приклепляют пеньку. Колеса сии быстро кружатся; строи прядильщиков отступают мерными шагами назад, имея за пазухой пеньку, которую мало-помалу выпускают сквозь персты, обвернутые сукном. И таким образом прядутся тонкие веревочки, из которых потом свивают крепчайшие канаты. Работа сия сопровождается всегда веселыми русскими песнями.³

СКЛОННОСТЬ РЖЕВСКИХ ЖИТЕЛЕЙ К МЕХАНИКЕ

Всякий путешественник, наблюдатель нравов и обычаев отечественных, приехав во Ржев, заметит, что жители его склонны к механике. Но не всякому, думаю, случится тотчас по приезде познакомиться с одним из упражняющихся в сей науке. Друг мой ввел меня в дом почтенного П. И. Д.⁴ Не упоминая о прочих прекрасных качествах его души, которыми он снискал любовь и почтение всего тамошнего дворянства, скажем только об его упражнениях в механике. Лет за десять пред сим П. И. Д. оставил морскую службу и с того времени,

³ В 1782 г. в Ржеве считалось 7232 жителя, в том числе «торгующих гуртом 64 семьи, которые, скупая в Малороссии, Белоруссии, Смоленске и в окрестных уездах пеньку, хлеб и сало, отправляли водой к Петербургскому порту ежегодно на 553 956 руб.» (Генеральное соображение по Тверской губ. 1783—1784 гг. Тверь, 1873). В том же году в Ржеве было 15 прядилен и канатных фабрик; общий оборот торговли достигал суммы в 1 миллион руб.

⁴ Демьянов Петр Иванович († 1806). См. о нем раздел «Краткое известие о жизни Петра Ивановича Демьянова». В *Генсалогии* показан как сын капитана Ивана Леонтьевича и Екатерины Яковлевны, у которых были также упоминаемые ниже сыновья Леонтий, Лев, Яков и дочь Анна. Из них только Яков имел семью (см. о нем особо), остальные были бессемейными и бездетными.

живя в деревне, был выбираем в чиновники дворянские, но все досужные часы свои посвящал он любимым своим занятиям. Я видел плоды его трудов: они состоят теперь преимущественно в различных образцах разного рода мельниц. Примечательнейшая из них есть собственного его изобретения. Я думаю, что мельница, сделанная по сему образцу, покажется всякому удивительною. Мы привыкли видеть ветряные мельницы с крыльями, а та, которую изобрел г-н Д., не имеет их: она представляется снаружи в виде башни, замыкающей в себе быстрое движение простых, но прекрасных машин. Внизу сделаны отверстия, в которые заманивают ветер; в самом верху под куполом также несколько окон. Мельник открывает нижние окна в мельнице где надобно и ловит струю ветра, который, скользя в нижнее отверстие, становится, так сказать, пленником и, как будто негодуя на свою неосторожность, с поразительным свистом спешит освободиться чрез верхнее отверстие. Сим-то стремительным порывом кружит он бесконечный, или архимедов, винт, к которому приспособлены особого рода парусы, полагающие преграду стесненному ветру. Вот каким образом приведенное в движение большое горизонтальное колесо касается несколькими шестерням, и мельница, закрытая извне, мелет внутри на несколько поставов!.. Г-н Д. отличается свойственною русским охотою и способностью доходить до всего своим умом. Он чрезвычайно сметлив. Прочитав однажды в ведомостях, что один немецкий механик изобрел способ двигать противу течения рек нагруженные суда, П. И. тотчас представил себе, какую пользу могли бы получить чрез такой способ караваны судов, которые весьма медлительно, с чрезвычайными притом издержками, тянутся с низовых стран вверх по Волге с грузом соли и прочих драгоценных потребностей. Вдруг пришла ему охота попытаться угадать тайну иноземного выдумщика. Для этого стоило ему только углубиться в свой предмет, придумать, сообразить и — тайна открылась. Он показывал нам чертеж, по которому, приправив несколько колес, в судне можно и с грузом идти против воды. Чем быстрее стремление реки к низу, тем скорее судно движется вверх. При этом нужно только иметь особую небольшую лодку, на которой бы завозить якорь с канатом вперед.

Склонность ржевских жителей к механике открывается почти на всяком шагу: она подтверждается множеством мельниц в городе и окрестностях, а особливо примечательнейшею на Волге. Вспомним здесь, кстати, что славный русский механик Сабакин,⁵ посланный

⁵ Сабакин Лев Федорович (1746 или 1745–1813), механик. С 1776 г. жил в Твери, выполняя обязанности губернского механика. По повелению императрицы Екатерины II дважды побывал в Англии, встречался с Дж. Уаттом,

премудрою Екатериною в Англию, родился также в Тверской губернии, недалеко от Ржева, и в детстве еще показывал великую охоту и способность к художеству.

В *Старице* кузницы, построенные в горе, возбуждают любопытство путешественника: кто ж избрал для них столь удобное место и произвел постройку оных? — Старицкий купец *Матвей Алексеевич Чернятин*,⁶ который потом, сообразно с талантами его, сделан архитекторским помощником. Он по справедливости может умножить собою в Тверской губернии число тех, которые собственным прилежанием приобрели многие познания и усовершенствовались в разных художествах. Года за два пред сим один из ржевских мельников, также *механик-самоучка*, сделал *модель иллюза* на Тверце. Сей труд одобрен попечительным начальством, а художник ободрен приличным награждением. Еще пример: в осьми верстах от Ржева в селе Л... за несколько пред сим лет жил помещик О..., который сверх многих собственных изобретений сделал машину, заключающую в себе молотильню, веяльню и жернова. Снопы, положенные в состав машины, сперва были обмолочиваемы, потом зерна отделялись от соломы и мякин, а наконец, проходя чрез устроенные жернова, вытекали вниз мукою.

И теперь еще в окрестностях Ржева помещик Е...⁷ занимается строением мельниц по новейшим образцам. И в самом Ржеве моло-

первым на русском языке описал его паровую машину (Прибавление к Фергусовым лекциям, содержащее в себе о огненных машинах, 1787; Малое издание, или Разговоры, касающиеся до астрономии, физики и механики, основанные на ясных доказательствах и самопростейших опытах, 1789). В 1800 г. был переведен на Урал.

⁶ Чернятин Матвей Алексеевич (1771, Старица — 1846, там же), с 1798 г. городской архитектор Старицы, с начала 1800-х по 1813 г. управляющий имением генерал-майора А. Т. Тутолмина в с-це Новом. По его проектам в Старице построены каменные кузницы (конец XVIII — начало XIX в., ныне ул. Ленина), приделы-ротонды к церкви Рождества Богородицы (начало XIX в., ныне ул. Набережная), Тутолминская больница (1810, не сохранилась), Троицкая церковь Старицкого Успенского монастыря, усыпальница рода Тутолминых (1819, ныне ул. Пушкина), Борисоглебский собор (1820) и церковь-колокольня при нем (1827). В 1840—1845 гг. руководил строительством в Твери пансиона при Тверской мужской гимназии и Дома дворянского собрания (ныне Дом офицеров).

⁷ Скорее всего, один из представителей большого рода Есиповых, которым принадлежали в Ржевском уезде имения Знаменское (Феневки), Парихино, Козичино (Козицыно), Ильино, Макарово, Тархово, Пашино, Холдеево, хутор Кокошкино и с-цо Копытово.

дой родственник *Волоскова*⁸ *хитрой* самоучкой чинит всякого рода часы. Вообще все почти ржевские художники постепенно достигают совершенства в разных искусствах: сперва занимаются они деланием набоек, потом, разжившись несколько трудами своими, строят мельницы и затевают другие механические предприятия. — *Максим Егорович Немилов*, живущий теперь во Ржеве, может служить ясным доказательством, что там и до сей поры не перевелись еще остроумные художники-самоучки. Этот человек доказал на деле, что прилежание, соединенное с терпением, может всему научить. Нет художества, в котором бы он не упражнялся и которого бы хотя отчасти не постиг: он мастер золотых дел, слесарь, столяр, живописец и механик. Будучи чрезвычайно услужлив и трудолюбив, он беспрестанно в хлопотах: для тамошних господ строит мельницы, занимает плотины и чинит часы, а для господж делает веера, табакерки и прочие галантерейные мелочи. И всё почти (к чести его бескорыстия) безденежно или за самую малую плату. Но будучи известен по трудолюбию и способности всему подражать, он не менее прославился и собственной изобретательностью... Недавно, между прочим, сделал он тележку, на которой три человека, приводя в действие скрытую пружину, легко могли ездить без лошадей. Максим Егорович принадлежит к числу самых недостаточных художников. Если б нашелся в наше время покровитель отечественных художников, то самородные способности сограждан наших, будучи одобрены и поддержаны, конечно, принесли бы немалую славу и пользу отечеству. *Бюффон* сказал однажды: «Гений есть в превосходной степени терпение». Кажется, что русские ученики терпения довольно оправдали справедливость сего выражения. Все сии доводы о наших самоучках должны служить неоспоримым доказательством чужеземным умствователям, что и в *Гиперборейской* стране — и в России могут родиться изобретательные умы и процветать дарования. Не только науки, но и музы не разбирают климатов. Нужен ли к сему пример какого-нибудь иностранного автора? — Вот он: *Маллет* повествует, что многие норвежцы, не стерпя ига рабства, в правление одного из древних своих королей ушли на остров Исландию. Там-то, на самом краю Северного мира, насадили они древо свободы, которое чрез долгое время зеленело в благоустроен-

⁸ Речь идет об одном из внучатых племянников Т. И. Волоскова, внуков его старшего брата Федора: Иване, Алексее и Михаиле Петровича Волосковых, которые успешно продолжили производство красок. Волосковские краски в XIX в. не раз удостаивались наград в России и за рубежом: в 1851 г. — медаль на Всемирной выставке в Лондоне. См.: *Сорина Л.* Изобретатель кармина // *Русская провинция.* 1994. № 3 (11). С. 83—85.

ной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворяли счастье на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры скальдов воспевали героев, славу и любовь! Следовательно, и там, где иногда замерзает ртуть, страсти и воображение никогда не остывают.

**Терентий Иванович Волосков,
ржевский механик, богослов и химик**

Раскройте жития различных европейских ученых, вы увидите, что каждый из них где-нибудь воспитывался: один в Оксфордском университете, другой в Лейпциге, третий в Геттингене, иной в иезуитских школах. Где же приобрел ржевский купец Терентий Волосков⁹ глубокие познания в механике, химии и богословии, в каком университете, в каком училище? — Ни в каком. — Он возрос дома под надзором своего отца, занимавшегося деланием часов. Молодой Волосков любил помогать отцу в разбирании часовых снарядов. Он пристально рассматривал каждое колесо, рычажок, пружину и вскоре начал сам делать глиняные и деревянные часы. Брат его также в молодости и зрелых летах оказал чрезвычайные способности в механических работах; но при всём искусстве подражать он не был одарен одинакоу с братом своим способностию к изобретению. Терентий Иванович без всяких отличных образцов искусств и художеств, руководствуясь одними только непрерывными опытами и не теряя бодрости, при многих неудачах, старался сам собою достигнуть до чего-нибудь необыкновенного. Терпение и размышление — вот два главных его способа. Волосков может похвастаться учеником самой природы. Укрываясь от взоров людских, он любил беседовать с нею. Тенистые ржевские рощи были свидетелями его размышлений: там, в уединенных прогулках, провождал он досужные часы своей молодости.

⁹ Волосков Терентий Иванович (1729, Ржев — 1806, Ржев), изобретатель-самоучка, ржевский городской голова (с 1776). Родился в семье часовых дел мастера, с детства работал в мастерской отца. Сконструировал ряд сложных часовых механизмов, в том числе часы, которые показывали время, дни и месяцы, фазы Луны, движение Солнца, високосные годы, различные праздники (хранились в Ржевском краеведческом музее, уничтожены во время войны 1941—1945 гг.; подобные часы в Тверском государственном музее). Изобрел способ изготовления высококачественных красок (кармин, бакан, белила и др.), которые получили высокую оценку Академии художеств и использовались для печатания ассигнаций. Изготовил оптические приборы, в том числе телескоп, с помощью которого вел астрономические наблюдения. За просветительскую работу и благотворительную деятельность награжден Почвальным листом (1779).

Не читав ни *Созерцания природы*, ни *Астрономической Богословии Дергама*, ни *Разговоров Фонтенеля о множестве миров*,¹⁰ он помнил только затверженный им в псалтыре (по которому отец учил его грамоте) прекрасный псалом: *небеса поведают славу Божию!*¹¹ — и душа его влеклась к созерцанию небес. — Часто, пробуждаясь с зарею утреннюю, спешил он в поля; несколько минут любовался рассветом или борением света со тьмою и наконец восхищался великолепием восходящего солнца, которое, по словам псаломника, «яко жених исходяй от чертога своего». Там, припоминая далее слова псалма: «от края небес исход его, и сретение его до края небес», он прилежно следовал любопытным взором за лучезарным светилом, величественно протекавшим по голубой тверди. И когда блеск последних лучей угасал на западе, с другой стороны взорам его представлялось новое, не менее величественное зрелище: луна в незыблемом мерцании своем. Он дивился чудесным изменениям ее вида, напечатлевая их в памяти своей живо и неизгладимо. Иногда, в тишине летних ночей, с высоких берегов Волги смотрел он на прочие звезды и видел, что они также восходят и заходят. И часто, очаровываясь великолепием ночного неба, когда тысячи светил, как будто зажигаясь одни после других, сверкают на синем своде, он восклицал в полноте сердечных чувств: «Небеса поведают славу Божию!»

Созерцая в небе всеобщий неизменный порядок, которого ни бури, возмущающие воздух, ни громы, потрясающие твердь, нимало не нарушают, он понял, что удивлявшее его некогда правильное движение нескольких стрелок в малых часах его отца есть не что иное, как самое слабое подражание всеобщему движению в огромном строении природы. Высокий дух его, обтекая горние пределы, убеждался повсюду, что всякий наблюдатель природы должен, как она, соблюдать во всем постепенность и порядок. Таким образом, начал он свое учение не по рисованным глобусам и печатным книгам, но по огромной книге Природы. Оттого-то, бывало, на вопрос, где он учился, — отвечал обыкновенно, шутя: *в лесах!* Итак, леса были его училищем, а природа наставницею.

¹⁰ Речь идет о книгах: «Естественная богословия, или Доказательства бытия и свойств Божиих, почерпнутое из дел творения. Сочинено на английском языке Вильгельмом Дергамом. С французского на российский язык переведено и издано трудами Михайла Завьялова» (2 ч. М., 1784), «Сокращение нравственной Дергамовой физики и астрономии. Перевел Иван Мочулский» (М., 1797), а также о книге Бернара Фонтенеля «Беседы о множестве миров», имевшей много изданий.

¹¹ Псалом 18:1.

По смерти трудолюбивого отца братья Волосковы, каждый с семейством в особенном доме, стали жить своими трудами; но души их не разделялись: они связаны были сладчайшими узами родства и дружбы. Братья сии примерным согласием оправдывали и выражение древнего мудреца Плутарха, что брат есть друг, данный нам природою; и русскую пословицу: любовь братская лучше каменных стен. В то время почти все ржевские жители ослеплены были ересью разных расколов.¹² Оба Волосковы прилепились также к расколу. Но заблуждение здравых умов непродолжительно: вскоре обратились они к общему исповеданию веры.¹³ Горя усердием к Богу, озарившему их лучом истины, оба братья-друзья совокупным иждивением выстроили и украсили церковь во Ржеве. Но не ограничились сего малейшею жертвою Богу, они старались сооружать ему нетленные храмы в сердцах своих сограждан. Красноречивыми убеждениями их многие из ржевских жителей отринули внушения лженаставников.

В сем богоугодном подвиге наиболее участвовал Терентий Волосков, который, подражая Димитрию Ростовскому,¹⁴ рассеивал мраки вредной ереси лучами истины и написал целые книги против раскола. — Итак, по многочисленным своим сочинениям в защиту веры и в поправление ереси Волосков по всей справедливости может почтяться усерднейшим и ученым богословом.

Вот еще доказательство его остроумия и редкой памяти. Будучи привержен к вере и занимаясь часто святцами, вздумал он все церковные исчисления поместить на своих перстах. Давно уже известен способ посредством сжатия перстов определять число дней каждого месяца. Кампе рассказывает, что Робинзон на необитаемом острове узнавал таким образом числа. Некоторые старики по главным линиям на руке умеют определять годовые праздники; и эта рука называется философскою, или Дамаскина. Но Терентий Волосков сделал еще более: он так искусно расположил святцы по всем составам и чертам на обеих руках, что во всякое время, не запинаясь, отвечал на все

¹² В XVIII в. Ржев был одним из центров раскольнического движения в Верхнем Поволжье.

¹³ Великий Ломоносов в молодости своей также прилепился было к расколу; но скоро от оного отстал. Смолт<ите> Жизнь Ломоносова при сочинениях его. — Прим. Глинки.

¹⁴ Димитрий св., митрополит Ростовский (1651, близ Киева — 1709, Ростов). В 1668 г. пострижен в монашество. С 1684 г. занимался соборием, исправлением и изданием житий святых, или Четких Миней. В 1702 г. назначен епископом Ростовским и Ярославским и на этом поприще стал бороться с раскольниками («Розыск о раскольнической Брынской вере»).

вопросы, относящиеся к святцам. Не заглядывая в календарь, он мог сказывать, в котором месяце и в какой день будет празднован святой, о котором его спрашивали. Для этого ему стоило только окинуть глазами персты — и ответ бывал всегда верен. Память, изоощренная размышлением, изобразила на поверхности руки его все исчисления церковного месящеслова.

Дары природы и ума редко сопровождаются дарами счастья. Волосков имел острый смысл, был неутомим в трудах — и беден. В календаре для живописцев прекрасно изображена бедность со всею тяжестью ее. Там представлен крылатый человек, усиливающийся устремить полет свой вверх, в то время как гири, привязанные к ногам, невольно притягивают его к земле. Как справедливо это изображение! — Человек, окрыленный творческим духом, беспрестанно порывается воспарить за черту неизвестности в горние области истины, изящности и славы; но житейские нужды (столь размноженные настоящим образованием обществ), подобно тяжелым гилям, не выпускают его из мрачного круга предрассудков, страстей и невежества. — Волосков, изыскивая способы к поддержанию своего достатка, принялся наконец составлять кармин и бакан, которыми торговал еще отец его. Но едва обратил он особенное свое внимание на сей предмет, как вдруг изобретательный ум его открыл множество новых средств и способов к успешнейшей работе. Старик Волосков умел только составлять самый посредственный кармин и продавал оный по низким ценам; а сын его — новый ржевский химик, — прибавив в прежние растворы несколько составов собственно своего изобретения, сделал кармин и бакан превосходнейшей доброты. Румяна его также почитаются лучшими. Фунт кармину Волоскова продается по 144 рубля, бакану по 75 рублей. — Труды Волоскова одобряются и в иностранных землях. Кармин, бакан и румяна ржевские вывозят за границу. «Отчего так дороги эти краски?» — спросили мы вдову покойного. «Оттого, что *кошенил*, который более всего употребляется в них, покупаем мы сами по 2000 рублей пуд».

Известно, что многие важные открытия в химии сделаны нечаянно: фосфор, платина и фарфор изобретены ненарочно неутомимыми искателями философского камня. Таким образом и Волосков, упражняясь в различных химических опытах, сделал нечаянно прекрасное открытие. В один из своих растворов переложил он однажды излишнее количество какого-то состава и получил кармин темно-пурпурового цвета. Санкт-Петербургская Академия художеств, приняв сей кармин и учиня испытание, увидела, что он весьма пригоден к изображению виссонов и багряниц, также малинового цвета бархатов с отлива-

ми. Прежде смешивали, и часто неудачно, по несколько различных красок для составления одной, подобной цветом кармину Волоскова. Говорят, что ржевский химик получил благодарность от Академии и препоручение доставлять ей по временам некоторое количество красок его. К чести Волоскова, заметим, что он не присваивал одному себе своих изобретений: работая вместе с братом, он делил с ним и славу и выгоды.

Торг карминов, баканов и другие обороты умножили недостаток Терентия Волоскова, а чрез то, освободив его от тягости борения с нуждою, подали ему способ располагать свободнее временем. Тут предался он чтению различных полезных и наиболее относящихся к художествам книг. Охота к чтению час от часу в нем усиливалась, и, по словам его вдовы, он проводил в чтении большую часть ночи и засыпал с книгою в руках, а днем, куда бы ни шел из дому, всегда брал с собою книгу. Итак, советуясь, конечно, с лучшими авторами, Волосков принялся опять за любимые свои механические упражнения. Уже он сделал несколько часов, из которых одни показывали числа, другие изменение луны, ход солнца и прочее; но предприимчивый дух его, не довольствуясь тем, желал соединить всё это в одно целое: он захотел сделать такие часы, которые могли бы почесться ближайшим сколком огромного строения природы.

Сим предприятием занимался он долгое время, будучи попеременно столяром, слесарем и механиком. Все деревянные, медные и стальные вещи им самим были деланы. Наконец, в несколько лет Волосков соорудил памятник во славу себе и России: он сделал астрономические часы, каких доселе в отечестве нашем, кажется, еще не бывало.

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ

ТЕРЕНТИЙ ИВАНОВИЧ ВОЛОСКОВА

Войдя в дом Терентия Ивановича Волоскова, вы поразитесь не блеском пышности, но чрезвычайною простотою и опрятностью. У стены средней комнаты стоят большие часы, имеющие самую простую наружность. Многие советовали нашему художнику украсить оную; он отвечал: «По одежде встречают, а по уму провожают: я не хочу пускать пыль в глаза; пусть часы мои заслужат почтение не великолепным нарядом, а внутреннею добротою». — Взглянув на часовую доску, вы увидите ее всю испещренную кругами: это целый месяцеслов, или в уменьшенном виде картина неба. Там движется серебряная луна со всеми ее изменениями; там протекает золотое солнце по голубому горизонту, который сжимается и распространяется по мере прибавления и умаления дня. Захотите ли узнать о настоящем годе, месяце,

числе, о том, в каком положении луна или в каком знаке небесного пути находится солнце? — Взгляните только на часы и тотчас всё это видите. Сверх того найдете там *эпакту*,¹⁵ *круг луны*,¹⁶ *индикты*,¹⁷ *вруцелето*¹⁸ и прочие церковные исчисления.

Кто же всё это так прекрасно, так замысловато и правильно устроил? — Всякий русский с сердечным удовольствием под средним кругом прочитает сии слова: ржевский купец Терентий Волосков. — Чтоб дать лучшее понятие хотя о внешнем виде часов, я предлагаю здесь снятый с них наскоро чертеж. Сии часы от всех прочих преимущественно отличаются тем, что стрелка сама собою, без всякого ручного пособия, переходит с последнего на первое число каждого месяца и в три обыкновенные года в феврале по 28, а в четвертый високосный 29 дней означает всё сама собою. Это заставляет думать, что

¹⁵ Эпакты бывают месячные и годовые. Месячными эпактами называются избытки юлианского или григорианского месяца сверх месяца лунного, потому что лунный месяц состоит из 29 суток, 12 часов и 44 минут. Годовую эпактою именуется разность между солнечным гражданским и лунным годом астрономическим. Почему она происходит из сложения 12 месячных эпакт и состоит из 11 суток. — *Прим. Глинки.*

¹⁶ Кругом луны именуется число лет, по прошествии которых новолуния и полнолуния возвращаются на прежние дни юлианского года. — *Прим. Глинки.*

¹⁷ Индикт. Счисление времени по 15 лет, бывшее в употреблении у римлян, начинавшееся обыкновенно с 1 сентября и продолжавшееся чрез 15 лет. Начало индикта приписывают императору Константину Великому, который сим заменил олимпиады. Индикт составляли 3 люстра. Люстр вмещал в себе 5 лет. — *Прим. Глинки.*

¹⁸ Вруцелето (от др.-рус. в руке лето — год в руке) — метод устного счета для определения дней недели по числу месяца в году с помощью пальцев рук и специальных таблиц. Семь вруцелетных букв древнерусского алфавита (А, В, Г, Д, Е, С, З) связаны с числами месяцев в году и с суставами пальцев: числу 1 марта (начало года от сотворения мира по византийскому календарю) соответствует буква Г, 2 марта — В, 3 марта — А, 4 марта — З, числу 5 марта — С, 6 марта — Е, 7 марта — Д. В пределах одного и того же года каждая буква соответствует своему дню недели, но для разных годов соответствие дней недели и чисел месяцев разное. Каждый год означался буквой, указывавшей на воскресный день (вруцелето года); если вруцелето года было буква В, то воскресеньями были 2, 9, 16 марта и так далее. Вычисление других дней недели производится подсчетом по пальцу одной руки (буква А — сгиб пальца в ладони, В — сгиб выше, Г — верхний сгиб, Д — верхушка пальца, Е — верхний сгиб с тыльной стороны ладони и т. д. до тыльного сгиба в ладони и далее по кругу). См.: *Хавский П.* Вруцелето // *Отечественные записки.* 1844. № 6. Отд. VIII. С. 78–80; *Булгаков С. В.* Настольная книга церковно-священнослужителя. М., 1913. С. 707.

в часах Волоскова есть одно колесо, обращающееся около своей оси в течение четырех лет только один раз. Какая медленность и точность в движении!..

Изобразив Волоскова механиком, химиком и богословом, всё ли мы о нем сказали? — Нет: он был еще искусным оптиком и астрономом. Мы сами видели у него зрительные трубы его работы, из которых одна имеет семифутовую длину. «Вот в эту трубу, — говорила добродушная вдова Волоскова, — покойный муж мой смотрел на луну и рассказывал, что в ней видны какие-то горы и моря; а в ту трубу из темных погребов глядел он на солнце, отчего под старость лишился одного глаза».

Как трудно удержать разум в настоящих пределах! Кто не гонялся за мечтами? Пламенное воображение нечувствительно увлекает нас в лабиринт их. Декарт почти всю свою систему, которая вскружила головы народам, основал на мечтах. Лейбниц и последователи его долго обольщались *монадами*. Впрочем, надобно признаться, что очень неглупые люди отыскивали четыре средства: первое, в политике установление всеобщего мира; второе, в математике определение квадратуры круга;¹⁹ третье, в механике произведение вечного движения; наконец, искание философского камня.²⁰ Итак, будем снисходительны к Волоскову, который с жаром предпринимал изобрести вечное движение и — не изобрел его.

Гора, на которой стоят дома двух братьев Волосковых, названа *Волосковою горюю*. Ржевские жители имеют обычай назначать имена согражданам своим, дарованиям и свойствам их приличные. Молодой племянник Волоскова прослыл *хитрым* потому, что искусен в художестве дяди своего. Дома Волосковых и теперь еще в цветущем состоянии. Обе невестки живут как родные сестры; одна без другой не может минуты пробыть.

Получив некоторое понятие об уме ржевского художника, вы, конечно, полюбозытствуете, какими качествами украшалось его сердце? — Мы сами сделали то же и узнали, что нищелюбие было первою его добродетелью. Каждый день от 30 до 50 нищих приходили к домам обоих братьев, которые наделяли их в обыкновенные дни

¹⁹ Приведение криволинейной фигуры в квадрат, который был бы ей совершенно равен. Над сею задачею трудился Архимед, потом Лейбниц и Невтон. Аббат Фалконет говорил также об ней; а Фонтенель утверждает, что тот найдет содержание круга, кто верно докажет, что невозможно определить оною. — *Прим. Глинки.*

²⁰ Прежние алхимики так называли свой таинственный состав, посредством которого мечтали они превращать всякие металлы в золото. — *Прим. Глинки.*

пищею, а в праздничные деньгами. Из окон Волоскова просящие никогда не слышали: «Бог даст!»

Многие удивлялись часам ржевского художника, многие предлагали за них довольно значащие суммы; но вдова Волоскова как их, так и всего, что мужу ее принадлежало, ни за что не продает.

Мы видели библиотеку покойного: она состоит по большей части из механических, химических, астрономических и прочих учебных книг. Духовные творения занимают также несколько полок. Из рукописных его сочинений примечательнейшим показалось нам обличение на раскол Михайлы Калмыка, попа Стародубских слобод. Возражения Волоскова и рассуждения предложены в разговорах. — К сожалению, на этот раз не случилось дома книги, заключающей в себе полную переписку его с Андрияном Морозовым, новоторжским головою.

Сей Андриян, по убеждению Волоскова, отринул раскол и в первый раз по причащении своим святым тайнам писал к нему письмо, начинающееся сими словами: «В треволении чувств моих не могу еще поднесь без благоговейного и сердечного содрогания вспомнить о том, каким чудесным образом вместил я в себя Невместимого!» В последние годы жизни своей ржевский художник предавался иногда глубокой задумчивости. Особенно заметна в нем была грусть о том, что все труды его остались без всякого одобрения от тех, которых мнение было бы для него лестно и полезно.²¹ В преклонных летах он не мог равнодушно видеть лучшего произведения своего — часов и, подходя к ним с горестью, часто говаривал: «Суета сует и всяческая суета!» Потом, оборотясь к жене, прибавлял: «Завесь часы! Мне грустно на них смотреть. Все труды наши суета!» — Волосков умер 77 лет. — По доброте сердца своего он охотно рассказывал о составлении своих часов и позволил снять с них чертеж известному механику Сабакину. Вот самое краткое известие о Волоскове. До сего времени имя и труды его покрыты были неизвестностью. Но человек сей, в течение долголетней жизни своей предавшийся единственно страсти к учению и неутомимо трудившийся к пользе ближних, кажется, достоин быть известным соотечественникам и свету. Современники

²¹ Многие губернаторы Тверской губернии, бывая во Ржеве, с удовольствием беседовали с Волосковым, дивились его уму, познаниям и редким его произведениям; но ни один из них не представил в настоящем виде способности сего удивительного человека благодетельному правительству, которое, приемля под сень щедрот своих чужеземных художников, конечно, не преминуло бы в одобрение народа русского наградить того, который неимоверною деятельностью своею и успехами во многих науках доказал ясно, к чему способны русские! — *Прим. Глинки.*

не ободрили его особенным вниманием; да будет потомство справедливее их! Желательно, чтобы портрет Волоскова приобщен был к прочим в Пантеоне отличных россиян. И каждый любитель отечества не порадует ли душевно, встретив в словаре ученых и художников русских ржевского механика, химика, богослова и астронома — Терентия Ивановича Волоскова?

ЧУДНАЯ ПЛОТИНА И МЕЛЬНИЦА НА ВОЛГЕ

Волга, именовавшаяся в древности *Ра*, получившая от татар имена *Идель*, *Адал* или *Едал*, что значит *изобилие*, у башкир называемая *Ак Идиль*, а от мордвы прозванная *Рау*, есть одна из первейших рек в России. Если измерить излучистый путь ее, то оного найдется гораздо более четырех тысяч верст. Конец ее соответствует величественному течению: она впадает в Каспийское море шестидесятью разными устьями. Чтоб составить картину ее истока, вообразите себе, как представляют в мифологии *Волгу*, в виде величественной женщины, возлегшею на высотах *Алаунских гор* и опершеюся локтем на огромную *урну*, из которой струится поток, на каждом шагу возрастающий и претворяющийся в реку, знаменитую в мире. Волга имеет с лишком версту отвесной высоты над поверхностью Каспийского моря. — И эта широкая и гордая река в одном месте, так сказать, уловлена в сети искусством и принуждена упасть на колеса огромной мельницы.

Плотина во Ржеве на Волге достойна любопытства: она существует уже около ста лет, будучи сделана из каменного бута. Сия твердая плотина в виде забора устроена вдоль посредине реки; начало ее, параллельное берегу, примыкает к длинному острову, от которого продолжается уже углом, беспрестанно сближаясь с берегом, подле которого основана мельница. Таким-то образом надменная река заманивается в узкое угловатое пространство, находящееся между берегом, островом и плотиною. Волга, будто предчувствуя плен свой, подходя к расширенному отверстию между плотиною и берегом, шумит, журчит и, пенистыми водометами стремясь вверх, мечется в стороны и назад; но вступая далее в огражденный путь, становится тихою и покорною. Весною, когда Волга, вырвавшись из берегов своих, бушует в окрестностях, плотина заливается водою без всякого, однако ж, для нее повреждения.

Читавший всемирного путешественника припомнит описываемую им ловлю слонов. Охотники выкапывают ров, с начала широкий, а к концу постепенно суженный. Этот ров наполняется разными лакомыми для слонов приманками. Огромный зверь входит беспеч-

но в западню, шаг за шагом пробирается всё далее и наконец, почувствовав себя стесненным, останавливается, лишается всей своей дикости и позволяет себя обуздывать часто одному ловцу. Так точно пышная Волга, уловленная и усмиренная преградами, с покорностью упадет на множество разнородных колес, и шум ее падения разглагольшается отзывами окрестных гор. В предупреждение тем, которые легко могли бы подумать, что необыкновенная плотина и мельница на Волге сооружены каким ни есть немецким или голландским гидравликом, я скажу, что они сделаны и содержатся не иноземным, а русским художником. — В сем огромном механическом строении, где включено почти всё, что только может быть движимо водою, примечательнее прочего пильня. Бревна толстого леса, пущенные сверху по течению реки сами собою, плывут к длинным и возвышенным подмосткам, устроенным по закону наклоненных плоскостей. Тут появляется человек и вонзает в бревна острые крюки, привязанные на конце канатов, прикрепленных к сокрытым в мельнице колесам. Таким образом захваченное, как будто на уду, бревно само собою, увлекаясь невидимою силою, взбирается наверх в мельницу и ложится в предназначенное ему место, где уже ожидают его большие, утвержденные вверху и по правилам движения маятников беспрестанно качающиеся пилы. Едва успеют бревны приблизиться к пилам, вдруг острые зубцы с визгом и скрежетом въедаются в дерево, которое само собою более и более к ним приближается до тех пор, пока распадается на несколько равных пластов или тесниц, которые как вошли, так сами же собою и выходят из мельницы. Человек суеверный, увидев столь много действия, производимого столь сокровенными причинами, может подумать, что всё сие движется невидимыми волжскими духами.

Но кто подумает, чтоб сие многосложное и почти без пособия человеческого производимое движение могло воспринять свое начало и тронуться с места само собою? — Верно, никто, разве вовсе бессмысленный. — Как же мог сказать Гельвеций, желавший, конечно, подновить бредни Эпикуровы, что повсеместное и непрерывное движение во вселенной производится только от совокупления разнородных и различными, одна другой противодействующими силами одаренных тел и что движение сие могло воспринять начало само от себя?.. Не дивитесь! Он был философ 18 века, — следовательно, мог говорить всё, что ни взбрело ему на ум. Многие, видящие движение, не видят движущего, а всякий уверен, что он есть. Но кто, видя творение, не видит творца, тот не только слеп, — и безумен!..

Знакомство с П. И. Д.

Я познакомился во Ржеве с тем человеком, которого все уважают и любят за добрые качества его души. Первым удовольствием составляет он себе служение ближним. Для пользы других не щадит собственного здоровья и покоя. Дом его всегда отворен бедным, хотя состояние его очень невелико. Сверх того он прослыл, и недаром, механиком! Всё, что относится к сей науке, составляет его любимое занятие. Большую часть времени пребывания нашего во Ржеве провели мы в доме у сего любезного человека. Он живет в одной версте от Ржева, на берегу Волги.

Мы видели у него собрание разных камней и окаменелостей, из которых любопытнейшими показались окаменелые кораллы и морские черви, найденные на берегах Волги. Сие заставляет думать, что и высокие окрестности Волги были некогда покрыты морем.

Дом купца Волоскова

«Хотите ли видеть малый мир в часах?» — говорил нам П. И. Д. — Пойдем в дом Терентия Ивановича Волоскова, на Волоскову гору». Я охотно принял сие предложение, и мы туда поехали. Приближаясь к косящатым воротам дома Волосковых, мы вышли из коляски, по старинному русскому обычаю брякнули кольцом в ворота, и нам их отворили. Передний двор весь вымощен гладкими половицами, которые так были чисты и белы, что, как говорится, хоть иглы рассыпь — ни одной не утеряешь. Лестница, ведущая в верхнее жилье дома, так же отменно опрятна и устлана соломой. В комнатах везде пленительная чистота; полы постланы холстинами. В первом покое увидели мы молодую милостивую девушку за рукоделием. Она одета была по-русски в сарафане, имея на голове унизанную жемчугом девичью повязку. «Это, конечно, дочь хозяина?» — сказал я. «Нет, это сирота, здешняя питомица», — отвечал мне П. И. Во внутренних покоях не было никакой модной пышности, но и бедности также не видно было. — Словом, дом Волосковых, равно как и многих ржевских купцов, точно таков, каковы были все дома в России за сто или за двести лет. Стены украшены портретами всего семейства. Большие шкафы наполнены *чарами, погарами, стопами* с изображением медалей разных государей и прочим старинным серебром. — Приветливая хозяйка приняла нас ласково и сама потчевала сладким медом и чаем. В этом совершенно русском доме мы любовались всем, но более всего редким механическим произведением покойного хозяина Терентия Ивановича Волоскова — часами, которые заслуживают особенной статьи и подробнейшего описания.²²

²² Описание сих часов помещено выше. — Прим. Глинки.

МОЖНО ЛИ ЛЕТАТЬ НА КРЫЛЬЯХ?

Разговаривая о различных механических предметах, спросил я П. И., как он думает, можно ли изобрести способ летать по воздуху не на шарах, а на крыльях, подобно птице? — Он отвечал, что, кажется, это дело не невозможное; и тут начался у нас разговор о летании. Многие испытывали подыматься на воздух, привязывая крылья к рукам; но это неудобно, потому что от частого махания руки тотчас устанут и замлеют. Надежнейшее средство — прикреплять крылья к середине тела и приводить их в движение ногами посредством упругих пружин, к ним привязанных. — Рассматривая прилежно летание птиц, можно тотчас заметить, что они держатся на воздухе одною способностью парить, или взмахивать крыльями. С каждым замахом птица возносится выше и выше, увеличивая беспрестанно *столпы воздуха*, так сказать подпирающие крылья; и чем выше возносится она, тем уменьшается стремление тяжести тела ее к центру земли. От сего-то птица удобнее и легче парит в воздух с вершины дерева или строения, нежели подымаясь прямо с земли. От этого легкая ласточка скорее вспархивает и быстрее взвивается, нежели ленивый ворон или огромный страус, который по тяжести своего тела и малости крыльев вовсе не способен летать. Но каким образом птицы, взвившись вверх, могут двигаться по пространству воздуха? — Это происходит от содействия двух разных причин. Приняв крылья за плоскости, мы увидим, что они по закону движимых плоскостей, будучи понуждаемы струею воздуха, обязаны двигаться по своему перпендикуляру, а тяжесть птиц в то же время должна увлекать их книзу; от сих двух стремлений неминуемо происходит третье — по *диагональной*, или *косвенной*, линии, то есть видимый нами *полет птиц* вдоль по воздуху. Основываясь на всех сих рассуждениях, можно почти наверное заключить, что и человек, достигший способа, который не вовсе невозможен, двигать прикрепленными к телу крыльями, может летать, как птица, имея для вернейшего успеха в руках своих небольшой воздушный шар, который собственным стремлением вверх уничтожал бы всю тяжесть тела летающего, сделав его, так сказать, математическою точкою и освободив чрез то от всякого притяжения к земле. — Углубясь в сии рассуждения, мечтали мы, что уже достигли верного способа летать птицами... Но к чему бы послужил этот способ? — Верно, не к добру, не к благополучию общества, равно как и многие открытия нашего времени. Кажется, остроумный Свифт сказал, что истинным благодетелем человечества должно почесть того, кто изобретет искусство из одного хлебного колоска сделать два. Не очевидная ли это истина? — Румфорт, изобретатель столь полезного супа для бедных, может быть помещен на тех страницах истории, где описываются

не кровавые подвиги завоевателей, но одни имена истинных благотворителей человечества. Доселе в летописях мира, кажется, еще очень много найдется праздными таких страниц. — Овладев новой стихией, воздухом, люди, конечно, не преминули бы сделать и ее вместилищем своих раздоров и кровавых битв. К земным и морским разбойникам прибавились бы еще разбойники воздушные, которые, подобно коршунам или известному в сказках чародею Тугарину, нападали бы на незащищенных. Тогда не уцелели бы народы, огражденные морями: крылатые полки, вспорхнув с твердой земли, полетели бы, как тучи саранчи, разоряя их царства. Нет! нет! — воскликнули мы — ни к чему изобретать способ летания по воздуху... Напрасно потеют над сим и те немецкие художники, о которых было упомянуто недавно в ведомостях, что они обещали полететь и уже подымались от земли — на несколько пядей.

ПЛАВАНИЕ ПО ВОЛГЕ

Осенние непогоды приближались. Мы спешили воспользоваться красными днями, чтоб насладиться плаванием по Волге.

Желающий плыть из Ржева вниз по реке должен непременно или дожидаться попутного судна, или купить лодку собственно для себя. Мы решились на последнее: купили лодку, очень покойную и красивую за 25 рублей, и наняли двух гребцов. Почтенный П. И. хотел было сопутствовать нам до Твери, но расстроенное его здоровье остановило его. Однако ж, желая проводить нас, куда можно, он плыл с нами верст с десять до первого ночлега.

В три часа пополудни пришли сказать, что лодка во всей готовности ожидает нас.

Распростиясь со всеми, пошли мы к берегу. За нами несли чемоданы и некоторые припасы.

П. И., нас двое, человек и двое гребцов — вшестером поместились мы очень свободно в лодке. Гребцы распрощались с женами и детьми, сели по своим местам, то есть один на корме, другой при веслах, отвалили от берегу, и мы вскоре очутились на середине Волги.

День отъезда нашего был прекрасен. Река, как чистое стекло, стояла спокойно в живописных берегах своих. Только в некоторых местах синеватые струи чертили круги около каких-то невидимых центров. «Что это значит?» — спросили мы. «Это подводные камни бурятся», — отвечал нам кормщик и старался далее от них править бег нашей лодки. В высоких берегах Волги находят много белого камня, который в земле чрезвычайно мягок, а на воздухе чем долее лежит, тем тверже становится. Работники, достающие сей твер-

дый камень, по большей части зимою, должны так, как и рудокопы, подкапываться в землю на несколько сажен. Лучший белый камень ломают верстах в трех от Ржева, в береге, принадлежащем князю Путятину. — Плывающий по Волге встречает непрерывные картины: барки тянутся бечевою; бородатые лодманы, уцепясь за снасти на высоте мачт, пускают протяжный гул, по которому останавливаются или движутся лошади, влекущие суда. Едва могли мы разобрать из слов их некоторые. Например, трогаясь с места, кричат: *садись, да Богу молись!* — потом: *подымай коней* и проч. — Версты три плыли мы сквозь рощи мачт, с трудом пробираясь между множества стоявших близ Ржева судов.

Смотря на окрестные высоты Волги, с удовольствием видишь, что природа не щадила красок своих к испещрению их. Куда ни оглянешься, везде красоты! Берега из белого камня, лесистые, песчаные, бористые; скалы, нивы, голубое небо, осеребренное по местам легкими прозрачными облачками: всё повторяется, всё рисуется на дне кристалловидной Волги.

К вечеру мы поравнялись с большою сосновою рощею; за нею виден был дом. «Здесь живет родной брат мой», — сказал П. И. Лодка причалила к берегу, и он повел нас чрез рощу в дом. — Я... И... Д.,²³ дворянский предводитель ржевской округи, отставной полковник, служивший долгое время на море, встретил нас дружелюбно, был очень ласков, желал казаться и веселым, но не мог, ибо очень недавно лишился любезной супруги. Он был в глубоком трауре. Вечеру зашел разговор о путешествиях. Почтенный хозяин наш, при всей своей горести, умел, однако ж, занять нас приятными рассказами о различных явлениях природы, виденных им в дальних странах. Он провел несколько лет в Англии, однако ж разговор наш клонился более к Италии.

²³ Брат П. И. Демьянова Яков Иванович Демьянов, статский советник. Его сын от первого брака (Анна Ивановна, урожд. Оленина) гвардии ротмистр Иван Яковлевич Демьянов владел имением Иваньково Ржевского у.; в состав имения входили д. Горбова, Давыдовское, Зеленково, Ковынева, Лотовино, Новоселово, Поздырево, Появиллово, Таблино (Рогозино), Шопорова. Ему принадлежала также усадьба Рюхово в Старицком у. Второй сын коллежский асессор Петр Яковлевич (р. 23.07.1814, от второго брака, Авдотья Васильевна, урожд. Дунина-Борковская, вдова генерал-майора Есипова), женатый на Наталье Алексеевне (не позднее 1838 г.), имел пятеро детей, но имели ли они поместья в Тверской губ., неизвестно. Есть сведения, что некий штабс-ротмистр Павел Петрович Демьянов владел имением Алексеевское Ржевского у., в состав которого входила д. Грибеево, но его место в роду Демьяновых нам не ясно, а других Демьяновых в губернии не зафиксировано.

Я... И... как самовидец очень подробно рассказывал нам о различных чудесах тамошней природы. Слушая его, можно живо воображать огнедышащие горы, дымящиеся италийские берега, где часто слышен глухой подземный вой огненных вихрей, потрясающих нередко целые области и заливающих кипящею лавою цветущие города. Рассказывая об Италии, он показал нам и привезенные им оттуда редкости: несколько разноцветных плиток обработанной лавы и прекрасные табакерки из сего же, некогда кипевшего, а в продолжение времени остывшего вещества. — На другой день рано поутру спешили мы к отъезду. Между тем в доме приметна была какая-то суета: приготавлилось множество столов и проч. «Что значат сии приготовления?» — спросил я П. И. «Через два дни будет шестинедельное поминовение покойной жены брата, — говорил он, — сюда сберется множество нищих и до пятисот здешних и соседственных крестьян». — Слава Богу! что есть еще люди, не забывающие святых обрядов наших предков.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Утро было прекрасное. Проходя к Волге лесистым берегом, мы слышали повсюду пение птичек, которые, кажется, уже прощались с красными днями. Тут сели мы опять на лодку и, проплыв не более ста сажен, пристали к другому берегу, куда влекло нас любопытство. Мы увидели прислоненную к крутой скале мельницу; колесо ее быстро кружилось. Но откуда падала на него вода? — Из озера, имевшего в окружности не более двух сажен... Как! — скажут мне: это лужа! может ли быть на ней мельница? — Это чистый горный ключ, вытекающий из-под каменной кручи: вода его, скопясь в небольшом углублении, падает на поставленное внизу колесо, которое мелет непрерывно летом, осенью и даже зимою, ибо крыница не замерзает. Только весною мельницу снимают и ключ поглощается избытками водами. — На Волге много таких ключей. В тишине прекрасных летних ночей, когда вечерняя заря угаснет и шум суетливых тварей смолкнет, приятно слушать журчанье сих гремучих ключей, которые, если смотришь на них издали, при свете лунном кажутся сыплющимся из гор серебром.

Рассматривая высокие берега, мы видели их усеянными небольшими круглыми отверстиями. Это норки или пещерки гренков, сказали нам, которые выют подземные гнезда в сих утесах.

ПРИМЕТЫ ГРЕБЦОВ

«Вот! верно, скоро будет дождь», — сказал один из наших гребцов. «А почему ты это знаешь?» — «По приметам! Мы привыкли угадывать непогодь: поглядите сами; там, у берегу, купаются стаи ворон:

это к дождю...» Так говорил наш лодочник и угадал! — Проплыв еще несколько, мы встретили впадающую в Волгу речку *Лочу*. «Здесь будет порог *Лоча!*» — закричал кормщик. При слове *порог* мы испугались, думая, что встретим страшную опасность. В самом деле сине-струистый порог издали шумел и покрывался пеною; однако ж, войдя в него, мы увидели, что весь страх наш был напрасен: лодка только что ускорила бег свой, и мы почувствовали некоторую прохладу от тонкой влажной пыли, распространяемой брызгами. — Вскоре привалили опять к правому берегу, где дожидал нас на обед общий друг наш А. Г. Ч.²⁴ Это любезный молодой человек, недавно вышедший в отставку за ранами. Добрая мать его приняла нас отменно ласково. Мы хотели у него только отобедать; но предсказание лодочника сбылось: зашумел сильный дождь, и мы всё время бурной непогоды, продолжавшейся чрез целый день и следующую ночь, провели под мирным кровом дружбы.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Дождь продолжался до полудня. Добрый А. Г. согласился провожать нас в *Зубцов*, до которого водою надлежало плыть около двадцати верст, тогда как сухим путем до него не было и десяти: вот как излучиста Волга! После обеда кормщик пришел сказать, что *наветер*, то есть попутный ветер, начал дуть и нам можно ехать с парусом; все поспешили к реке. Провожавший нас до берегу Н. Ф. В., дядя А. Г., бывший по случаю начальником купеческих судов на Байкале, также плававший и на кораблях около берегов Северной Америки, растолковал гребцам нашим, как лучше прикрепить парус. Мы распрощались с ним, сели втроем в лодку и понеслись на крылах ветра вниз по течению. Тут встретилась нам вторая впадающая в Волгу река — *Бойня*. По берегам, в разных местах, видны были развалины старинных окопов. Может быть, некогда татары, мордва и черемисы, ограждаясь сими крепостцами, оспаривали у русских владычество над злачными берегами Волги. Но *правота* восторжествовала: племена хищников рассыпались, как прах, и Волга, величественная царица рек, всё странное свое течение, равно как и солнце, большую часть пути своего совершает уже ныне в пределах России!

²⁴ Речь идет о штабс-капитане Александре Григорьевиче Чаплине, помещике *Зубцовского* у.; его мать Анна Федоровна, сестра упоминаемого ниже Н. Ф. В. А. Г. Чаплин был женат на Феоктисте Васильевне и имел одного сына Василия (р. 9.05.1820), который, судя по всему, не имел потомства. Роду Чаплиных в *Зубцовском* у. принадлежали имения Михайловское, Чупрово, Серково.

ПРИБЫТИЕ В ЗУБЦОВ

Сколько ни старались мы ускорить плавание греблею и парусом, однако ж приплыли к Зубцову не прежде сумерек.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ С ОСТРОГОЮ

Смолистый костер пылал на лодке, багряный столп горел в воде, огненные бразды текли вслед за кормою, искры с треском светлыми блестками рассыпались по голубой влаге; рыбак, вооруженный острогою, убивал беспечных рыб, уснувших на дне прозрачных вод. Вот картина рыбной ловли с острогой!

Подъехав к Зубцову, мы увидели в нем все дома освещенными. Улицы наполнены были шумными толпами: везде пирующий и веселящийся народ. Что бы это значило? — думали мы; но вскоре причина общего удовольствия объяснилась. Мы приехали в Зубцов в то время, когда там занимались *сечением капусты*. Все молодые девицы и женщины, собираясь вместе, переходили по очереди из дома в дом рубить капусту. Днем трудились, а вечер и большую часть ночи проводжали в веселых играх. Каждый хозяин, чем может, угощает трудолюбивых гостей. Этот обычай ведется по всем городам и селам, лежащим близ Волги. Проходя город, мы встречали везде плясавшие хоробы, составленные из молодых девиц и мужчин: везде слышны были песни радости. Многие проказники, надев на себя уродливые хари, бродили с фонарями по улицам и смешили народ. В разных переулках слышны были скрипцы, свирели и рожки. Одним словом, *сечение капусты* в приволжских сторонах есть то же, что *уборка винограда* в Германии и в южных провинциях Франции.

В это время на берегах Волги, оглашенных пением довольных поселян, повсюду царствует радость; и я не знаю, можно ли найти более удовольствия и веселых забав в самом Провансе и Лангедоке при собирании винограда. — О вы! ученые аббаты, воспитатели знатнейших юношей в отечестве нашем! мудрецы иноплеменные, уверяющие нас, что Россия, по суровости своего климата, никем не может быть обитаема, кроме белых медведей! что русские морозы гонят из пределов наших все радости и забавы! оставьте ваши кривые толки и верьте, что где только могут жить люди, там верно могут они радоваться и наслаждаться. Провидение мудрее нас! Оно печется обо всех равно: в отечестве зимы, во мгле дремучих лесов, засыпанных снегами и окруженных громадами льдов, природа умеет произращать цветы радостей для тех, которые повинуются ее уставам. Всякий народ имеет свои торжества, обряды, свои празднества, свою мифологию. Древний сын Севера, скандинавец, не поменял бы своего Одина на Юпитера,

своего Валкала на Елисейские поля. Бедный лапландец и теперь не согласится оставить юрту и снежные поля для того, чтобы переселиться в великолепные палаты, на цветущие долины Южной Европы. Одни только наставники наши, иноплеменцы Бог знает откуда, а по словам их из стран благоденствия, бегут опрометью к нам, в царство холода, и зачем? Чтобы продавать нам ум свой, который, как дым, ест глаза и улетает на ветер, а через то выцеживать русское серебро из карманов наших богачей.

Город Зубцов

Город Зубцов мал, но довольно хорошо выстроен. По летописям видно, что он существовал еще в 1216 году. Здесь впадает в Волгу судоходная Вазуза, принимающая в себя прекрасные реки Ассугу, Сошню²⁵ и проч. — В Зубцове есть верфь. Барки строятся из заготовленных *кокор* (деревьев, имеющих природную кривизну, нужную для основы судов). В особенном канале весенние воды поднимают груз и его сплавливают на Волгу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Распрощавшись с А. Г., поплыли мы из Зубцова сквозь ленивые, дремавшие над рекою туманы, которых лучи раннего солнца не успели еще рассеять. Всё было тихо, всё прекрасно! Прелестные окрестности обворажили взор. Волга расстилалась под нами, как чистая серебряная полоса. Стаи рыб подымались кверху глядеть на свет, а быстрые ласточки, летая над рекою, смотрелись в кристальную ее глубину. Потеряв из виду город, встретили мы караван рыбаков, проводивших ночь среди Волги. В каждой лодке дымился еще ночной огонь в горшках: они ловили рыбу *подъездами*.

Желая на Волге увидеть Волгу во всем ее величии, мы начали читать стихотворения к сей реке двух прекраснейших пиитов И. И. Д. и Н. М. К.²⁶ Один из них в прелестных стихах говорит, обращаясь к Волге:

Я плыл, скакал, летел стрелою.
Там видел горы над собою
И спрашивал: который век
Застал их в молодости сущих?

²⁵ Речь идет о рр. Осуге и Шашне, которые впадают в Вазузу (правый приток Волги).

²⁶ Иван Иванович Дмитриев и Николай Михайлович Карамзин. Далее цитируется стихотворение Дмитриева «К Волге» (1794).

Здесь мимо городов цветущих
И диких пустыней я тек.

Там веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цветы и травы ароматны,
Растуши средь твоих зыбей,
Влекли попеременно взоры.
А там сирен пернатых хоры,
Под тень кусточков уклонясь,
Пространство пеньем оглашали,
И два сайгака им внимали
С крутых стремнин, не шевелясь.

И мы встречали, хотя не все, но по крайней мере некоторые из картин, изображенных животворною кистью поэта. — Третья встретившаяся нам впадающая в Волгу речка есть Дорогоча. Недалеко от ее устья виден небольшой песчаный остров: он называется Солнцевым. В продолжение плавания встречались нам разные караваны барок, тянувшиеся снизу с грузом соли. Синие волны, прыгая около кормы каждого судна, покрываются, как будто жемчугом, шумною пеною.

До сих пор я не сказал еще ни слова о тех людях, которыми двигалась наша лодка, то есть о гребцах. Один из них, наш кормщик, был ржевский мещанин; другой, из церковников, трусливый, суеверный, беспрестанно повторял разные места из псалтыря и часовника. Каждый раз, когда начинало смеркаться, он заводил рассказы о домовых, леших, водяных и лесных духах, которые будто бы беспокоят плователей на Волге, швыряя в них камнями с берегов или перекликаясь с ними и тем заманивая в непроходимые леса. Во время сих повествований рассказчик наш дрожал сам, как осиновый лист. Оба гребца были, кажется, *староверы*, ибо, кроме прочих признаков, ни один из них не курил и не нюхал табак.

БЛАГОДЕНСТВИЕ ПРИБРЕЖНЫХ ВОЛЖСКИХ КРЕСТЬЯН

Последние лучи заходящего солнца пылают в золотых заревах на стеклах прелестных сельских домиков, украшающих высокие берега Волги. Вместе с сумерками берега блестят огнями. Багряные столпы изображаются в зеркальных струях реки. Завидя впереди себя сквозь сизый вечерний туман синие волны, прыгающие в шумных порогах, и подводные камни, освежаемые седею пеною, мы отложили плавание до утра.

Скоро влажная осенняя ночь спустилась и одела природу сгущенными мраками своими. Лодка наша раза два попадала на подвод-

ные камни. Мы пристали к лесистому берегу. Желая попробовать эхо, нарочно кричали мы — и голоса наши раз до шести отзывались в горах. Робкий Трифон (имя трусливого гребца) дрожал от страха: «Перестаньте кричать, господа! — говорил он, — чтоб не накликать *честного леса!*» Между тем звон колокола раздался за лесами, и мы прямо чрез скалы стали пробираться в ближнее селение, где остановились ночевать у крестьянина.

Старик, хозяин наш, был гостеприимен. Пространная белая изба его тепла; а мы, продрогнув от вечерних рос и холодных волжских туманов, радовались такому прекрасному ночлегу. Голод заставил попросить ранее обыкновенного ужинать; нам подали сытные щи и жареную курицу. Заметьте, что это случилось у крестьянина и не в праздничный день. «Неужли, — сказали мы, — у вас и в будни жарят куриц?» — «Хвалить Бога! — отвечал старик. — Кроме постов, всегда едим с мясом; сами голоду не терпим да и проезжего гостя найдем чем попотчевать». — Генрих IV, государь, превозносимый современниками и потомством, в заботах и попечениях о благе народа говорил: «Я тогда почту французов счастливыми, когда каждый поселянин в состоянии будет варить курицу по воскресным дням». Так говорил он о французах; а русский приволжский крестьянин, который не по одним воскресеньям, но каждый божий день ест сытные щи с мясом, кем может почесться за несчастного? Разве одними клеветушками на нас иноплемениками. Сверх того у сих крестьян есть обыкновение достойное украшать не только их избы, но и великолепнейшие чертоги. Оно состоит в свободе, которую отцы дают детям своим в рассуждении браков. — Войдя в избу, мы застали всё семейство в трудах. Между прочим старшая из дочерей, белокурая, стройная девица, сидела за кружевной подушкой и плела кружева. «Для кого это рукоделье? — спросили мы. — Не на продажу ли?» — «Случается иногда и продавать, а более для своих нарядов: у молодой девицы от безделья руки млеют; труд — забава, им-то и время коротать». Так говорил старик хозяин. «А который год твоей дочери?» — «Есть лет около двадцати». — «И она еще не замужем?» — «Еще Бог не послал жениха по сердцу», — отвечал старик. «Да разве у вас выдают замуж девиц по согласию!» — «А как же бы и не так: *любовь согласье водит*». — «Ну, если в дочь твою влюбится бедный, безродный сирота?» — «Что ж за беда! Коли он ей по сердцу, так и Боже благослови: в добрый час, веселым пирком да и за свадебку!» — «И ты не помешаешь ей выйти за бедного?» — «Сохрани меня от этого Господь! Я не захочу принять на свою душу смертного греха; да зачем и мешать? Мне ин вчуже любо смотреть, как девица с милым идет! Барин! — продолжал старик. — Обычай не клетка, не переставишь; а душа с душой слобится, что склеится...

Кому ж взбредет на ум перешибать любовь и глядеть на слезы и тоску родимого дитя своего?» Тут не вытерпела и мать, чтоб не вмешаться в наш разговор. «Сохрани нас Бог! — говорила она, — быть разлучниками и злодеями наших детей; да ведь и священник прежде всего спрашивает: по любви ли друг друга выходят; без того и венца нет: *любовь кольцо, а у кольца нет конца*, — прибавила добрая старушка. — В чьей груди сердце бьется, тот ему и господин. Дети наши, а воля у них своя: сердце само скажет, кого полюбит. Так говорили деды и отцы наши, а мы живем их умом и благословением». — В это время молодая рукодельница так заслушалась речей родительских, что руки ее будто задремали над делом; работа остановилась: булавки перестали прыгать по узору, и шум коклюшек затих. — Кому не сладко слушать про свою свободу? — «А бедность разве не пугает ваших невест?» — сказали мы, нарочно продолжая разговор. «И!.. — отвечал старик, покачав головою. — Где живет труд, там бедности места нет. Иной продает и с барышом, да ходит нагишом; а по-нашему, были б руки здоровы, так состроим и хоромы! Я за своею Алексашею взял в приданое только красоту девичью да ее русую косу, ан, смотрика, теперь и домком живем!.. Кто потеет на ниве да молится Богу в клети, тот с голоду не умрет: вить давно люди бают: голенькой ох! а за него Бог!» Так говорил наш добрый хозяин, и сердечная улыбка разглаживала морщины на лбу его. Мы смотрели на него во все глаза, не проронив ни одного слова. Казалось, что сам здоровый рассудок беседовал с нами в лице сего почтенного отца земледельца. — Молодой разносчик, приставший здесь же несколько прежде нас на ночлег и всё время хранивший молчание, вдруг начал говорить:

«И у нас, батюшка, в Замосковном краю, в замужестве неволи нет: коли сердце с сердцем слюбится, так от венца уж никто не ответит...» — «А ты сам женат ли?» — «Женат, батюшка!» — «И по любви?» — «Уж, конечно, по любви. Анюта, теперешняя моя жена, училась со мною в одной школе читать; мы еще из детства полюбили друг друга. Я посватался, отец спросил у нее: хочешь ли, дочь, за него? А получа в ответ: да! — он тотчас выкупил ее у господина за триста рублей да и выдал за меня. Ну, Ваня, говорил мой тесть: мне не жалко трех сотен; теперь дочь моя свободна, она хочет быть твоею, — возьми ее даром. Ты добрый парень, не богат, да что делать! Живи-ка смиреннько, тyani ножку по одежке; где любовь да согласие, там и двор красен; был бы жив да не ленив, а богат будешь... Еще я знаю одного барина в Малороссии, — говорил разносчик, — который в слободе своей устроил славный порядок. Прежде богатые крестьяне выдавали дочерей своих только за богатых, а бедные должны были жениться на бедных, а потому богатство с богатством, а горе с горем

сливалось. Третья доля крестьян в слободе жили красно и богато, а прочие как нищие скитались у них по подоконью. Но помещик был, знать, не плохого ума: приехав из Питера и узнав обо всём, указал так, чтоб богатые невесты непременно выходили за бедных парней, а женихи богатые женились бы на бедных девицах. А чтоб не было неволи, то, если богатый слюбится с богатою, так либо невеста, либо жених должен отдавать свое приданое бедной чете. Так-то невеста богатила жениха, а жених обогащал невесту; и чрез года два или три все крестьяне стали равно довольны и богаты. Богачи породнились с бедняками; не стало ни ссор, ни вздоров, и все после били за то челом своему господину». В самом деле, это прекрасная выдумка, прекрасный способ уравнивать состояния!.. Раздел земель, Ликургом в Спарте узаконенный, изгнал из ее пределов роскошь и нищету. В Риме несколько раз покушались уравнивать состояния: оба братья Гракхи погибли от богачей за то, что так великодушно вступались за бедных! Но *уравнивать состояния посредством браков* есть прекрасное изобретение попечительного помещика. — Так рассуждали мы, восхищаясь здравыми суждениями тех, которые, не читав отроду ни древних, ни новых мудрецов, живут в простоте сердца и в простых хижинах. Отцы и матери! Вы, которые, так сказать, торгуете счастьем дочерей ваших, подобно жестокосердым африканцам, продающим детей своих в неволю, придите в сии мирные хижины, услышьте рассуждения простого поселянина и познайте ваше заблуждение!

Корысть! Идол боготворимый, блеск твой ослепляет глаза, туманит умы смертных. Они раболепно влекут тебе на жертву всё то, что природа дает им драгоценнейшего!

Горестно видеть, что большая часть нынешних браков заключаются пред алтарем корысти, а не любви!.. В рассуждении *об ордене Цинциннатов*, говоря о поддом пристрастии к золоту, вовсе не существовавшем в Америке, но перешедшем туда из Европы и, подобно всем наносным болезням, начинавшем уже распространять свое владычество в Новом Свете, *Мирабо* в полноте сердечных чувств восклицает: «О скорбная участь! Уже и добродетельнейшие из жителей Америки достигают до той степени разврата, что бедность осиротелых девиц в глазах их становится пороком! И так *красота* и *добродетель* уже недостаточны кажутся к заключению сердечных союзов, освященных пред алтарями Бога! Им нужно стало *приданое*! Честолюбие и скупость располагают ныне браками! Любовь честная и невинная, сия дщерь благого неба, уже бежит теперь из здешних стран, заливаясь слезами прискорбия!.. Нет, нет; не стало уже Нового Света!»

Но отчего так падки люди к золоту? Металл ли сей сам себе их пленяет или влияние и надобность оногo в просвещенных обще-

ствах? — Рассмотрим сие: золото есть металл бездушный; итак, можно ли почерпнуть в нем наслаждения для души? Золото, обожаемое европейцами, было в презрении у американцев: они попирали его ногами, дарили испанцам, как песок, засыпали лошадям их вместо овса.²⁷ В Бразилии алмазы и золото текут из гор с ручьями: негры, потеющие над очищением их под лозою алчных европейцев, клянут и золото, и алмазы. Если кто из соотечественников наших влюбится в серебро, то может идти в Нерчинские рудники и вместе с работниками подкапывать минеральные глыбы. Там-то взор сребролюбца насытится серебром во всех его изменениях и видах. Он увидит любимое свое сокровище прежде смешанное с землею, потом искусством очищенное и, наконец, клокочущее в плавильных сосудах...

Сурена, генерал парфянский, убив Красса (одного из триумвиров), жертвовавшего всем для корысти, представил голову его Ороду, своему государю, который повелел залить рот корыстолюбца растопленным золотом, говоря: «Насыщайся тем, чем ты никогда не мог насытиться!» Мщение жестокое, но почти справедливое. «Следственно, вы хотите сказать, что золото как металл, то есть как тело плотное, ковкое, звонкое, блестящее и проч. и проч., не может пленять наших чувств и быть вожделенным предметом для сердца». Так говорит мне вступивший в сию минуту в разговор светский химик, защитник благородных металлов. «Но, — продолжает он, — взгляните на серебро и золото как на такие вещи, без которых в областях нынешнего света нельзя ступить и шагу; подумайте, что тот, кто не имеет копейки за душою, должен ходить и по стуже в той природной одежде, которую носил наш праотец Адам до падения. Подумайте, что он должен, как Диоген, пить пригоршнями одну воду, а есть Бог знает что? — Вообразите, сколь ужасна бедность!.. Всякий бежит от нее как от огня. Обнаружив вашу нищету, вы сделаетесь презреннейшею тварью в нынешнем обществе. Но замкнув стоны бедности в груди своей, вы будете снестаться ею втайне, как тот спартанец, которому скрытый зверь прогрыз грудь и сглодал сердце.²⁸ Бедность наполняет жизнь нашу отравною горести. Она погружает в слезы целые семейства, приводит в исступление отчаянного отца и поражает голодною смертью младенца на иссохшей груди матери. — Что можно противопоставить

²⁷ Жители Нового Света, не постигая алчности испанцев к золоту, подумали, что они непременно собирают его для корму неизвестных им четвероногих своих животных, то есть лошадей. — Прим. Глинки.

²⁸ Известно, что один спартанец, укравши молодую лисицу, держал ее до тех пор под епанчою, разговаривая с товарищами своими без всякого изменения в лице, пока зверь прогрыз ему грудь, и он упал мертв. — Прим. Глинки.

бедности, кроме...» Золота, хотели вы сказать? Судя по нынешнему образованию обществ, это справедливо, я не спорю; но осмелюсь напомнить, что трудолюбие и умеренность суть также немалонадежные лекарства от нищеты. «Один только малодушный (говорит некоторый автор) может, опасаясь бедности, отказаться от истинного счастья; одна только низкая душа может предпочесть деньги привязанности нежного и непорочного сердца». Сочинитель оперы Ольги сказал весьма справедливо: где нет прихотей, там нет бедности; а мы прибавим: где есть взаимная любовь, там нет прихотей. Как вы думаете, чья выгоднее женитьба: того ли, кто возьмет графиню, имеющую сто тысяч дохода, а на сто тысяч и один рубль прихотей; или того, который женится на девице, имеющей сто рублей дохода, а на пятьдесят только прихотей? — Кажется, что последняя женитьба, даже по светским расчетам, будет выгоднее и покойнее первой.

Так, бедность не страшна для трудолюбивых, а труд есть забава в тот час, когда трудимся для милой особы. Одно принуждение, одна сердечная неволя ужасна: она заставляет юную супругу иссыхать на заре жизни, томиться на лоне роскоши и в тишине ночей орошать слезами золотое изголовье. Смотрите, вот *Сребролюб*, повторявший столько раз пред целым светом, что любит более всего дочь свою. Теперь, в доказательство отцовской горячности, выдает ее за глупого и безобразного Богатона. *Светлана*, девушка милая, известная в обществах своею любезностью, стесненная узами брака против воли сердца, становится задумчивою, скучною. Некогда в простом домике своего отца певала она, как майский соловей. Теперь в позлащенных чертогах, среди мраморов и драгоценных бронз, ничем не трогаясь, ничем не восхищаясь, сама недвижима и нема, как мрамор, цепенеет от скорби сердечной. Неотступный муж сидит подле нее на золотом диване, но сердце ее для него затворено: оно отдано уже с давнего времени Милону, которого образ вечный и единственный в нем житель. — Что же делается с бедным страстным Милоном? — Все надежды его исчезли, счастье мелькнуло пред ним и скрылось как тень... Где узы нежнейшей, страстной любви, соединявшие сердце его с сердцем Светланы? Увы! они прерваны мечом корыстолюбия!.. Заглянем в хижину Милона: всё семейство встревожено нечаянною вестью о браке Светланы. Милон, несчастный Милон, сжимая отчаяние свое в груди, бледен и безгласен, кажется приговоренным к смерти. Но вдруг буря стесненных чувств порывом вихрей вырывается из сердца его. Наружное спокойствие исчезает, полуугасшие и скорбью отуманенные взоры страдальца возгораются; молнии гнева блестят в его глазах, отчаяние извлекает прерывные вопли из помертвевших и дрожащих уст. Отец и мать огорченного утопают в слезах; иногда и сам Милон плачет с ними. —

Но можно ли слезами грусти потушить тот огонь, которого, по словам Екклезиаста, и *воды многи* не угашают?²⁹ — Вот абрис картины отчаянных любовников. Искусный писатель-живописец мог бы сделать ее поразительною. Но посетим мысленно чертоги нового супруга Богатона; узнаем, что делается в них. В первые минуты брака он восхищался молодою женою, нет! добычею своею, точно так, как морской разбойник утешается слезами и отчаянием прекрасной невольницы, им похищенной. Мало-помалу заблуждение начало исчезать. Он в первый раз убедился, что за золото нельзя купить истинной любви. Легко заметить было, что сердце Светланы далеко от него и в ту минуту, когда он усиленно стеснял ее в своих объятиях. Вскоре родились подозрения, косые взгляды, ропот, и вскоре на пышном и богатом ложе супругов зашипело гнездо черных змей — это были змеи ревности!.. И так бессмысленный Сребролюб, принудивший дочь свою выйти замуж поневоле, погубил навеки ее и целое семейство. По законам здешнего мира он может быть оправдан; но когда страшная труба архангела повестит всем смертным да явятся на суд общий для выслушания своих приговоров, тогда, где бы ты ни был, хотя б, истлев в земле, превратился в персть, хотя б, поглощенный морем, послужил добычею рыбам, не мысли, чтобы мог обратиться в ничто. Нет! Все пылинки, составлявшие тело твое, совокупятся воедино, и ты, в точном образе *отца-притеснителя*, со стоном и скрежетом зубов воскреснешь в день судный. Тогда в очах твоих сам Бог милосердия разрешит земные узы, или терновые оковы, возложенные тобою на дочь твою.

Светлана и Милон, сии страдальцы мира, соединятся вечным союзом, и светлые лики ангелов увенчают их неуваждаемыми райскими цветами! А избранный тобою Богатон услышит страшный глагол евангельский: *удобнее верблюду пройти в иглу, нежели богачу во врата Рая!* Он услышит его и оцепенеет... и корыстолюбие — смертный грех — увлечет его и тебя в океан вечных огней, удаленный неизмеримым пространством от светлых пределов рая, определенного в награду нищим и убогим страдальцам, орошающим повсечасно слезами тернистый путь их бытия в сем мире. — Отцы и матери приневоливают дочерей своих выходить замуж по расчетам, а не по выбору сердца. Но часто и самые девушки, не советуясь с чувствами своими, не заботясь о будущем, верят одному только минутному обольщению, одним только глазам, которые скоро ослепляются блеском золота и дорогих камней. Кто видел на театре драму *Рауль*, или *Синяя борода*, тот

²⁹ Любовь крепка, как смерть; ее же воды многи не угашают и реки не потопят ее. Библ. Песнь Песней. — *Прим. Глинки.*

Песн. 8: 6—7.

помнит, как молодая легкомысленная невеста, прельстясь подарками *Рауля*, забывает любовь верного Вержи и свои обеты: она отдает руку богатому мужу, в котором вскоре узнает злодея, убийцу трех жен. Мало ли таких драм разыгрывается и на всеобщем театре большого света? — София, молодая, невинная София, взлелеянная под сенью любви родительской в удалении от горя и забот, расцвела, как прелестный цветок в роскошном цветнике. Радость светилась в голубых глазах ее, всегдашняя улыбка порхала на розах свежего лица. Многие искали пути к сердцу спокойной красавицы; но оно никому не открывалось и до шестнадцатой весны было жилищем одних радостей. Невинность покрывала его алмазным щитом своим от стрел лютых страстей. Вдруг посватался к ней жених со всеми достоинствами, то есть, говоря языком большого света, он был богат, чиновен и *сиятелен*, ибо по вычетам родословных кружков происходил от князей Камчатской или Золотой Орды. Едва только князь открылся, что имеет великодушное намерение озарить Софию своим сиянием, то есть из простой дворянки сделать ее княгиней, отец Софии тотчас собирает домашний совет. Он состоял из нескольких бабушек, тетюшек и прочего родственного причету. Однако ж между ними случился один внучатный дядя Софии, человек честный, опытный и умный, но в глазах общества казавшийся странным потому, что неусыпным надзором над самим собою успел освободить себя от многих предрассудков. Едва объявлено было предложение князя, как вдруг всё собрание воскликнуло: ах! как счастлива наша София! Один Правдолюб, дядя Софии, сохранял мрачное безмолвие. Когда все дядюшки и тетюшки сочли по пальцам, сколько будет за Софией душ, сколько станет она получать доходу и как будет счастлива, тогда отец обратился к Правдолюбу и вместе со всеми родственниками настоятельно требовал его мнения. Долго боролись с упрямством Правдолюбца, наконец он начал говорить и, по обыкновению своему, — правду:

«Я вижу вашу радость, ваше восхищение о том, что наша София будет княгиней, — вижу и сожалею о вас. Друзья мои, вы похожи на тех людей, которые, не имея верного понятия о вещах, пленяются блеском восточных хрусталей и с радостью берут их вместо драгоценных алмазов. Верьте мне, что знатность и все наружные почести суть не что иное, как полуда, мишурный блеск, радужная пыль на крыльях бабочки. Желаете ль найти истинное, неизменное достоинство? — ищите его в сердце. Я знаю сам, что душа Софии еще спокойна, бесстрашна: София еще никого не любила, она не любит и князя; но она соглашается отдать ему руку. — Верю, она по неопытности своей еще ребенок, а всякий ребенок охотно бежит за тем, кто его манит гремушками; но напевшись всем, что его прельщало, он скучает и плачет. Подождите,

пока сердце девушки созреет и откроется для истинной любви. Дочь ваша довольно достаточна. Она может осчастливить бедного, но милого ей человека. Князь имеет во владении своем несколько тысяч десятин земли с рощами, садами и озерами; но в жизни для жизни довольно нескольких плодородных десятин; а по смерти три шага земли достаточны для Креза и Ира, для царя и пастуха. Вы привыкли ценить и уважать людей по числу душ, хотя бы они сами были вовсе бездушны. Правда, что князь по крепостям имеет не одну тысячу душ; но собственная его душа есть крепостная душа страстей и пороков; да верит ли полно он и *бытию* души, будучи воспитанником философов XVIII века.

Может быть, вы пленяетесь титулом князя: знайте, что это также условное и весьма несправедливое отличие. Вам известны насекомые, изливающие вокруг себя свет во тьме ночной, которого лишаются они при солнечном сиянии: точно так и сияние титулов блестит только во мраке предрассудков и исчезает при свете здравого разума.

Все мира пышны знаки чести —
 В очах премудрости прямой —
 Прельщение умов незрелых,
 Игра младенцев престарелых,
 Отрада слабости одной.

Один из предков князя был, верно, простой татарин. При нападении сих хищных народов на отечество наше он более других успел разжиться грабежом, развел многочисленные стада на луговой стороне Волги, а потому, став отличное от прочих бедных кочующих своих собратьев, он сделался мурзою, эмиром или князем. И так вы видите, что все наружные преимущества переменяются, как платья. Что в одном краю в почтении, то в другом кажется смешно. Слова *князь* и *вельможа* не найдутся во многих языках; а слово *добродетель* блестит как алмаз в наречиях гуронов, готтентотов и коняков. Сила добродетели владychествует над сердцами всех народов и всех племен. Итак, ищите того, что нигде и ни в каких превратностях не теряет своего достоинства — ищите добродетели!» Так говорил Правдолюб, но речь его показалась темною, сухою, несвязною; иные даже думали, что она говорена на каком-нибудь азиатском языке. Слова Правдолюбовы не льнули к сердцам слушателей, и София, как будто наперекор, вышла за князя. Нянюшки, мамушки, родные и посторонние величали Софию княгиною, и она улыбалась от радости. — Что ж случилось с предвещаниями Правдолюбца: сбылись ли они или нет? Посмотрим. Когда окончились свадебные обряды и торжества, шум в палатах князя затих, София всё осмотрела, всё ощупала: она открывала суетливо каждое пышное *бюро*, каждый позлащенный сосуд, прельщавший ее своею наружностью,

как будто бы чего в них искала, и везде находила — пустоту. Вскоре узнала она, что и сам князь похож был на фарфоровый, внутри пустой, извне расписанный сосуд. Он не имел ни средств, ни искусства, которыми б мог украсить, озолотить жизнь Софии: сердце его было пусто, голова необитаема умом. Притом же вместе с платьем снимал он свои поддельные волосы, вынимал ряд прекрасных зубов изо рта и один глаз изо лба. Смыв с лица румяна, белила и сурмильный порошок, он являлся в глазах жены рябым, изуродованным циклопом. Испорченное дыхание его, не будучи удерживаемо ароматами розового масла, заражало всю комнату, — и в его-то объятия должна была склоняться София! — Посмотрим на ее томление в часы безмолвной ночи. Снилось ей, что она выдана замуж за бедного, но прекрасного молодого человека; что жилищем ее была простая светленькая хижинка. «Вот, милая, — говорил ей муж, — у нас нет пышности, нет великолепия; хижина наша украшается простотою; а для меня она дороже золотых чертогов, потому что ты, ангел души моей! озаряешь ее собою: верь мне, любовь озолотит и хижину, и жизнь нашу:

Я не могу тебе представить,
 Что гордости возможет льстить,
 Ни знатностью тебя прославить,
 Могу лишь вечно я любить.
 Не колесницы, не чертоги,
 Где смертны кажутся нам боги,
 Где низки суть так боги те;
 Даю лишь сердце благородно,
 Тиранов чуждо и свободно,
 Твоей подвластно красоте.

Так милый друг, сердце мое говорит мне, что для счастья в мире сем довольно одной любви». Тут София хотела броситься в объятия молодого, прекрасного супруга, хотела прижать его сладострастно к груди своей; но призрак исчез: она пробудилась. Томный смущенный ее взор блуждал среди великолепных уборов богатой спальни. При свете ночной лампы встречает она везде блеск и сияние, везде роскошь и великолепие; но ничто ее не утешает: взглядывает на супруга и видит в нем *обнаженное безобразие*. «Боже! — говорит она. — Чувствую всю справедливость ниспосылаемого Тобою наказания; мечты честолюбия и богатства обольстили меня!.. Я искала счастья, искала наслаждений в блеске роскоши и везде нахожу одну пустоту: ах! в золоте нет души: оно нравится глазам, а для сердца ничто... О мать моя, отец! Почто не остановили вы меня в тот час, как я гналась за призраком, обольстившим меня. Возьмите от меня всё сокровище; дайте, дайте мне одно

доброе любящее меня сердце, на котором бы я могла успокоить стесненную вздохами грудь мою. Здесь, на этом мягком, роскошном ложе, я страдаю, как будто на терниях!.. Ах! Сжальтесь, дайте мне простую хижину, я покойнее усну на соломе...» В эту минуту проснулся ее муж и бросил на нее из одного глаза взор, может быть, и ласковый; но София вздрогнула и закричала от страха. — Сколько б услышали мы подобных и еще горестнейших жалоб, если б, став невидимкою, приложили ухо к дверям богатых спален некоторых вельмож, заключающих браки по одним расчетам честолюбия и корысти!

Но окончим рассказ о судьбе неосторожной Софии. Неопытность и легкомыслие погубили ее. Как прелестный цветок, срезанный с корня и поставленный в воду в раззолоченный фарфоровый или хрустальный сосуд, час от часу блекнет, вянет и, наконец, пороняв все иссохшие листки свои, умирает, так увядала София среди всех блесков роскоши. Часто в путешествиях своих, останавливаясь в простых хижинах, она находила под соломенной кровлею не одну счастливую чету. При виде благополучных и в бедности супругов сердце ее возмущалось. Она желала бы сбросить с себя и сияние княжеского титула, и богатые наряды, одеться в рубище и жить в пастушеском шалаше только сам-друг с милым сердцу. Беспреданное волнение чувств и скорбь, грызущая ее, повергли Софию в чахотку. Настала весна: снега, под которыми зима погребла природу, начали таять, и София таяла, как снега, исчезала, как они! Уже давно горькие слезы смыли румянец, игравший на щеках ее; угас небесный блеск в померкших голубых глазах, улыбка, озарявшая лицо, спорхнула навсегда с поблекших уст, и две прелестные ямочки — печати поцелуев любви — изгладились на иссохшем от грусти и болезни лице: одним словом, София приближалась к последней степени чахотки. Весна расцвела, на небе и земле; всё воскресло; — а София умерла! Первые весенние птички запели, и песнь их отозвалась уже над ее могилою!.. Князь, сделав великолепные похороны своей княгине и воздвигнув над прахом ее мраморный, золотом украшенный надгробник, как будто ни в чем не бывав, помчался по свету искать утешения — невест. Но родители, сердечно любившие Софию, горько плакали над ее могилою.

«Мы погубили тебя, милое дитя наше! — восклицали они. — Мы виновники твоей гибели. Ты, как ребенок, бежала к пропасти, закрытой цветами. Долг наш был остановить тебя, но заблуждение ослепило нас самих! Ах, мы думали, что богатый князь украсит, осыплет розами счастья каждую минуту твоей жизни. Но ты, бедная, невинная страдальца, вместо сладостных уз брака до самого гроба стеснялась веригами лютой скорби! Увы! супруг твой, бессмысленный богач, *златою косою* подкосил все радости на пути твоей жизни; и ты, о не-

счастливая жертва корысти! ты иссохла, как цветок, на заре жизни: скорбь вытеснила ангельский дух твой из прекрасного тела, для тебя не сияло солнце супружеского счастья. Горе, как змея, впилось в сердце твое: ты вечно утопала в слезах, ты проплакала всю веселость свою, первое сокровище молодости, — и жизнь казалась тебе постылою!»

Пятый день плавания

Миновав еще впадающую в Волгу реку Иружу и шумный каменный порог ее, где недавно застряло судно с яблоками, плившее в Тверь, рано поутру приплыли мы в Старицу. Вообще все города на Волге, даже самые небольшие, кажутся многолюдными, когда подъезжаешь к ним водою: народ толпится на берегах, конные и пешие теснятся к парому, разноцветные одежды мужчин, а в праздничные дни блестящие флеровые фаты, парчовые платья и жемчужные головные уборы женщин, гуляющих по берегу, составляют приятную для глаз картину. Притом же пристани наполнены судами, на которых беспрестанно движутся шумные толпы работников. Торговые города оживотворяются промышленностью: в них везде видна жизнь и деятельность.

Старица довольно большой, по обеим сторонам Волги расположенный городок. Строение в нем почти всё каменное или на основании из белого камня.³⁰ — Мы вошли в новую церковь, которую

³⁰Что же представлял собой город Старица в это время? Это был небольшой уездный городишко с населением обоего пола 3332 человека. По классовой структуре жители распределялись так (по данным 1777 года):

Сословие	Мужчины	Женщины	Всего
Мещан	688	735	1628
Купцов	247	243	490
Дворян и их детей	25	21	46
Священно- и церковнослужителей	91	104	195
Секретарей и приказных	33	21	54
Воинских людей	44	39	83
Разночинцев	23	21	44
Господских людей	49	58	107
Казенного ведомства крестьян	451	439	890
Всего:	1651	1681	

назавтра собирались освящать.³¹ Архитектура в ней очень хороша, резьба прекрасная; но живопись не соответствует прочему украшению. Если бы не блеск свежих красок, можно подумать, что иконостас писан за несколько сот лет. Ласковый архитектор, случившийся тут, объяснил нам загадку, сказав, что иконы писаны нарочно старинною кистью для того, что прихожане-старообрядцы отчурались бы от церкви, увидев святых, написанных по нынешним образцам. — В 1598 году Борис Годунов, желавший чем ни есть оправдать себя пред потомством, воздвигал в разных местах великолепные здания: в Москве вознесся к облакам Иван Великий; Смоленск оградился стенами. В то время на основание сих высоких стен *белый камень* вожен был из *Старицы*.

В одной каменной горе в Старице насчитали мы до двадцати кузниц.³² Плавающие горны, вылетающие столпы искр и звонкий стук разнозвучных молотов напоминает басню о циклопах и бессмертные стихи Вергилия.

Заглянули в древний Успенский монастырь,³³ там погребены на особенном кладбище несколько особ из фамилии Тутолми-

Строения города характеризуются следующими данными:

Обывательских домов	639
Церквей каменных	6
Церквей деревянных	2
Городская школа	1
Питейных домов	6
Лавок	57
Мельниц	6
Кузниц каменных	15
Кузниц деревянных	5

(Крылов И. П. Материалы для истории города Старицы. Старица, 1905).

³¹ Речь идет о церкви Ильи Пророка (1782—1804, ул. Володарского), сооруженной на средства прихожан. Служба велась с 1784 г., после освящения Екатерининского придела. Расположена у заставы при выезде из Старицы в Тверь, богослужение в храме не прекращалось.

³² Речь идет о белокаменных кузницах конца XVIII — начала XIX в. на левом берегу Волги, построенных в нижней части холма, на котором находится Борисоглебский собор (1808—1820) и отдельно стоящая колокольня (1817—1827) в центре так называемого нового городища на бывшей Торговой пл.

³³ Успенский мужской монастырь в Старице на правом берегу Волги. По преданию основан в 1110 г. монахами Киево-Печерского монастыря Трифоном и Никандром в урочище Старый бор к востоку от современного монастыря. Возобновлен на современном месте в 1530 г. князем Андреем Ивановичем Ста-

ных.³⁴ Над каждой могилой воздвигнут памятник. Два из них отличаются от прочих: один имеет вид большого усохшего дерева, на котором число сучьев соответствует числу родословных ветвей; другой представляет купидона, погашающего пламенник жизни. Этот последний надгробник приводит на память прекрасное мнение древних о смерти. Они воображали ее прелестным ангелом, одетым в сияние светлых радуг, который с улыбкою является долголетним старцам и тихо угашает догорающую свечу жизни. Впоследствии мрачное воображение, может быть, для того, чтобы рассорить людей с гробом, выдумало изображать смерть в виде безобразного остова с ужасною косою.

На правом берегу Волги, против города, видны развалины древнего монастыря. Молва народная говорит, будто бы есть там подземный путь, которым можно пройти под водою на другой берег Волги. Легковерные утверждают, будто и в Киеве находятся пещеры под Днепром. Но не у нас одних заблуждаются: в Гибралтаре есть также пещера, о которой думают тамошние жители, что она ведет в подземный путь под Средиземное море, по которому можно дойти до самых берегов Африки. Из этих народных басен блестящее изображение эпического поэта может творить чудеса; например, населить подземелья сии подводными духами, которые заманивали бы людей в очаровательные потаенные свои чертоги и проч. и проч. Говорят, что Гомер большую часть повествований в «Одиссее» занял из рассказов суевренных финикийян, с которыми плавал по морям.

рицким как форпост на подступах к городу, прикрывавший брод через Волгу. Во второй половине XVI в. послушником монастыря был будущий патриарх Иов (в 1605 г. лишен сана и сослан в монастырь, где умер в 1607 г.; в 1686 г. над его могилой сооружена шатровая трехъярусная колокольня, в подклете которой надгробие Иова). В начале XVII в. разорен польско-литовскими интервентами. В 1681 г. сгорела западная часть (братские кельи, житницы, деревянная колокольня и каменная надвратная церковь Василия Анкирского). В 1804 г. в монастыре было открыто духовное училище. В 1920-х гг. монастырь упразднен; в 1997 г. возобновлен. Сохранились Успенский собор (1530), трапезная с шатровой церковью Введения (1570), надвратная церковь Иоанна Богослова (1694), настоятельский и братский корпуса (оба конца XVII в.), юго-восточная башня с остатками стены (XVIII в.), двухэтажная церковь Троицы (1819), белокаменные Святые ворота (1885), мавзолей-усыпальница Глебовых-Стрешневых (конец XVIII в.). *Арсений*. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь, 1895.

³⁴ Генерал-лейтенантша Елизавета Афанасьевна Тутолмина (урожд. Тулубева) владела имением Маслово Старицкого уезда. В Генеалогии зарегистрировано только два колена рода Тутолминых: генерал-майор Алексей Тимофеевич с женой Екатериной Николаевной, урожд. Языковой, и их сын Сергей (р. 18.01.1813); в III часть дворянской книги внесены 26.01.1834 г.

ПРОТИВЕНЬ

Еще с утра мрачные ненастные облака сгустились и покрывали небо; наконец пошел проливной холодный дождь. Один из наших гребцов явился в трактир, где мы остановились, с известием, что на реке поднялся сильный *противень*. Однако ж мы, несмотря ни на что, решились плыть, распустив над головами дорожный зонтик.

Противень на Волге есть то же, что буря на море. Осенний ветер завыл навстречу нам. Река шумела, и пена оснежала берега. Черные волны поднялись грядами; *девятый вал*, выше всех прочих, наступал грозно на легкую нашу ладью. Дождь, шумевший из облаков, сливался с брызгами разъяренных волн, и весь воздух превратился в холодную влагу.

По причине противного ветра мы не могли уплыть в целые три часа более осьми верст. Наконец, прозябнув от непогоды, принуждены были зайти обогреться в село Спас.³⁵ — Подле этого села, в крутом берегу, размытом водою, видно много гробов, костей и разбросанных черепов. Печальный вид брэнности человеческой, мрачное небо, стон сетующей природы — всё поселяло в нас какой-то невольный трепет и погружало в размышление. Может быть, некоторые из сих голов наполнены были умом острым и здравым: иные обширную памятью, поглотившей всё, что называется учением; другие вмещали в себе пламенное воображение, которое в смелых порывах своих обтекало вселенную. Теперь сии самые головы, разметанные бурей, валяются между камнями и раковинами без всякого призрения. — Благочестивые жители села Спаса должны б засыпать землею сии разрушенные могилы, да с миром истлевают остатки человечества!.. Древние, а особливо греки, отменно уважали погребальный обряд: у них меньше значило лишение жизни, нежели погребения.

Как разительна мысль о смерти! Но, по словам Юнга, она исчезает в уме нашем скорее, чем след бегущего корабля на море или парящего орла в воздухе. — Смерть, как говорит Монтань, каждого из нас *держит за ворот*. И мы не видим ее! И богач, сидящий на мши-

³⁵ С. Верхний Спас (Спасское, Маютино), в селе деревянная церковь Спаса Нерукотворного образа с приделом свт. Николая, перенесена в 1779 г. из с. Нижний Спас, в 1785 г. возобновлена на каменном фундаменте на средства поручика лейб-гвардии Николая Никитича Лопухина, уничтожена в 1930-е гг. Приписана к с. Юрьевскому. См.: Тверская деревня. Старицкий район: энциклопедия российских деревень. Старица, 2007; Духовенство и приходы города Старицы и Старицкого уезда. 1828 год: Клировые ведомости / ред. Т. Г. Леонтьева. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009; *Добровольский*. С. 518; Справочная книга по Тверской епархии. Тверь, 1914.

стых бочках золота, углубленный в расчеты, не видит, что смерть, как несменный страж, как тень его, всегда за ним!

Считаем золото мы, а смерть стоит за нами!
Мы деньгам счет, она ведет счет нашим дням
И непреложный путь всем кажет ко гробам!

И грозный покоритель народов, сплетающий, так сказать, сети из оков, которыми хочет уловить все народы земли, часто вспоминаящий об Александре, Кесаре и Сципионе, — забывает о смерти, которая всех сих исполинов, пред кем земля умолкала, истребила из книги живых. Один мах косы — и тот, кто облагал мир веригами подданства, стеснится сам в шести досках и предан будет нетлению!

Буря

К ночи ветер становился сильнее, волны вздымались выше и выше. Волга кипела и в чрезмерном волнении, казалось, хотела вырваться из берегов. Высокие сосны и ели, приклоняемые бурей, стенья от корней до вершины, ударялись одна об другую и громко трещали. Песчаные глыбы, отрываясь от берегов, с шумом обрушивались в реку, и эхо в лесах и в ущельях гор повторяло грохот и треск. Между тем вдали открылся порог *Мирослав*. «Вот самый большой и сердитый порог!» — воскликнули наши гребцы. В самом деле, волны в нем кипели, как в котле, и он весь подернут был, будто снежным покрывалом, густою крутящеюся пеною. Сила порога еще издалека притянула лодку нашу, гребцы употребляли все усилия, но не могли справиться с волнами и сбились с прямой струи... Лодка запрыгала, застучала дном об уступчатые подводные камни, и мы начинали уже пугаться; однако ж, по причине легкого груза, судно наше только что скользило по камням почти без всякого вреда. Быстрота течения скоро промчала нас чрез все опасности. «Если б это случилось с тяжелою баркою, то, верно, она расшиблась бы вдребезги», — говорил наш кормщик. — Уже мрак вечера мешался с густою мглою сырых туманов, но буря не утихала, и мы не преставали бороться с шумными валами, которые лодка наша рассекала впоперек. Шум ветров, рев порогов, унылый гул *лоцманов*, свист вихрей в ущельях и протяжные крики коноводцев на берегах оглушали нас. Тут надвинула в тучах черная осенняя ночь и покрыла всё мраком. Огни засветились на судах, которыми унижены были берега, буря выла, и клокочущие волны прибили наконец лодку нашу к высокому мысу. — Кто пожелает иметь лучшее понятие о буре на Волге, тот может прочесть сии стихи прекрасного поэта:

Когда ж над тучами, со гневом,
 С ужасным шумом, грозным ревом,
 Начнет кипеть в брегах своих,
 Как вихри воздух раздирают,
 Как громы с треском ударяют
 И молнии шипят в волнах.
 Какая кисть дерзнет представить
 Великость зрелища сего:
 Какая песнь возможет славить
 Ужасность гнева твоего?..

Не желая более бороться с ветрами, мы начали взбираться ползком на крутизну. Взошли на берег ощупью впотьмах и пробирались далее; но, почувствовав ногами какие-то возвышения и впадины, остановились. В это время порыв ветра разорвал тучу, луна проглянула, и дрожащий луч ее осветил нас, стоящих на могилах: древние развалины, новая церковь, груды камней и кирпичей окружали нас. Наконец раздавшийся лай собак возвестил близость селения; мы пошли прямо на него и узнали, что это было село Иванище.³⁶

В нескольких местах упоминал я о *коноводах*. Так называют крестьян, нанимающихся тянуть лошадьми барки из Твери до Ржева. На каждую пару берут они до семидесяти пяти рублей, чтоб провезти суда берегом около двухсот верст. Бечевые, или дороги по берегу, чрезвычайно затруднительны: бедные лошади, как дикие козы, должны по голосу лоцманов то взбираться наверх по скалам, то спускаться к самой реке. Многие из них падают и ломают ноги. От Ржева Волга течет всё почти в погорных берегах; луговая сторона ее начинается гораздо ниже, и пословица говорит: «Знать ямскую по столбам, а Волгу-реку по крутым берегам».

Из села Иванища до Твери оставалось только верст около пятидесяти. Буря не унималась, река не утихла; после дождя посыпал мокрый снег; и мы решились променять лодку на почтовую повозку. Эта перемена сделала для нас путешествие несколько сносным и в самую несносную погоду. Вместо того чтоб, досадуя на противный ветер, медленно подвигаться вперед сквозь груды волн, мы летели по берегу на быстрой тройке с звонким колокольчиком.

³⁶ С. Иванищи в 20 км по дороге от Старицы на Тверь, на правом берегу Волги. В начале XVI в. принадлежало советнику князя московского Василия III боярину Ивану Шигоне Поджогиу. После смерти князя, попав в немилость, Шигоня укрылся в своей вотчине и в 1530-е гг. построил Успенскую церковь; сохранилась.

ТВЕРЬ

ТРАКТИР

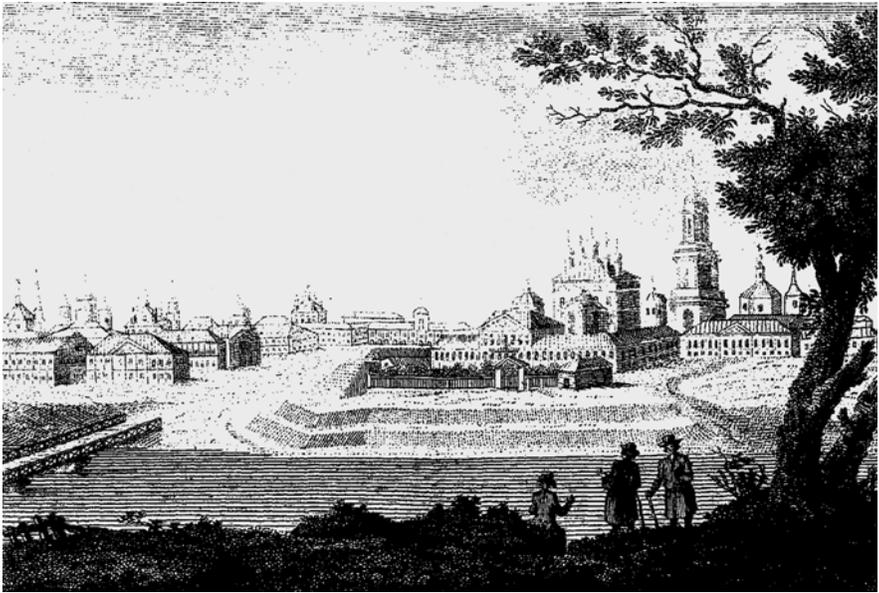
Мы приехали в Тверь в самую ненастную погоду: небо покрыто было туманными облаками; мокрый снег сыпался. Все улицы до чрезвычайности грязны. Приехав в первый раз случайно в сей город и не имея в нем никого знакомых, мы принуждены были остановиться в трактире.³⁷ Погода ненастная, идти некуда, что делать? Станем описывать то, что мелькает перед глазами. Трактир есть, так сказать, открытый театр, на котором новые лица представляют беспрестанно новые явления. Всякий, входящий в трактир, становится поневоле действующим для того, кто захочет быть зрителем. Во всех прочих домах в городе видишь одно и то же: там всякий подражает общему образу обхождения. В трактире, напротив, всякий действует по-своему, и здесь-то любопытно замечать людей. Сядем у стены на этой софе; средняя комната будет для нас открытою сценою: всякий, кто на нее вступит, станет действующим лицом. Завеса открывается — смотрите!..

ЯВЛЕНИЕ I

Входит и действует.

Человек небольшого росту, пожилых лет, ибо седины белеют на голове его, ходит заботливо взад и вперед, погружен в приятную задумчивость. По лицу видно, что он чего-то или кого-то ожидает: глаза его часто обращаются на дверь. Он теряется в лестных мечтах, нераздельных, однако ж, с какими-то расчетами. Когда он мечтает, тогда глубокая задумчивость на его лице часто рассеивается приятною улыбкою: это улыбка надежды!.. Но когда дело доходит до расчета; когда он подымает глаза вверх, шевелит тихо губами, а правую рукою сгибает, один по другому, персты на левой, тогда нельзя знать наверное, а надобно думать, что *бережливость* подергивает лицо его туманом прискорбия, и он, потирая наморщенный лоб, погружается в раздумье. Кажется, что в сие время сердце его крепко ссорится с соседкою своею, *записною книжкою* (спрятанною в левом боковом кармане), в которой вместо страниц — ассигнации. *Сердце* и *воображение*, согласясь между собою, уговорили *рассудок* не мешать им в стремлении к какой-то лестной, но мечтательной *цели*. *Скупость*, недремлющий сторож карманного казначейства, тотчас предузнала, что вся беда должна кончиться на ущербе или совершенном истощении ассигнационной сумки. Эти самые обстоятельства были причиною

³⁷Трактиры в Твери располагались от Полуциркульной пл. в сторону Лазури.

С. Ф. Галактионов. Тверь.

Гравюра из книги И. Ф. Глушкова «Ручной дорожник». СПб., 1802

страшной суматохи, происходившей в левом кармане, куда незнакомец не раз посылал дозором правую свою руку. Он часто поправлял дорожный бумажник, который, четырьмя краями своими выказываясь сквозь стуртук, привлекал на себя жадные или, может быть, только любопытные взоры трактирщика более, нежели каждая генеральская звезда (разумеется, без бриллиантов). Любопытный трактирщик измеряет незнакомца с головы до ног острыми взглядами, которые, если можно сказать, так и липнут к выпуклости, видимой над левым его карманом. Этот расчетливый трактирщик, кажется, повторяет старинные уроки и задает себе алгебраические задачи: *сколько незнакомцу в пышном бумажнике своем имеет денег и сколько из них останется в трактире?* — *Между тем:*

ЯВЛЕНИЕ II

Вдруг распахнулись двери настезь... Французский язык гремит. С торжественным видом входят несколько человек и душат приветливыми объятиями нашего мечтателя... Это люди *нужные*, чрез которых надеется он получить *желаемое*. Каждый из них может почестись степенью той лестницы, которую он в мечтах своих устраивал, чтоб достигнуть до...

Обед уже заказан; садятся за стол; лучшие вина пенятся в стаканах... Пируют час, пируют другой и третий!.. Наконец, заплатив рассудком дань Бахусу, расходятся. Тут потчеватель из шумного, веселого товарища становится тихим и смиренным: дело приходит к развязке, то есть к развязке двумя или тремя аршинами лент укрученного бумажника. Наконец робкими шагами приближается он к хозяйке; дрожащею рукою развязывает или распутывает бумажник; с тяжким стоном вынимает деньги и жалуется, что много издержал. Хозяйка, сухая, бледная как смерть, после *участия карманного* принимает *сердечное участие*, дает ему *титул великодушного*; потом в утешение начинает пространное рассуждение о ничтожестве денег. «Деньги дело нажитое!» и проч. и проч.

ЗНАКОМСТВО

ЯВЛЕНИЕ III

Входят двое и, разговаривая между собою, часто посматривают наискось на высокого белокурого мужчину, важно расхаживающего взад и вперед. Он подходит к ним, начинает с одним (с которым прежде уже знаком) разговор, не удостоивая ни малейшим вниманием другого, который, кажется, с нетерпением и большою заботливостью ожидает минуты, когда обратят на него внимательный взор. Наконец счастливая минута приближается: начинают разговор — о необходимости музыкального клуба. «Да где наберем мы музыкантов?» — говорил белокурый. «Вот музыкант!» — сказал один из двух прежних, указывая на своего молчаливого товарища. «Право!» — сказал белокурый с восклицанием, в знак удивления. Безмолвный музыкант низко поклонился. «Он играет на всех инструментах», — продолжал первый. «Право!» — повторил белокурый, гораздо протяжнее: ибо это *второе право* сказано было в знак одобрения. «Я имею честь представить вам этого молодого человека, — говорил первый. — Он преисполнен талантов, которым вы, как покровитель всего изящного, откроете путь...» — «Право!» — сказал в третий раз белокурый, но уже ласковым голосом, уверяющим в его благосклонности. Этот белокурый *лифляндец* принадлежал к свите одной знатной особы; оттого так и важничал. Молодой человек, желая отблагодарить своего товарища за доставление ему *столь лестного знакомства*, угощал его целый вечер пуншем и вином и — в чаянии будущих благ — не щадил своего кармана.

ЧЕСТОЛЮБИЕ

«Вот, милостивый государь! — говорил мне один расфранченный француз, снимая ловко со свечи, — вот как несправедлива фортуна!

Человек с умом и с дарованиями должен влачить дни свои в неизвестности (это говорил он о себе)... Между тем как счастливый глупец хитростями и происками наживает богатства (это говорил он о хозяине)!..»

ЗОЛОТОЕ ДНО

М..... Г... и Ф... — три иностранца за двадцать пред сим лет пришли в Россию, имея каждый только на сто рублей картинок; теперь сделались они знатными богачами и считают капитал свой не рублями, а тысячами. Россия — золотое дно для иноплеменных выходцев!

Человек в незнакомом городе есть то же, что читатель, имеющий в руках книгу, писанную на неизвестном ему языке: он видит литеры, строки, часто картины, но ничего не может прочесть. Путеводитель, то есть хотя один хороший знакомый, столь же полезен в первом случае, как *словарь* в последнем. Не имея, как я уже сказал, знакомых в городе, мы пошли в гости к старинной знакомице своей — к природе. Дурная погода не помешала нам наслаждаться ею.

ПРОГУЛКА В НЕНАСТЬЕ

«Куда лучше пройти — в Трисвятское или Архиерейский сад?» — спрашивали мы у одного человека, с которым слегка познакомились в трактире. «А что вы хотите там делать?» — говорил он с удивлением. «Разумеется, прогуливаться и любоваться окрестностями Твери». — «Как! В эту погоду? Теперь только шел мокрый снег, на улицах грязь по колено; разве забыли вы, что на дворе осень, зелень и листья на деревьях пожелтели, везде мокрота и сырость: чем же вам любоваться?» — «У нас есть средство, — отвечали мы, — чрез которое можем все видеть точно так, как в самый красивый весенний день: луга зацветут, деревья зазеленеют, небо прояснится, и Волга, покрытая бугристыми валами, претворится в чистое серебряное зеркало». — «Как, милостивые государи! разве вы чародеи?» — «Нет! мы на этот раз только просто *любопытные путешественники*». — «Какое же чудесное средство, какой волшебный талисман переменит для вас туманную осень в приятную весну?» — «*Воображение*, милостивый государь! *воображение!*..» Он смотрел на нас выпуча глаза, потом улыбнулся в знак догадки, и мы расстались. — Воображение есть лучшая или, по крайней мере, самая благодетельная для человека из способностей душевных. Уединенный мечтатель в бедной хижине, засыпанной снегами, под свистом бури, может воображать все приятности весны, слышать пение соловьев и прохлаждаться зефирами, порхающими по цветам и душистым липам. Бедный узник, жертва пылких страстей, притесненный, из-

гнанный из общества, обремененный веригами и брошенный в подземную тюрьму, воображает золотое царство свободы, где никогда не раздастся ни звук цепей, ни стон притесненный, где скован законом один только деспотизм. Он воображает и забывается о своем злополучии. Скажут: воображение вторит призраки и переселяет в мечтательный мир... пусть так! Но кто живет воображением, тот обменивает множество горестей на множество наслаждений, вовсе незнакомых жителям видимого и всеми чувствами их осязаемого мир. — Шанфор сказал прекрасную истину, истину, понятную только для чувствительных душ, животворимых воображением: «Лишась способности мечтать, душа перестает наслаждаться жизнью». — Воображение Гомера, Вергилия, Тасса, душа «Илиады», «Энеиды» и «Освобожденного Иерусалима», пережило и еще переживет падение многих памятников, городов и царств. Пламенное воображение и нежное сердце — вот две принадлежности пиитов, без которых они могут быть только холодными стихослагателями. Но не одним стихотворцам нужно воображение; славный звездочет де Лаланд также говорит: «Важнейший совет, который можно подать учащимся математики, состоит в том, чтоб гораздо более изощрять *воображение*, нежели *память*». — Вот краткая и нескладная похвала воображению, которое помогло нам насладиться осеннею прогулкою в большом Трисвятском саду³⁸ тогда, как жел-

³⁸ Трисвятский сад находился на месте разрушенного еще во время польской интервенции в XVII в. Трисвятского мужского монастыря. В XVIII в. здесь находилась резиденция епископов Тверских и Кашинских. Горожане гордились садом и воспевали его в своих стихах:

В числе прекраснейших счастливо Твери мест
 К увеселенью всех Трисвятский сад отверст.
 Природы там краса с искусством съединилась,
 С сим жителей тверских забавить согласилась,
 Да и для муз сего приятней места нет
 Затем, что Аполлон на оном их живет.

Когда копали Трисвятские пруды (сохранились), образовалась горка Фавор (на рубеже 1980—1990-х гг. при строительстве зданий Сбербанка и торгового комплекса «Олимп» остатки горы Фавор были уничтожены). Вот стихи, посвященные этой горке:

Что средь меня гора под именем Фавора,
 Помона вокруг ее, Церера с ней и Флора,
 Что честных нравлюся собранию людей,
 Довольно в том красы и похвалы моей;
 Но верьх моей хвале и верьх моим красам,
 Что зиждется во мне огромный дом и храм.

тый лист, смешанный с снегом, шумел уже под ногами нашими. В этом саду есть ряд прекрасных водяных зеркал — чистых прудов. Тут виден также большой архиерейский дом. Еще заглянули мы в *воксал*,³⁹ сад на крутом берегу, который застали осиротелым, пустым; а в прекрасные летние вечера тверские жители наслаждаются в нем приятнейшею прогулкою. Там можно свободно расхаживать по тенистым липовым аллеям, отдыхать в беседках, на дерновых софах, в прохладе цветущих кустарников; или, погрузясь в задумчивость, на берегу Волги смотреть на величественное течение сей реки. Можно там любоваться прелестною картиною вечерней зари, алеющей в серебристых волнах, и, гоняясь воображением за бегущую струю, протекать вместе с нею до пределов Азии, удивляясь множеству разнообразных племен и языков, поимых волжскими водами!.. Здесь же, на берегу, за несколько пред сим лет построена прекрасная небольшая беседка одним из губернаторов, который, как говорят, часто отправлял, сидя в ней, многие письменные дела. Один только любитель прелестных картинных видов мог выбрать столь удачно место для беседки, из которой глазам восхищенного зрителя открывается, как на ладони, весь город и длинный *плес*,⁴⁰ покрытый судами и лесом мачт. Множество разноцветных флагов, волнуемых ветерками, пестреют под голубою твердию. — Вообще окрестности Твери прекрасны и с первого взгляда, кажется, походят несколько на петербургские.

Мы очень хотели побывать в тех березовых рощах близ Твери, где останавливалось некогда семейство знаменитого временщика князя Меншикова,⁴¹ низверженного с высоты блистательнейшего величия

В век будет с Тверию Трисвятское свидетель,
Вещая щедрости монаршей добродетель.

Сад служил местом гуляния тверичей, о чем рассказывает стихотворение «К иллюминации, бывшей в Трисвятском загородном архиерейском доме»:

Искусство тшилось здесь день в ночь преобразить,
Но чем могло оно успех в том получить?
Вензлову имя здесь монархини сияло
И чистые лучи на Тверь всю простирало

(Тверския семинарии школьные упражнения. 1778. С. 21, 19).

³⁹ См. прим. к тексту Глушкова.

⁴⁰ Плесом называют течение реки по прямой линии. На Волге плесы не велики; она вся в извилинах. — *Прим. Глинки.*

⁴¹ Меншиков Александр Данилович (1673—1729), светлейший князь, генералиссимус, сподвижник Петра I. При Петре II, в 1727 г., был лишен всех занимаемых должностей и сослан в Березов Тобольской губернии.

и славы. Одно слово юного, самовластного монарха, как порыв ветра, искореняющий столетний дуб, сразило сего поседелого в могуществе вельможу, наперсника Петра Великого и Екатерины, и открыло ему путь к холодной Сибири. Но злоба врагов и без того горестный путь сей, от пышной столицы до мрачного Березова, неутомимо старалась усыпать терниями. Вскоре по выезде изгнанников нарочный курьер привез повеление, по которому все экипажи Меншикова должны были возвратиться в Петербург, а его велено везти вместе с женою и дочерьми на простых телегах. Кажется, счастье, лелеявшее любимца своего чрез столько лет, отступилось наконец от него и дало волю злому року, который, не удовольствовавшись тем, что поразил его громовым ударом на месте, преследовал еще в пустыни Севера и на каждом шагу разил бесщадно убегающего страдальца пламенным мечом своим. Второй курьер привез повеление, чтобы снять с Меншикова и его семейства богатые платья, остатки прежней пышности, и переодеть их в смурые крестьянские кафтаны. Вскоре после сего чувствительная супруга князя *выплакала глаза*⁴² и ослепла, а потом умерла с тоски, не доехав до Сибири. Но среди всех страданий, под тяжким бременем унижения, Мария, дочь Меншикова,⁴³ пребыла непоколебима в любви к Федору Долгорукому. Август Лафонтен в прекрасном романе⁴⁴ своем представляет описание проезда Меншикова чрез Тверь: оно включено в письме Марии к Федору. — Вот что писала сия несчастная девица:

«Наконец приехали мы к березовым рощам, их которых ты писал ко мне, будучи в Твери с Сапегою. Я уговорилась с нашим извозчиком, чтобы он остановился близ того места, на котором ты некогда стоял. Там упала я на колена, воздев с молением слезящие очи и руки к небу. Федор! Я обнимала, как друга, каждую березу, взоры мои искали повсюду следов твоих. Сердце желало беседовать о тебе и с самыми бездушными деревьями, внимавшими некогда твоим сте-

⁴² Должно бы, кажется, сказать: *проплакала глаза*, ибо предлог про всегда означает *потерю*, наприм<ер>, проглядеть, проиграть и проч., а слог вы — приобретение, как-то: выпросить, вымолить, выиграть и проч., но *употребление* не всегда слушает правил. — *Прим. Глинки.*

⁴³ Меншикова Мария Александровна (1711–1729) первоначально была невестой Петра Сапеги, сына великого гетмана Литовского. Попытка выдать ее замуж за Петра II закончилась неудачей. Существует предположение, что Ф. В. Долгорукий приехал вслед за Меншиковыми в Березов, где тайно обвенчался с М. А. Меншиковой.

⁴⁴ Имеется в виду роман А. Лафонтена «Князь Долгорукий и княжна Меншикова, или Верная любовь по смерти. Российское происшествие» (М., 1804).

нениям, вздохам и молениям! — Я взывала к целой природе и к небесам; ожидала от них ответа: громового удара, огненных молний или сладкого шепота тихого, невидимого голоса, или шороха листьев, потрясенных перелетным ветерком... Напрасно! напрасно! Вся природа онемела для меня! О Федор! Никогда еще не чувствовала я себя столь одинокою, столь осиротелою в мире... В ужасном отчаянии, закрыв лицо руками, бежала я, сама не зная куда. Для тебя, по крайней мере, являлось в воздухе привидение; а мне ничего не представлялось: меня, несчастную, судьба жестокая не хотела порадовать и мечтою! Взбежав на холм, который ты мне описывал, увидела я Тверцу, ревущую в кремнистых скалах. В оцепенении всех чувств смотрела я на шумное падение бурных вод, на кипящие под крутыми берегами волны... О Федор! Я благословила бы руку, которая благоволила б низринуть меня, со всем моим злополучием, в сии разъяренные волны!...»

Если бы мы были в Твери в летнее время, то не преминули б посвятить один из тихих вечеров приятной прогулке в тех березовых рощах, где некогда так горестно сетовала вернейшая и несчастнейшая любовница. Но в ненастную осеннюю погоду не захотели так далеко идти, чтоб не показаться уже слишком *сантиментальными путешественниками*. Однако ж мы послали за себя *воображение* наше, которое отыскало следы Марии, видело ее стоящую на коленях, готовую броситься с крутого берега... видело и все представило нам как наяву. — Советуем и всем путешественникам осматривать своими глазами только полезные заведения и прочее; а для осмотра романтических мест *посылать за себя воображение*: оно лучше все отыщет и рассмотрит.

В Твери между прочим заметили мы смирительный, или рабочий, дом,⁴⁵ очень хороший по наружности, имеющий вид крепостцы. Этот дом показался нам превосходнее всех смирительных домов в целом свете. — А почему? — Потому, что он был *пуст...* Слава Богу! Это делает честь нравственности тверских жителей: стало быть, они столь кротки и добропорядочны, что между ними нет никого, заслуживающего усмирения. Счастливы народ, оправдывающий древнюю китайскую пословицу: *где мечи заржавели, а плуги светлы; тюрьмы пусты, а житницы полны; ступени церковные в грязи, а дворы судилищ поросли травой; врачи пешком, а мясники верхами, — там стариков и младенцев много и государство благо управляется.*

⁴⁵ См. прим. к тексту Глушкова.

ЗАМЕЧАНИЯ О СКЛОННОСТИ ПРИБРЕЖНЫХ ВОЛЖСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Неоспоримо, что склонности жителей различных областей сообразны местному положению оных,⁴⁶ например: жители обширных лесов отличаются охотою к звериной ловле и бывают искусными стрелками. Жители степные, пристращенные к конским заводам, еще с малолетства привыкают к лошадям: из диких необузданных коней делают во всем покорных и верных им слуг в домашней жизни и в дальних походах. Точно так и береговые жители больших рек или озер, будучи искусными рыбаками и гребцами, доказывают ежедневно склонность и способность свою к плаванию по воде. Склонность эту, как будто врожденную, можно даже заметить в малых детях, которых любимая забава состоит в том, чтобы, сыскав обломок барки и сидя в нем, представлять, будто плывут по реке. В таком случае один из них представляет очень важно лицо лодмана, другие исполняют должность гребцов. — И там, по различию *коренных свойств жителей*, можно составлять различные ополчения: из степей, например, выедет прекрасная конница; из лесов выйдут подобные тирольцам ополчения искусных стрелков; а береговые жители рек и озер более все годятся к служению на кораблях.

В окрестностях Твери Волга принимает в себя реку Тверцу и речки Тьмаку и Лазурь.

Город Тверь название получил от слова *твердь* (крепостца). Она устроена была прежде при самом устье Тверцы в 1182 году для защиты от набегавших отрядов новгородских и новоторжских. Потом настоящий город начал распространяться уже в 1224 году. Первый князь удельного Тверского княжения был Ярослав Ярославич, брат славного Александра Ярославича Невского.

В прекраснейший осенний день, прогуливаясь по берегам *Волги*, зашел я неприметно в *Единоново*,⁴⁷ подаренное князем *Ярославом* любимому отроку его *Григорию*. При входе в село встречались мне везде шумные толпы народа. Все молодые девицы, увенчанные цветами и одетые по-праздничному, составляя хороводы, пели веселые свадебные песни. Малые дети, нагружая кузова цветами, прыгали

⁴⁶ Кажется, у *Локка* и *Кондильяка* можно найти доказательства тому, что склонности зарождаются от действия окружающих предметов на чувства. — *Прим. Глинки.*

⁴⁷ Глинка повторяет сведения Глушкова, в основе которых «Повесть о тверском Отроче монастыре» (вторая пол. XVII в.), где впервые в древнерусской литературе конфликт перенесен в сферу чувств. Сам Глинка в *Единонове* не был: оно находится на расстоянии 66 км от Твери.

от радости... И самые древние старцы, поддерживаемые костылями и внуками, выходили садиться у широких ворот своих. На всех лицах написано было ожидание. «Я вижу здесь повсюду радость и веселие, какая этому причина?» — спросил я у одного поседелого старца. «Здесь будет сегодня свадебный пир, — отвечал он. — Я сам, живя отшельником в соседственных лесах, пришел насладиться приятнейшим зрелищем юной четы, сочетаемой любовью... Царский отрок Григорий часто прихаживал ко мне беседовать в тишине пустынной; теперь он соединяется браком с Ксениею, дочерью здешнего священника. Ксения, — продолжал старец, — утешение и радость престарелого своего отца, любима всеми своими подругами. Григорий встретил ее в первый раз на ниве одного из беднейших наших поселян: она помогала малым сиротам его убирать с поля хлеб. Григорий увидел прекрасную и влюбился ею. Он расспросил об ней у старых и молодых и полюбил ее за то, чем она привязывала к себе всех: за добрые качества ее души. Теперь...» Слова его пресек радостный шум поселян. Жених и невеста шли ко храму. Григорий, прекрасный юноша с алым румянцем на белом лице, с темно-русскими волосами, которые радость завивала в кудри, и с блестящими черными глазами, одет был в богатое полукафтанье, препоясанное подарком государевым — золотым поясом. При бедре его висел меч, осыпанный камнями самоцветными. Рядом с ним шла прелестная Ксения! Румянец алой зари играл на полнолилейных щеках ее; радость, наполнявшая сердце, изливалась в тихой улыбке на свежие розовые уста, между тем как слезы умиления дрожали на длинных ресницах. В светлых голубых глазах изображалось томление души нежной и кроткой, которая не могла вмещать в себе всей сладости настоящего благополучия и страстных восторгов. Светло-русые волосы завиты были руками сельских подруг в прекрасные кудри. Белые гвоздички, голубые незабудочки и синие васильки украшали голову ее: этот венок сельской простоты изображал невинность и постоянство. Сверх того богатство возложило на главу прелестной невесты осененную дорогою фатою высокую повязку, на которой, как жар, горели драгоценные камни. Пышные кисейные рукава с дорогими кружевами, девственный пояс, окружавший стройный стан, богатый передник и алые ферези составляли прочий наряд. Самые крупные восточные жемчуги, украшая полную белоснежную грудь красавицы, приметно двигались от страстного колебания персей девических... Нет! Никогда, никогда Лада, богиня красоты, в великолепных храмах своих не могла быть прелестнее Ксении!.. Двенадцать молодых мужчин, в синих кафтанах, с алыми поясами, следовали за Григорием. Двенадцать девиц в нарядных ферезах провожали невесту. Все поселяне усыпали им путь душистою зеленью,

и седовласый отец *Ксении* отпирал уже врата храма Божия. — Вместе с прочими следовал и я за престелною четою, которая путем, усеянным цветами, вступила в древний храм. Уже свечи бело-ярого воска затеплились пред иконами, и вместе с ними все сердца зажглись усердием... Отец *Ксении*, древний служитель престола, облекся в новые блестящие ризы и возвысил дрожащий голос свой... Вдруг стесненная толпа зашумела и раздалась: послышались слова: «Государь! Государь!» — и юный *Ярослав*, с стройною осанкою, в охотничьем платье, явился посреди храма. — Робкая *Ксения* потупила светлый взор свой и не смела взглянуть на государя. *Григорий* затрепетал, как преступник; сильное предчувствие стеснило душу, и рука его невольно опустила руку *Ксении*.

«Так ли поступают с друзьями? *Григорий!* Ты не хотел пригласить меня в свидетели твоего благополучия, — говорил *Ярослав*, простирая в знак приязни руку к любимцу своему, бледному и безгласному. — Видишь ли, — продолжал он, — друг и князь твой сам не забыл тебя, но...» При сих словах он взглянул на *Ксению*, и язык его оцепенел. Шумная радость народа претворилась в безмолвное ожидание... Государь молчал, и все молчало!.. Между тем юный *Ярослав* пламенными взорами пожирал прелести молодой невесты. Наконец, после долгого молчания, воскликнул: «*Григорий!* Скажи мне, где нашел ты такого ангела?» — «Государь! — отвечал смиренно *Григорий*, — *Ксения*, обрученная невеста моя, дочь здешнего священника, который уже готов сочетать нас союзом неразрывным. Я нашел ее в бедности, в мирном кругу сельских подруг ее, и...» — «Да! — говорил *Ярослав*, — предок мой *Игорь* избрал супругу также из простых поселянок, и она соделалась великою женою в летописях мира... пусть *Ксения* будет второю *Ольгою!*» — «Что я слышу!» — воскликнул *Григорий*. «Так, невеста твоя достойна быть царицею, — говорил *Ярослав*. — Князь твой избирает ее в супруги...» — «Как! — вскричал *Григорий*, — ты отымаешь у меня невесту, супругу, жизнь мою! Какою властью? По какому праву? Да, ты государь: в руках твоих жизнь и смерть твоих подданных; но государь есть отец, покровитель, защитник своего народа. Итак, если ты государь, то я к тебе же взываю: защити меня от того, кто внезапно нападает на меня беспомощного и отнимает у меня данную мне Богом и судьбою подругу души моей! — Ты называл себя моим другом. Ах! если ты мой друг: избавь меня, избавь от злодея, который без жалости раздирает грудь мою и вырывает из нее полсердца моего! — Если ты государь, будь судиею между мною и собою! Если ты друг мой, спаси, защити меня от самого тебя! — Но ты не государь; ибо попираешь правосудие ногами и пред всеми являешь себя рабом твоих страстей! Ты не друг;

ибо дружба, дар неба для убогих и несчастных, не может быть уделом царей: ты только грозный владыка, притеснитель!.. Ты привык считать себя в венце земным богом. Раболепие с трепетом лобзает прах ног твоих, и ты играешь судьбою подданных по дерзкой воле твоих страстей!.. О государь! Ты ослеплен самовластием! Опомнись! Кто ты? Что ты делаешь? И где дерзаешь быть неправосудным? — Здесь, во храме грозного Судии, Бога и Царя царей; здесь, в сем храме, воздвигнутом на могилах и окруженном могилами!..

О князь! Неправосудие твое тревожит кости почивших во гробах!.. Если думаешь, что предстоящий здесь народ по долгу уничиженного рабства бесчувствен, глух и слеп, то вспомни, что ты отовсюду окружен иными недремлющими свидетелями твоих дел и даже помышлений. Там, с высоты, взирает на тебя *Всевидящее око*, которого ты должен страшиться. Здесь, из недр земли, исходят к тебе укоры мертвых, которые уже тебя не страшатся. Я вызову стоном моим и самые тени из гробов; я возмущу моими воплями и *поднебесный*, и подземный мир! — Умилосердись, государь! *Дружба* утопает пред тобою в слезах; *совесть* твоя укоряет тебя в неправоте; *история* приемлет свинцовое перо и готова вписать имя твое в черную книгу *царей-притеснителей*. Смотри! И *смерть*, стоя за тобою, треплет тебя по раменам и шепчет на ухо: вспомни себя! или еще минута, и — я сорву с тебя венец и порфиру; дам тебе *ризу истления* вместо *покрова славы* и гордый дух твой повлеку на суд к тому, кто сжатием длани объемлет вселенную и единым взором очей колеблет землю и небеса! — О князь! Когда правосудие воцаряется между твоими подданными, тогда приходишь ты с мечом и весами, неся с собою суд и казнь. Но когда цари становятся неправосудными, когда вопль притесненных народов сзывает мстителя с небес, тогда... тогда должно ждать, что раскроется небо — и в блеске разящих молний низыдет Судия! — Но почто не гремит доселе труба архангела? Пусть скорее пламенные вихри сорвут сонмы звезд с небес и сметут с земли, как прах, престолы и царства! Под громом разрушающейся природы я исторгну у тебя мою невесту, мою *Ксению*... Нет! нет! Чтоб обладать *Ксению*, ты должен обагриться всею моею кровию и на холодном трупе твоего друга принять брачный венец... Ты не успеешь и в этом: *Ксения* обручится с смертью, а не с тобою; она ляжет в одном со мною гробе! — «*Ксении умереть?* — Ах, нет! Она будет жить и царствовать». Так восклицал страстный *Ярослав*, который, вовсе не внимая прочим дерзким речам отчаянного друга, стоял, спокойно опершись на меч и устремив чувства, взоры и мысли свои на одну *Ксению*. «Я прокляну тебя, если ты отымешь у меня невесту, — вскричал опять *Григорий* страшным голосом иступления. — Пусть ревность,

как змея, обовьется вокруг сердца твоего! Пусть совесть твоя, как лютый зверь, раздирает внутренность твою! Заключая насильственный союз брака, да заключишь ты неразрывный союз со всеми бедствиями в жизни!.. Пусть мстительная судьба лишит тебя навеки сладостного удовольствия быть отцом... Пусть смерть убивает чад твоих, еще сущих во чреве, под сердцем матери их!.. Пусть торжествующий враг твой сбросит тебя с престола, и да будешь ты погребен под развалинами твоего царства!.. Ах, нет! Я, безумный, могу ли желать гибели моего отечества? — Скорбь извлекает вопли отчаяния из груди ожесточенного... и все мои стоны напрасны!.. они теряются в воздухе». — В самом деле *Ярослав* был глух ко всему, что ни говорил его любимец; он жил и дышал одною *Ксениюю*. — Между тем несчастный *Григорий* с сокрушенным сердцем падает на колена, воздевает руки к небу и восклицает: «Сердце Царево в руке Божией! Боже! Смягчи душу владыки и открой в нее путь стонам и слезам несчастного! — Потом, обратясь к *Ярославу*: — Государь! Возьми обратно все твои дары и возврати мне одну *Ксению*!.. Мы покроемся рубищем, углубимся в пустынные леса и будем благословлять имя твое... Ах! пусть все изреченные мною заклинания обратятся на самого меня; а ты, о Государь! будь счастлив и славен; но будь и милосерд! Будь правосуден: внемли молениям уничиженного пред тобою, убитого роком несчастливца!» — *Григорий* повергся к ногам *Ярослава*. Сие тронуло юного, пылкого государя. Он поднял его ласково и, раздумав, сказал: «Быть так... пусть та, которая пленила, очаровала государя и подданного, решит между нами сердечный спор!» Тут, обратясь к невесте, он говорил: «*Ксения*! Отрок *Григорий* нашел тебя в бедности и любил; я увидел тебя его невестою и пленился тобою: он предлагает страстное, верное сердце; а я разделю с тобою венец, престол и все мое царство! Не страшись последовать склонности твоего сердца: любовь равняет государя с подданным; выбирай одного из нас!» *Ксения* взглянула на *Григория*, покраснелась и потупила смущенный взор; взглянула на *Ярослава* и — подала ему руку. Восхищенный государь, торжествуя победою, поспешно устраняет соперника своего, становится на его место, с жаром хватая руку *Ксении* и приказывает венчать себя с нею. — Несчастный *Григорий*, как будто разраженный тысячею громами, недвижим, безмолвен, стоял в оцепенении всех чувств. Он, казалось, не верил еще своему злополучию до тех пор, пока священник спросил дочь свою; по любви ли и согласию отдает она руку и сердце? — *Ксения*, не запинаясь, отвечала: да!

Тогда несчастный страдалец, придя в себя, закрыл лицо руками и стремительно бросился к *Волге*. Там, растерзав на себе дорогие одежды, вырывая из главы клоки прекрасных волос, уже готов был

потушить пламень, его снедавший, в глубоких струях *Волги*... как вдруг *Ардалион*, старец, беседовавший прежде со мною, остановил его. — Я последовал за *Григорием* и все сие видел. «Несчастный! — восклицал пустынный, — куда стремишься ты? Отчаяние влечет тебя к гибели». — «О мой отец! — воскликнул *Григорий* и пал на грудь его: слезы старца смешались с слезами юноши. — Что мне делать? Где преклонить бедную главу? Насилие вытесняет меня из пределов мира сего; злополучие разит повсюду стрелами своими: ах! что делать? где укрыться?» — «Там, — говорил пустынный, указывая на темные леса, — там, в тишине пустынь, ты найдешь спокойствие: *лесь* и *раболепие* страшатся мрачных лесов. Пустыни отшельников, осененные дланию самого Бога, не подвержены гонению смертных. *Свобода*, повсюду стесняемая в шумном мире, торжествует в безмолвии лесов. Любимец царя земного, содейайся наперником Властителя вселенной: будь мужествен, скрепись!.. Я бы не мог найти средств к утешению твоему, если бы сама *Ксения*; но...» — «Она вероломна, клятвопреступна! — так восклицал *Григорий*. — Ах! не она ли уверяла меня, что скорее горы сдвинутся с места и реки потекут к источникам своим, нежели она перестанет меня любить; но посмотрите, посмотрите! горы стоят еще на месте, и *Волга* бежит к синему морю, а *Ксения*? О вероломная! суется, легкомысленная женщина! Нет! Она никогда меня не любила, или женщины неспособны питать истинной, постоянной любви!» — В сие время раздался повсюду крик народа: «Да здравствует князь *Ярослав* и супруга его *Ксения*!» *Григорий* громко восстенал, и я — проснулся.

Осматривая накануне *Отрочь монастырь*, толстые готические своды в древней его церкви и потом почти целый вечер размышляя о несчастной участи отрока *Григория*, я видел его и всё с ним случившееся — во сне.

По летописям тверским известно, что *Ярослав*, расставшись на время с *Григорием*, желал рассеять соколиною охотою грусть, которая на престоле и под виссоном царским часто гнездилась в сердце двадцатилетнего государя; в сердце чувствительном, открытом для любви — и для страстей. — Он разъезжал по чистым полям, как вдруг любимый сокол его взвился и сел на кресте *Едимоновской* церкви. *Ярослав* скачет за ним, видит церковь, окруженную народом, спрашивает, узнает о свадьбе своего друга, входит — и отнимает у него более, нежели жизнь. Несчастный отрок, лишась всего, облакается в нищенское рубище, долго бродит по лесам, наконец близ устья *Тверцы*, в березовой роще, поселяется в бедной хижине, где, проплавав прежде времени жизнь свою, умирает от любви и погребается дружною. Над прахом его воздвигнут *Отрочь монастырь*.

По свидетельству летописи тверской, Ярослав долго не имел детей, и в сокрушении сердечном он и *Ксения* воссылали теплые моления к Богу. Наконец *Ксения* родила сына *Михаила*, который в житии своем описал и приключения несчастного отрока *Григория*.

Пробыв в Твери только двое суток, мы не могли ничего порядочно рассмотреть: и для того о ней более ни слова. — От Твери московская дорога вымощена; на низинах мосты на сводах из дикого камня, с прекрасными перилами и пирамидами. Проезжая по сей дороге, вспомнишь об австрийском *шоссе*.

Волга, извинаясь в стороне, загромождена судами, на которых темнеют роши мачт.

<...>

На возвратном пути нашем погода была самая худая: дождь и снег попеременно падали. И мы под защитою одного только зонтика в открытой почтовой повозке представляли из себя настоящих рыцарей *печального образа*. Между тем как сын счастья мчится на быстрой шестерне в покойном дормезе и, качаясь на гибких английских рессорах, читает от скуки затейливого *Стерна* или щеголеватого *Дюпати*, мы так же читали равно открытую для ученого и безграмотного, для царя и нищего огромную *книгу Природы*. — Природа есть книга; буквы в ней — предметы. Только это грамота *иероглифов*: там одна буква изображает много понятий; здесь один предмет возбуждает длинный ряд мыслей. Например: искорененный бурей дуб, обрушившаяся гора, развалины палат — вот *целая статья о тленности вещей*. Множество пней составляют в книге *Природы главу об опустошении*: большая часть из них срублены на дрова и пожжены адским пламенем на тех заводах, где из самой драгоценной житейской потребности — из хлеба — извлекается, по словам *Вольтера*, *смертное питье*. Ель и сосна, зеленеющие одинаково летом и зимою, представляют приятнейшие для дружбы и любви *статьи о непременности, постоянстве* и проч. и проч. ...

Нет ничего приятнее, как весенняя погода в глубокою осень. Мы ехали из Твери во время приятной оттепели, открывшейся после нескольких морозов. Время было точно весеннее; всё таяло вокруг, ручьи с громким шумом перебегали через дорогу... Мечты и надежды, оживая вместе с природою, зашевелились в сердце — весною с каждым глотком воздуха вдыхаешь какое-то удовольствие!

В двадцати верстах от Старицы стоит подле дороги домик в лесу господина Ев... . В его садах и во всем домоводстве видна затейливая простота. В селе своем строит он прекрасную церковь, совершенно в готическом вкусе, из белого камня и кирпичей. Он также большой охотник до строения механических мельниц и прочего.

* * *

«Как мы забрызганы!» — говорил друг мой. — Что делать! брызги — печати дорожных трудов: ордена путешественников.

* * *

От Твери до Ржева большая дорога равняется проселочной: там нет ни почтовых станций, ни трактиров. Однако ж мы имели средство, приправляющее чрезвычайным вкусом и самые простые щи бедных крестьян: это средство может иметь всякий, даже самый убогий путешественник. Может быть, подумают, что я говорю о известном французском составе для дорожного бульона; совсем нет! — средство, делающее вкусным самую грубую пищу, есть голод! Лучшая постель для дорожного — усталость!

Сын неги и прохлад! Ты назовешь это замечание вздорным; но, загнувши природу роскошью, ты сам часто и на розовой постели своей, и на гагачьем пуху проводишь рябиновую ночь!

НАСЛАЖДЕНИЕ

Все почти умеют наслаждаться весенними днями, расцветающей природою, журчанием веселых ручьев; но мы испытали, что можно наслаждаться и осенью, стоя на высоких берегах реки (мы были на берегах Волги) и смотря, как буря пенистыми браздами роет поверхность вод и завывает в туманах!..

Доброе дело всегда и везде доставляет приятнейшее наслаждение. Сон и покой после трудов, теплая комната после холода, сытный стол для голодного — доставляют наслаждение. И по всем этим отношениям путешествие, как бы оно трудно ни было, есть также наслаждение! Мориц исходил почти всю Англию пешком: он потел, трудился и — наслаждался!⁴⁸

⁴⁸ Мориц Карл Филипп (1756—1793), немецкий писатель. Имеются в виду его сочинения, известные в рус. пер.: Путешествие г-на Морица по Англии. Ч. 1—2. М., 1804; Путешествие немца по Италии с 1786 по 1788 год. Ч. 1—3. М., 1803—1805. Аллюзия на Н. М. Карамзина, который писал о Морице: «Человеку с живым чувством и с любопытным духом трудно ужиться на одном месте; неограниченная деятельность души его требует всегда новых предметов, новой пищи. Таким образом, Мориц, накопив от профессорского дохода своего несколько луидоров, ездил в Англию, а потом в Италию собирать новые чувства» (Письма русского путешественника, 1792; Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 136—137). Сам Мориц признавался Карамзину: «Ничего нет приятнее, как путешествовать. Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мертвыми в сравнении с идеями очевидца. Кто хочет видеть просвещенный народ, который посредством своего трудолюбия дошел до высочайшей степени утончения в жизни, тому надобно ехать

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН-ФИЛОСОФ
ИВАН ЕВСТРАТЬЕВИЧ СВЕШНИКОВ⁴⁹

«Воспитание может раскрыть и возвысить способности обыкновенного человека; необыкновенные люди сами себя воспитывают», — так говорит Томас в похвальном слове своем Декарту. В необыкновенных людях есть какое-то особенное стремление к изящному. — Хотя, по словам Шиллера, достоинство и дарование, возникшее в бедности, должно пробиваться сквозь железную стену предрассудков и отличий общественных, однако опыт доказывает, что рано или поздно преодолевает оно все препоны и пролагает себе путь к известности. Кто бы мог подумать, увидя сына простого рыбака, сидящего на диких скалах Белого моря, что он будет некогда знаменитым сыном России, великим мужем — славным Ломоносовым! Никто не предузнавал механика и химика в сыне ржевского купца Волоскова. Но оба они — первый под шумом северного моря, другой в тишине ржевских рощей — сгорали сильною страстию к учению. Еще на заре жизни, ощутив в себе бесценные дары природы, сквозь все препятствия стремились они к усовершенствованию оных. — Свешников, едва ли кому известный, достоин также занимать место в ряду отличнейших мужей отечества нашего. Природа, производящая необыкновенных людей, кажется, при самом рождении посеяла и в нем семена великих дарований. Он, подобно Ломоносову, родился в крестьянском звании: способности его расцветали на полях родины, где он пас стада своего отца. Но прежде всякого повествования о жизни Свешникова необходимо следует описать случай, сделавший известным и дарования, и особу его.

Иван Иванович Шувалов, вельможа счастливого века премудрой Екатерины, достойный названия российского Мецената, имел похвальный обычай, скрывая сан свой, прогуливаться по утрам на площадях и рынках Санкт-Петербургских, где наиболее народ толпился. Народные площади во всякое время могут представить много предметов к размышлению переодетому государственному человеку.

В одно утро, проходя Шукин двор, заметил он молодого крестьянина, занятого разбором книг близ одной из тех лавочек, где продаются на рогожках подержанные книги. Переодетый вельможа, увлекаясь

в Англию; кто хочет иметь надлежащее понятие о древних, тот должен видеть Италию» (там же. С. 137).

⁴⁹ Свешников Иван Евстратьевич († после 1785), крестьянин-самоучка. Весной 1784 г. по делам отца прибыл в Петербург на барках с хлебом из Вышнего Волочка и с тех пор стал известен в дворянских и культурных кругах. Единственным источником биографии является статья Глинки.

любопытством, подходит к лавочке — и вообразите его удивление: вместо какого-нибудь *Бовы Королевича* он видит в руках крестьянина *Ливия, Тацита и Курция на латинском языке*. Молодой крестьянин обходился с тремя латинскими писателями, как с давнишними своими знакомцами. Наконец окончив торг с продавцом великих историков, взял он все книги под мышку и пошел по *Чернышевскому переулку* к *Фонтанке*.

Любопытный вельможа скорыми шагами преследует его, догоняет в переулке и заводит разговор. «Послушай, друг! Не продаешь ли книг?» — «Нет, сударь! я их купил для себя». — «А какие это книги?.. Позволь мне посмотреть!» — «Извольте, коли вам угодно». Вельможа притворно: «Это, кажется, по-французски?» — «Нет, барин! это латинские книги». — «А разве ты знаешь по-латыни?» — «Да, немного смыслю про себя». Шувалов, крайне изумленный столь удивительной встречей и не доверяя, чтобы крестьянин мог знать хорошо латинский язык, продолжает у него спрашивать: «О чем же в сих книгах писано?» — «Вот в этой, — показывая на *Ливия*, — римская история; здесь, — раскрыв *Тацита*, — заключаются римские летописи; а в сей книге, — указывая на *Курция*, — писано об *Александре Великом*». — «Видно, книги эти давно тебе знакомы, и ты разумеешь все, что в них писано?» — «Э, барин! если б не разумел, незачем бы и покупать было: я читывал их еще в ребячестве, когда пас стадо; но то были чужие книги, а теперь, слава Богу, приискал эти для себя». — «Да скажи, пожалуй, кто ты таков?» — «Я крестьянин экономических волостей *Тверской губернии*». Ответ сей еще более изумляет Шувалова; он непременно хочет познакомиться короче с сим чудесным крестьянином и завести его к себе в дом.

«Послушай, друг! — говорит Иван Иванович, — я вижу твою охоту к книгам и могу тебе прислужиться. Отец мой был школьным учителем; после него осталось много французских, латинских и еще, кажется, каких-то греческих книг; зайди ко мне в дом — отсюда недалеко — я тебе многие книги за сходную цену, а иные, пожалуй, и даром уступлю». Ученый крестьянин, восхитясь столь легким способом разжиться книгами, согласился на предложение. Между тем они пришли к *Аничкову мосту*. Шувалов нарочно заговаривает своего спутника и нечувствительно приводит к своим палатам. Увидя огромный дом, крестьянин всё еще не догадывался, полагая, что провожатый его, может быть, только живет при знатном господине. Но когда взошли на лестницу и слуги в золоте с подобострастием спешили снять с господина своего простой сюртук, под которым открылась лента и заблестали звезды, — тогда изумленный крестьянин догадался, что имел дело с вельможею! Но великодушный вельможа сей, нимало

не переменяя обхождения, осыпал ласками нового своего знакомого и чрез длинный ряд великолепных комнат ввел его в свою библиотеку. Там-то изумление молодого крестьянина уступило место любопытству: глаза его, так сказать, разбежались во все стороны...

Иван Иванович дал ему полную свободу перебирать книги; и в то же время, обращая разговор на разные предметы, к удивлению своему, узнал, что новый знакомец его, сверх латинского языка, разумеет хорошо французский и даже греческий изрядно; довольно сведущ в чистой математике и географии, а более всего в отечественной словесности. Где же мог приобрести все сии познания простой русский крестьянин, не будучи учеником французских воспитателей? — На это опять отвечаю словами Томаса: что необыкновенные люди воспитывают или перевоспитывают сами себя; прибавим к сему: а учатся везде, где только могут. Свешников был воспитанником природы; учеником — собственного прилежания. Начала латинского и греческого языка, как думают, получил он от какого-то священника, у которого, вероятно, находился в услужении; а математике и французскому языку еще прежде учил его какой-то бедный студент, с которым нарочно для того свел он дружбу; прочие ж познания почерпнул из беспрестанного чтения книг. Многие иностранные классические и большая часть лучших отечественных авторов перечитаны им с глубоким вниманием.

Шувалов, восхищенный ученостию крестьянина, предлагает ему выгодное место в Московском университете; но добросердечный Свешников без всяких околичностей отказывается от сего лестного предложения, говоря, что по смерти отца обязан доставлять пропитание многочисленному семейству и престарелой матери.

Иван Иванович, полагая, что время и светская жизнь переменят его склонности, предложил ему дом свой и полную свободу рыться в огромной библиотеке: последнее склонило крестьянина остаться в чертогах вельможи.

Между тем Шувалов, дорожа находкою столь редкого человека, из которого надеялся сделать второго Ломоносова, не мог скрыть удовольствия своего и в блестящем кругу придворных. Многие слушали рассказ о крестьянине с недоверчивостию и шутя говорили: «Иван Иванович и в сору умеет находить алмазы!» Более всех изъяснила любопытства бывшая тогда директором Академии наук Катерина Романовна Дашкова. Знаменитый покровитель дарований, желая подтвердить слова свои опытом, пригласил многих вельмож на другой день к себе на вечер.

Начался съезд; гости являлись одни за другими. Наконец приехала и княгиня Дашкова. Войдя в комнату, тотчас спросила она с нетерпением у хозяина: «Где же твой чудный крестьянин?» Скромный

Свешников явился к ее сиятельству. «Здравствуй, дружок! — сказала она с живостию. — Говорят, что ты знаешь по-гречески, по-латыни и по-французски?» — «Да, сударыня! про себя всего понемногу разумею». — «Хорошо; переведи же нам что-нибудь!» Тут, взяв одну книгу из лежавших на столе Руссовых творений, назначила ему место для перевода. Свешников переводил изустно, нимало ни в чем не затрудняясь. Точность и правильность перевода уверили всех, что он очень хорошо знал и свой, и французский язык. «Ну, дружок! как тебе нравится этот сочинитель? Не правда ли, — говорила княгиня, — что он пишет очень красиво?» — «Да, — отвечал крестьянин, — Руссо самый красноречивый писатель: он хоть кого обворожит! Всем бы хорош был, только часто сбивается с пути, много затевает несодеянного...» Такое суждение еще более всех удивило. «А можешь ли доказать нам, — возразила княгиня, — в чем именно он ошибается?» Свешников несколько призадумался. Наконец застенчивость его исчезла, глаза заблестали, и красноречие полилось... Он по порядку разбирал разные произведения Руссо и во многих местах с такою основательностью доказывал несбыточность прелестных мечтаний женеевского философа, что и сам Руссо полюбовался бы сельским противоборником своим! Тут открылось пространное поле для испытания крестьянина-философа.

Все знатные особы наперерыв осыпали его различными вопросами, и Свешников давал всем скорые и правильные ответы, которыми и убедил знаменитых собеседников своих, что они точно видят пред собою человека редких дарований. Княгиня Дашкова тут же предлагала ему почетное место в Академии наук; но добродушный Свешников опять отказался: «Не о почестях думать тому, ваше сиятельство! у кого на руках целое семейство: я учусь для забавы; а трудиться должен для пользы кровных моих!»

В сие же время находился в Петербурге и знаменитый любитель всех умных, редких и необыкновенных людей — князь Потемкин. Известясь молвою о Свешникове, князь призывает его к себе, заводит разговор, и дальновидный вельможа тотчас открывает в нем человека, заслуживающего особенного внимания. Два раза в неделю сходились у князя ученые люди: ему крайне приятно было видеть в комнате своей собрание всех умных голов целой столицы. Покоясь на богатом диване, грызя ногти и мечтая о покорении областей, он сам иногда вмешивался в общий разговор для того только, чтоб обратить его искусным образом на желаемый предмет. Но по большей части молчал, слушал — и многому научался.

В сии ученые беседы приглашаем был и Свешников. В одно время, когда князь начинал уже дремать, слушая сердитый спор двух матема-

тиков о кривизне параболы, вдруг предложен был в другом углу вопрос: «Какому языку труднее научиться?» — Всякий говорил свое; но ученому еврейскому раввину хотелось всех переспорить: он утверждал, что из древних и новых нет труднее языка еврейского. — Свешников не выдержал и вступил с ним в жаркий спор. Он опровергал мнение раввина, доказывая, что язык евреев почти уже истреблен временем, а в оставшихся книгах едва ли можно насчитать теперь до четырех тысяч слов. Раввин упорствовал, представляя трудность еврейской грамматики; но Свешников остановил его совершенно, объявив всему собранию, что ежели научат его только читать, то он обещает сам собою выучиться еврейскому языку в полгода. «Отважное предприятие!» — воскликнуло несколько голосов. «Ура, Свешников! Исполать тебе! — воскликнул и восхищенный князь, прислушавшись в спор его с раввином. — Это впрямь по-русски: ты хочешь взять штурмом всю еврейскую мудрость!» Ободренный вниманием князя, Свешников просил позволения приступить к делу. Раввину приказано учить его читать, и Свешников — в короткое время — читал совершенно.

Тут купил он себе еврейскую грамматику на латинском языке и лучший словарь с латинским же переводом. Решительность его увенчалась желанным успехом. В короткое время он начинал уже разбирать Библейские книги. Одним словом: быстроумный Свешников ровно через полгода явился к князю с требованием, чтоб испытали его при всем собрании. Ученому еврею поручено было сделать сие испытание в присутствии архимандрита Моисея Гумилевского, имевшего основательное познание в еврейском языке. Раввин, которого самолюбие было оскорблено, старался предлагать самые трудные места: он раскрывал Библию, Талмуд, разные молитвенные книги — и ничем не мог затруднить Свешникова, который, сверх исправного перевода, во всем давал верный отчет. И так, по чистосердечному признанию самого еврея и свидетельству архимандрита, Свешников в полном смысле сдержал свое слово. — При сем случае светлейший князь в знак благоволения своего излил на него некоторые милости. — И Потемкин, всегда любивший окружать себя умными людьми, предлагал в свою очередь чины и почести Свешникову, с условием, чтобы он навсегда при нем остался. Но Свешников, не будучи честолюбивым мечтателем, с прежним постоянством отказался бы и от сего лестного предложения, если б князь не убедил его ехать с ним в Таврическую область, над которою сделан был главнокомандующим, обещая доставить ему все способы к содержанию его семейства. Вскоре Потемкин отправился в Тавриду для исполнения великих предначертаний Великой Екатерины. Свешникова везли в великолепном его обозе. В Херсон приехал он благополучно; но там занемог горячкою и — умер. Может

быть, непрерывные умственные занятия или перемена климата были причиною преждевременной смерти сего редкого человека.

К чести Свешникова, не должно умолчать и о том, что он умел быть благодарным к первому взыскавшему его покровителю. Живя в доме своего мецената, он жертвовал ему тем, что для него было всего дороже, — временем. Приняв на себя обязанность выучиться еврейскому языку в полгода, как ни дорожил он каждою минутою, но не упускал, однако ж, дня, чтоб не посвятить одного или двух часов в угодность своего благодетеля, которому хотелось раскрыть в нем все его способности. Притом, не переставая заниматься и торговыми делами, по которым приехал в столицу, вел он переписку с своим семейством.

Свешников, не хотевший принять никаких почестей и отличий, три раза отказавшийся от лестных предложений трех знаменитых особ, сохранял всегда в нравах своих совершенную простоту. Он никак не соглашался занять предлагаемых ему убранных покоев, а местился в темной комнатке и спал на простом войлоке. Камердинер, которого Шувалов за ним посылывал, заставлял его всякий раз сидящего на полу на разостланном крестьянском кафтане, обladenного книгами. Не так ли и пастух мантуанский — Вергилий в доме Мецената и в чертогах Августа во всю жизнь свою не изменял простоты нравов среди всех зараз роскоши и величия? — Можно сказать, что простота есть ближайшая родственница ума и дарований.

Шувалову очень хотелось сделать Свешникова стихотворцем; дано было два месяца на испытание — и Свешников, по истечении оных, объявил откровенно, что, сколь ни лестны для всякого венцы парнасские, однако он не чувствует в себе достаточных сил и жару стихотворного. Природа наделила его преимущественно способностями к глубокомысленным познаниям: его воображение не имело пиитического парения. Впрочем, пленяясь славою великого Ломоносова, Свешников хотел непременно, исключая поэзии, идти во всем по его стопам. Он не преминул даже подражать ему и в мозаических работах. Но мозаик Ломоносова, как искусного химика, состоял из разноцветных, составленных им самим камушков; а Свешников делал свои картины из соломы и цветных мхов — и делал их очень удачно. Три небольшие картины сего нового мозаика заслужили всеобщее одобрение, хотя и были еще только первыми опытами. Две, представляющие перспективные виды, поставлены были между лучшими произведениями в доме его покровителя; а первоначальная, изображающая какой-то сельский вид, досталась Смол<енской> гимн<азии> директ<ору> г. Лю...му, у которого она и теперь хранится за редкостью. — Шувалов с сердечным прискорбием распростился с Свешниковым и, желая передать

черты сего удивительного человека потомству, приказал снять с него портрет. Портрет сей при жизни Ивана Ивановича всегда стоял наряду с изображениями знаменитейших мужей в свете; он и теперь должен находиться у наследников Шувалова. — Если согласимся с мнением очень умного аббата Сабатье, уверяющего, что *ум* есть самый неоцененный дар для человека; что он есть дар, пригодный ко всему, всегда и везде: в уединении, в большом свете, в пустыне и на морях; что звание умного человека должно быть предпочтено всем пышным званиям и титулам, изобретенным честолюбием и гордостью; что умные люди суть любимейшие дети Неба и полезнейшие граждане земли, — если верить, говорю я, всему этому, то Свешников, который, как видно, был очень умен, бесспорно, заслуживает и в потомстве того же почтения, каким удостоили его знаменитейшие его современники. Приятно б было видеть портрет его выгравированным, чтоб русский отец-воспитатель, говоря о *самородных дарованиях отечества нашего*, мог указать сыну своему изображения Ломоносова, *Волоскова* и *Свешникова*.

Иван Евстратьевич Свешников приехал в С.-Петербург 1784 году, в весеннее время, на барках с хлебом из Вышнего Волочка или Нового Торжка. Он уроженец Тверской губернии; но едва ли кому известен в ней. Волосков в той губернии, будучи и городским жителем, долго оставался в неизвестности. — В заключение заметим, что и Свешников воспитан был в закоренелом расколе; но чтением многих священных книг и здравым рассудком выведен из оногo. Он выдержал много жарких прений с раскольниками в присутствии знатнейших вельмож.

Р. С. Многими сведениями о Свешникове обязан я двум почтенным особам: в Смоленске — Льву Федоровичу Л*д*х*вск<o>му, а в Петербурге — Л*в*н*ч*б*к*т*в*, которые, находясь при *Шувалове*, имели случай узнать все подробности о жизни и дарованиях русского ученого крестьянина.

КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ЖИЗНИ

ПЕТРА ИВАНОВИЧА ДЕМЬЯНОВА⁵⁰

Недавно окрестности Ржева украшались пребыванием добродетельного человека, который все дни своей жизни посвящал только двум предметам: служению ближним и упражнению в науках. Склонность к наукам, к благотворению и прочие похвальные склонности совершенно владычествовали над ним; а сам он владел только страстями

⁵⁰ Этому разделу предшествует раздел «Несколько слов о садах» с примечанием: «Это написано было для покойного П* И* Д* во время краткого пребывания моего во Ржеве и у него».

своими. — Едва прошел год знакомства нашего, и смерть, которая, по словам одной сочинительницы, отсекает лучшие цветы в вертограде жизни, — смерть пресекала дни сего добродетельного друга человечества. Над могилою его рыдают неутешно дружба, родство и благодарность.

П* И* Д* воспитывался в Морском корпусе. Математика и механика были любимейшими его науками. В чине гардемарина и мичмана он плавал по морям и во время войны с шведами был на многих морских сражениях. Оставляя бурную стихию, уклонился он к мирной тишине. Сидя в саду своем на берегу Волги, он видал величественную реку во всех ее изменениях — в бурях и тишине; а из окон дома любовался на цветущий торговый город с многолюдною его пристанью.

Будучи душою друзей и родных, часто и для посторонних бывал он подпорою и советником в затруднительных обстоятельствах, судиею и примирителем в спорах. По выборам дворянства служил он в уездном суде и шесть лет депутатом; но всегда и везде служил человечеству.

Он умел чувствовать всю тяготу бедности и вникать в нужды ближних. Часто в кругу милых ему людей, когда дружеская беседа оживотворялась сердечными излияниями, когда удовольствие и радость блистали на всех лицах, он говаривал друзьям своим: «Как мы счастливы!.. За окнами нашего дома шумит буря, Волга кипит в берегах своих; а мы, не чувствуя ни скуки, ни горя, наслаждаемся сердечным спокойствием в теплой комнате; но сколько людей дрожат теперь от холода и сражаются с нуждою!» Тут вздох сострадания вылетал из груди его, и слезы навертывались на глазах.

Любимое изречение его состояло в сих кратких словах: «Думай о добре, делай добро и ожидай добра! — Не осуждайте людей с первого взгляда; смотрите на чужие пороки сквозь пальцы; ищите добродетелей и благоговейте пред ними, снисходя к слабостям человеческим. Посмотрите, — говаривал он, — на источник, лиющийся по лугам: ил, возмущенный его течением, смешаясь с пеною, покрывает поток неприятною для глаз оболочкою; размахните легкую тину — и прекрасная светлая вода откроется под нею! Поступайте так точно и с людьми: добродетели и слабости нераздельны в нас; *и в солнце, и в луне есть темные места!*»

К доброте душевной присоединял он необыкновенную чувствительность. Чувствительность! дар неоцененный и часто пагубный для человека, сколь многих наслаждений и сколь несчетных мук бываешь ты виною! Чувствительное сердце можно сравнить с стройною арфою, которой все струны крепко натянуты: малейшее прикосновение ветерка извлекает звук; что ж сделают бури, удая в них? — Стрелы злопо-

лучия, так сказать, скользят над бесчувственным и глубоко вонзаются в чувствительное сердце — П* И* и с ясною совестью часто встречал в жизни пасмурные дни: они помрачались скорбию. Отирая слезы ближних, он сам нередко проливал их. Потеря близких сердцу родных много ему стоила; но больше всего поразила его смерть брата и друга Льва Ивановича. С той минуты здоровье его начало ослабевать: целые дни проводил он в грусти; и не одна холодная осенняя ночь была безмолвною свидетельницею сетований его на могиле брата.

Он страстно любил отечество и всё отечественное. При начале народного ополчения, когда мужество древних времен воскресло в сердцах россиян, когда любовь к отечеству — родная мать Мининых и Пожарских — воздвигла вновь Россию во всем ее могуществе, П* И* прикован был к одру болезнью жестокою горячкою. Друзья его долго не объявляли ему ни о чем, не показывая даже и *манифеста*.⁵¹ Наконец он узнал нечаянно о составлении земского войска и тотчас — сверх должного числа ратников — назначил в службу лучших, любимых своих стрелков. «Вы были верны мне, — говорил он своим ратникам, — будьте еще вернее государю; гордитесь своею участью: вы становитесь отныне защитниками отечества! — Друзья мои! господин ваш завидует вам: болезнь ослабила силы его; а без того он сам пошел бы первый пред вами туда, куда кликает нас слава Русской земли. Слово цареве удостоверяет, что по низложении врага вы опять возвратитесь в недра семейств ваших: тогда вместе с женами и детьми вашими встречу вас и успокою после трудов ратных». Приемля сердечное участие в тогдашних обстоятельствах, он был в беспрестанном волнении, которое еще больше мешало выздоровлению его.

Но, дорожа выгодами отечества и любезных ему людей, он никогда не жалел утраты собственных выгод. В одно время, в самую полночь, сделался пожар недалеко от его дома; человек торопливо вошел в комнату, чтоб уведомить его о сем. «Что за тревога?» — спросил П* И*. — «Пожар! — отвечал слуга. — Все гумны с хлебом занялись огнем». — «Бедные крестьяне!» — воскликнул *Петр Иванович* и тотчас начал одеваться. «Это не крестьянские, сударь! а ваши». — «Ну, так еще не беда: воля Божия! Подите, старайтесь, чтобы пожар не коснулся деревни; скажи крестьянам, чтоб берегли только себя, да не вели шуметь в доме: не разбуди и гостя». Один из его приятелей спал тогда в другой комнате. Однако ж гость скоро пробудился и крайне удив-

⁵¹ 30 ноября 1806 г., после поражения под Аустерлицем, Александр I издал манифест о создании ополчения по примеру Козьмы Минина и князя Дм. Пожарского. К началу Отечественной войны 1812 года Россия имела не только регулярные войска, но и 612 тыс. ратников-ополченцев.

лялся равнодушию хозяина. «Что ж делать! — говорил П* И*, — воля Провидения неизменна; данное Богом им же и отъемлется». Между тем, чтоб больше успокоить своего гостя, он приглашал его посмотреть на Волгу, которая, пылая в золотых заревах, представляла в себе страшную и вместе величественную картину пожара.

«Смерть праведника есть торжество добродетели, возвращающейся в небеса». Это неоспоримая истина! Порок содрогается при дверях гроба; добродетель, руководимая надеждою, с улыбкою переступает за предел земной юдоли. П* И* доказал сие собою. Продолжительная болезнь — следствие неоднократных огорчений о потере милых ему людей — заставила его искать помощи за пятьсот верст у благотворительного врача приора *Носалевского*.⁵² Родной брат и племянница,⁵³ в которой он имел истинного друга и примерную родственницу, сопровождали его туда. — Уже попечение искусного врача возвратило ему здоровье, уже прежний блеск возобновился в прекрасных его глазах и альбый румянец расцветал на щеках его... Он был очень хорош собою. Вдруг разошлась молва, что Россия должна возобновить войну с Франциею; что Швеция, Турция и Персия с разных сторон ополчались на отечество наше; что Наполеон, которого мановение воздвигает народы, готов отторгнуть от России Польшу. Слухи сии распространялись поляками: они поддерживали их, прибавляя в рассказах своих множество нелепостей, множество самых печальных догадок *насчет будущего*⁵⁴... Всё сие так поразило П* И*, что он с той минуты начал задумываться, бледнеть, жаловаться болью в голове и сердце; и чрез несколько дней обнаружилась в нем страшная лихорадка, пресекавшая вскоре и жизнь его. Пред смертию он увещевал плачущих друзей своих: «Зачем так горько плачете вы? Если о мне, то сетования ваши напрасны: я оставляю свет сей, исполненный сует и волнуемый бурями страстей, точно с таким же чувством, как оставлял некогда бурные моря после долгого на них плаванья. Одна любовь к природе и друзьям моим могла еще несколько привязывать меня в сей юдоли земной, где должно пресмыкаться в толпе бедных тварей, стенищих под жезлом судьбы; где должно быть невольником

⁵² Могилевской губернии в местечке Дудаковичах. — За несколько лет пред сим П* И* также стоял уже на краю гроба, но возвращен к жизни попечениями искусного врача, господина Феллера, которого он всегда называл другом и благотворителем своим. — *Прим. Глинки.*

⁵³ Поскольку только у брата Якова (см. о нем выше) была дочь Анна (от второго брака), следует полагать, что именно они и упоминаются здесь.

⁵⁴ В сие время твердили поляки пословицу: *czue ptaszek wiosne*: слышит птичка весну! — *Прим. Глинки.*

обстоятельств и увлекаться вихрями случайности... Но, друзья мои! величайшие реки и малые источники имеют свои устья; жизнь царей и нищих имеет также свой предел: рано или поздно — желаю, чтоб это было как можно позже, — мы увидимся за пределами гроба; там встречу вас с распростертыми объятиями!

Бог, пекущийся о судьбе величайших миров и малейших из тварей, — Бог благодати, конечно, назначил в лоне вселенной место для праведных душ, тружеников земных. — Верьте, что не вам о мне, а мне должно бы плакать о вас: вы остаетесь жить — и в какое время!.. Никогда страсти не владычествовали так сильно на лице земном; никогда брани не свирепствовали лютее; не было большего честолюбия в завоевателях, больших раздоров в народах, и *корысть* никогда не имела столь полной власти над сердцами... Я страшусь события сих священных слов: *скоро придет бо час, егда живые позавидуют мертвым*». — Частые обмороки лишали его чувств. Едва успел он окончить исповедь свою и приобщиться святых таин, как язык его онемел. Тут попросил умирающий знаками часов и образа, который велел поставить прямо против себя. Безмолвствуя, указывал он то на часовую стрелку — выражая тем, что ему уже немного остается жить; то смотрел на икону, пожимал руки друзей своих, взглядывал сквозь растворенное окно на чистое небо, и таким образом, подкрепляемый верою, в объятиях дружбы и природы, с твердостью христианина, кончил жизнь сей добродетельный человек. — Известясь о смерти его, несколько недостаточных семейств надели траур. И тогда только открылось, что они получали от него все способы к жизни.⁵⁵ Гроб его сопровождали рыдающие друзья, родные и облагодетворенные им несчастливцы.

Итак, не стало уже сего добродетельного, сего пламенного друга человечества, для которого благотворение было первою потребностью в жизни!

Нежный друг Природы! Запустеют те места, которые украшал ты с таким прилежанием руками своими! Уже не расцветут для тебя земные вертограды; ты не услышишь шуму родных источников, которым пролагал пути среди цветов и душистой зелени!.. Насажденные тобою сады⁵⁶ пережили тебя; но не переживут они памяти твоей. Падут столетние древа; а воспоминание о добродетелях твоих преидет в поучение поздних родов. Оно не истребится и тогда, когда уже сердца, облагод-

⁵⁵ Сие тем более делает чести покойнику, что он, не будучи в числе богачей, благотворил бедным при самом посредственном состоянии. — *Прим. Глинки.*

⁵⁶ Покойник страстно любил природу и пред кончиною начал разводить сад в английском вкусе. — *Прим. Глинки.*

воренные тобою, истлеют под холодным камнем могилы. Последние слова твои часто отзываются в сердцах наших. В минуты глубокой сердечной скорби завидуют тебе, живущему и в смерти, друзья твои, умирающие в жизни. Мир праху твоему, добродетельный человек!

Р. С. В бумагах покойника найдено несколько мелких стихотворений, из коих особенно одно к *Волге* имеет на себе печать его ума и нежного вкуса. По скромности своей он никогда не выдавал себя за знакомого муз. Он также прилежно занимался домоводством и, записывая все на опыте изведенные им лекарства, составил книгу под названием «Скотского лечебника».

Но всего любопытнее найденный у него между многим и механическими снарядами образец одного отличного от прочих, о котором он никому не говорил, а составлял оный втайне собственными руками. Судя по частям, которые еще не приведены в надлежащий порядок, надобно думать, что это снаряд гидравлический и притом такой, посредством которого самым малым количеством воды можно производить великое движение! Архимедов винт, колеса и прочие сложности машины выработаны им самим с нарочитою точностию. Все занятия, все труды сии не показывают ли, что цель всей жизни Петра Ивановича была — польза?⁵⁷

⁵⁷ После этого очерка следуют слова: «После первой поездки моей в Тверскую губернию я еще несколько раз был в окрестностях *Волги*; гулял на высоких берегах ее, мечтал, и мечтания мои излились в слабых стихах, которые кстати здесь же помещены».

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

[1837]

Жуковский Василий Андреевич (1783, с. Мишенское Тульской губ. — 1852, Баден-Баден), поэт, переводчик, критик, действительный член Российской академии (1818), почетный член Императорской Академии наук (1827–1841). Окончил Московский университетский благородный пансион (1801). В 1812 г. поступил в ополчение. В 1816 г. стал чтецом вдовствующей императрицы Марии Федоровны; в 1817 г. — учителем русского языка принцессы Шарлотты, будущей императрицы Александры Федоровны; в 1826 г. назначен на должность наставника великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II. По окончании обучения цесаревича в 1837 г. Жуковский совершил с ним путешествие по Российской империи, посетив тридцать губерний, в том числе и Тверскую. Целью поездки было знакомство наследника престола с жизнью народов России. Дневник Жуковского запечатлел маршрут путешествия, круг лиц, с которыми цесаревич встречался на официальных и светских приемах, и образовательную программу вояжа: посещение учебных заведений, приютов, больниц, выставки промыслов, памятных мест, связанных с историей и культурой России. В 1841 г., в связи с совершеннолетием наследника, Жуковский ушел в отставку. Текст печатается по изд.: Жуковский В. А. Путешествие с в.<еликим> к.<нязем> / подгот. текста и коммент. А. С. Янушкевича // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / гл. ред. А. С. Янушкевич. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 / сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 47–49, с уточнением и атрибуцией имен и топонимов и расширенным комментарием. Официальные бюллетени о путешествии Александра Николаевича составлял С. А. Юревич, с 4 мая они печатались в газете «Санкт-Петербургские ведомости». В Приложении мы печатаем анонимную статью по изд.: Северная пчела. СПб., 1837. № 111. 20 мая. С. 442–444; перепечатана: Санкт-Петербургские ведомости. 21 мая. Возможно, статья принадлежит И. И. Лажечникову, так как автор сообщает, что он «возвращался поздно от В. А. Жуковского», а в дневнике самого Жуковского последним из упоминаемых 5 мая лиц значится именно Лажечников, да и характер отношений их допускал позднюю неофициальную встречу.

4 мая. <...> Хотилово (чай). — Вышний Волочек. — Гать перед въездом в него. Гнусная окрестность. — Ночлег у головы.¹ Спальня с огромною нарядною постелью.

5 мая. Переезд из Вышнего Волочка в Тверь. Утро в Вышнем Волочке. Осмотр шлюзов прутинских и заводского водохранилища.² Дом Сердюкова.³ Меццанство во дворянстве.⁴ Завтрак в Торжке и смотр. Древний монастырь,⁵ где Жуковского приняли за викарского.⁶ Осмотр собора⁷ и монастыря. — Коллизия. — Переезд в Тверь. Встреча. Губернатор Толстой.⁸ Вице-губернатор Аверикиев.⁹ Директор гимназии Лажечников.¹⁰ Учения гусаров. Иллюминация.

6 <мая>. В 9 часов утра представление. Головин.¹¹ Муравьев. Смотритель гимназии Лажечников, почетный попечи-

¹ Михаил Федорович Ванчаков, купец, городской голова Вышнего Волочка (1833—1841), под руководством которого построены Петербургский, Тверецкий и Цнинский каменные мосты, прорыты осушительные каналы, реконструированы первые торговые ряды, открыты гражданское училище и училище кантонистов для солдатских детей. При вступлении Ванчакова в должность городская дума имела почти 50 тыс. руб. долгов, к концу его службы доходы увеличились вдвое и городской капитал составил 55 тыс. руб.

² Заводское водохранилище в составе Вышневолоцкой системы образовано соединением рек Шлины, прегражденной земляными дамбами, и Цны — плотина с водоспуском. При полном подъеме воды образуется озеро в 11 верст длиной и до 7 верст шириной, при этом сливаются озера Шишковское, Градолюбское, Ключино и др.

³ Дом М. И. Сердюкова — памятник архитектуры петровского барокко (1719), двухэтажное здание на высоком, облицованном плитами гранита цоколе. Служил композиционным центром усадьбы, объединяя остальные постройки, из которых сохранились жилой флигель, конюшня и тюрьма; ныне используется под жилье.

⁴ Аллюзия на комедию Ж.-Б. Мольера «Меццанин во дворянстве» (1670). По указу Елизаветы Петровны 1742 г. Сердюков был пожалован в дворяне.

⁵ Борисоглебский монастырь.

⁶ Викарий — должностная духовная особа высшего сана.

⁷ Борисоглебский собор.

⁸ Толстой Александр Петрович (1801—1873), граф, действительный тайный советник, гражданский губернатор Твери (1834—1837).

⁹ Аверкиев Александр Егорович (1788—1858), действительный статский советник, тверской вице-губернатор (1835—1838).

¹⁰ Лажечников Иван Иванович (1792—1869), директор училищ Тверской губернии (1831—1837).

¹¹ Возможно, Головин Николай Гаврилович (1805—1865), поручик лейб-гвардии Конного полка (с 1830 в отставке), владелец имения Микулино-Городище (в 40 верстах от Старицы).

С. Ф. Галактионов. Вышний Волочек.

Гравюра из книги И. Ф. Глушкова «Ручной дорожник». СПб., 1802

тель училищ Бакунин, слепой.¹² Разговор о губернских газетах,¹³ изучение французского языка в училищах. Ермолаев, протекция. Губернский предводитель А. М. Полторацкий.¹⁴ Вилдермет, смотритель казенных лесов. Стихи князя Козловского.¹⁵ —

¹² Бакунин Александр Михайлович (1768—1854), тверской предводитель дворянства (1806), поэт, владелец усадьбы Прямухино, почетный попечитель тверской губернской гимназии (с 1836); в 1830-х гг. потерял зрение.

¹³ Первая в Твери газета «Тверские губернские ведомости» начала выходить с 1839 г. при Тверском губернском правлении; на протяжении сорока лет оставалась единственной в губернии.

¹⁴ Полторацкий Алексей Маркович (1767, по др. свед. 1771/72—11.12.1843), тверской предводитель дворянства (1815—1822, 1833—1839).

¹⁵ Князь Козловский Иван Дмитриевич (1811—1867), офицер расквартированного в Твери кавалерийского полка, поэт-дилетант, знакомый А. С. Пушкина (*Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 199*). См. о нем: *Тверские поэты. С. 123*.

Набоков.¹⁶ Дохтуров.¹⁷ Смотр. Обозрение выставки.¹⁸ Сапоги Корчевского уезда.¹⁹ Изделия шерстяные, шерсть в пряже, чулки, крестьянские носки и рукавицы (деревяне графини Самойловой²⁰). Изделия фаянсовой фабрики Ауэрбах.²¹ Стекла фабрики <нрзб.>,²²

¹⁶ Набоков Иван Александрович (1787–1852), командир гренадерского корпуса, участвовавшего в военном смотре в Твери.

¹⁷ Дохтуров Николай Михайлович (1788–1865), начальник 7-й кавалерийской дивизии, участвовал в военном смотре по случаю пребывания великого князя в Твери.

¹⁸ Согласно разработанному плану, в губернских городах были организованы выставки, представляющие ремесла края. А. И. Герцен, сам принимавший участие в организации подобной выставки в Вятке, писал: «Между разными распоряжениями из Петербурга велено было в каждом губернском городе приготовить выставку всякого рода произведений и изделий края и расположить ее по трем царствам природы» (Герцен А. И. Полное собрание сочинений: в 30 т. Изд. АН СССР, 1956. Т. 8. С. 293).

¹⁹ Корчевской у. славился сапожным промыслом. В с. Кимры почти все крестьяне на оброке занимались сапожным делом; к концу XVIII в. здесь работали три небольших кожевенных завода; кожевенно-обувной промысел развивался до начала XX в.

²⁰ Графиня Самойлова Юлия Павловна (1803–1875, урожд. Пален), падчерица и наследница графа Дж. Литта (отсюда двойная фамилия Самойлова-Литта), близкий друг К. П. Брюллова, изобразившего ее на картинах «Портрет Ю. П. Самойловой с Джованиной Пачини и арапчонком» (1832–1834) и «Портрет графини Самойловой, удаляющейся с бала у персидского посланника (с приемной дочерью Амалией)» (1842), в 1835–1846 гг. владела 52 селениями в Корчевском у. (более 3 000 душ).

²¹ Лифляндский провизор Ауэрбах Андрей Яковлевич († 1845) основал фаянсовую фабрику в с. Домкине (1810), перевел в с. Кузнецово Корчевского у. (1829); награжден большой серебряной медалью Первой публичной выставки русских мануфактур в Петербурге (1829), большой золотой медалью Первой московской выставки (1830). После его смерти дело возглавили его сыновья; в 1870 г. завод продан М. С. Кузнецову.

²² В Тверской губернии стекольные заводы находились в с. Едимонове (Корф Анастасия Александровна, 1797, стекло, штофы, полуштофы и бутылки), у с-ца Омутни Корчевского у. (нарвские купцы Гизетти и Кригер, 1807, листовое стекло), в с-це Дмитровском (Имсен Андрей Иванович, 1812, стеклянная посуда), у с. Харитоновна (Жеребцов Дмитрий Александрович, 1823, аптекарская посуда, графины, стаканы, рюмки; выкуплен Ладыженским Николаем Васильевичем и перенесен в д. Дмитровку). Ср.: «Завод г. Ладыженского производит аптекарскую посуду белого и зеленого стекла и много хрустальной посуды, которая с 1847 года стала отличатся новостью и красотою форм» (Преображенский В. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854. С. 495).

зеркала, посылаемые в Кяхту.²³ Часовщик самоучка²⁴ <нрзб.>; черта примера народного²⁵. Множество самоучек, которых достоинство в том, что они не учатся художествам, а вперед пойдут. Юфть, посылаемая даже в Америку.²⁶ Фланели и шерстяные ткани.²⁷ — Гвозди разных величин. — Заказаны сервизы и сын его отдан в учение на счет в. <еликого> князя.²⁸ — Его неловкость и вялость, происходящие от стеснения и частью от равнодушия. — Представление духовенства. Архиерей <нрзб.>, отец <нрзб.>, ректор семинарии.²⁹ До тысячи в городе, до двух тысяч учащихся по всей губернии. —

²³ Кяхта (Троицкосавск) — город в Бурятии, через который в Китай вывозились: сукно, мануфактура, пушные товары и юфть, из Китая — чай, шелковые и хлопчатобумажные ткани и фарфоровые изделия. Ср.: «Из иностранных товаров отпускаются сукна и частью российские зеркала <...> если курс будет означать перевес торга в пользу России, то продажа иностранных товаров на Кяхте будет выгодна» (*Радищев А. Н.* Письмо о китайском торге // Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. С. 11, 20).

²⁴ Тверской изобретатель-самоучка А. И. Сутугин, см. о нем в Приложении.

²⁵ См. в Приложении.

²⁶ Большая часть кожевенных фабрик губернии располагалась в Осташкове, половина из них принадлежала купцам Савиным. Первый в Осташкове кожевенный завод был построен Григорием Андреевичем Савиным и его сыном Алексеем (1730), к 1783 г. заводов насчитывалось уже 36. Большинство принадлежало Савиным: Кондратию Алексеевичу (1759—1827) и его сыновьям Ивану (1785(?)—23.12.1829), Степану (1804—1845) и Федору (1816—1890). В 1811 г. К. А. Савин доставил в Петербург огромное количество выделанных кож, а для кройки сапог снарядил 60 мастеров из Осташкова. В 1819 г. на его средства для развития кожевенной, сапожной и кузнечной промышленности был организован Осташковский общественный банк. В 1825 г. Савины на собственной флотилии вывозили товары в Европу, Австралию, Канаду, Турцию, Сирию, Египет. Сбытом кож за границу занимался И. К. Савин. Юфть — дубленая кожа, выработанная из шкур крупного рогатого скота. Красный цвет получался от красителя из древесины сандалового дерева. Красная юфть (русская кожа) была экспортным товаром. Из нее изготавливались мелкие вещи: портмоне, кошельки, ремни и проч.

²⁷ В XVIII в. в Тверской губернии действовало много помещичьих бумагопрядильных мануфактур. В 1839 г. купцы Савины открыли в Осташкове первую в губернии бумагопрядильную фабрику. Сырье завозили из Ост-Индии, Египта, Америки; продукцию отправляли на ткацкие производства в Москву и Шую.

²⁸ Сын тверского изобретателя-самоучки А. И. Сутугина, см. о нем в Приложении.

²⁹ Архиепископ Тверской Григорий (Георгий Петрович Постников, 1784—1860); ректор семинарии — архимандрит Афанасий (Андрей Григорьевич Соколов, 1802—1868), бывший также настоятелем Калязинского монастыря (1832—1838).

Осмотр городской больницы,³⁰ военного госпиталя,³¹ Отроча монастыря из кельи, где задушен Филипп.³² Осмотр сиротского дома.³³ Гимназия.³⁴ Тюрьма.³⁵ Дом умалишенных³⁶ (<нрзб.>). — После обеда визиты у губернатора, у губ. <ернского> предводителя Полторацкого (Варвара Дмитриевна),³⁷ у Лажечникова (Ив. <ан> Иванович), у Бакунина (Александр Михайлович, Варвара Александровна³⁸), у Аверкиева (Александр Егорович и Анна Алексеевна). — Бал: Ермолаева, Дивова. Ушакова. Назимова. Варвара Дм. <итриевна> Полторацкая. Пистолькорс.³⁹ Новосильцев.⁴⁰

³⁰ См. прим. к тексту Глушкова.

³¹ Городская больница для нижних чинов военного ведомства (1836, архитектор И. Ф. Львов) — комплекс из нескольких деревянных построек на берегу Лазури; одноэтажный главный корпус украшен шестиколонным портиком с треугольным фронтоном (*Свод. Ч. 1. С. 232*).

³² Филипп (Федор Степанович Колычев, 1507—1569), митрополит Московский и всея Руси (1566—1568), канонизирован в 1648 г. В библиотеке Жуковского сохранилась книга: *Глинка Владимир. Отрочь монастырь, быль XIII-го столетия*. СПб., 1837.

³³ Сиротский дом (ок. 1781, арх. Ф. Ф. Штенгель) не сохранился (*Свод. Ч. 1. С. 214*).

³⁴ Тверская мужская гимназия (1804) размещалась в здании на Полуциркульной пл. (ныне Дом работников народного образования); первоначально принимались выходцы из всех сословий (кроме крепостных), с 1828 г. — дети дворян. Новое здание гимназии (1844—1859, архитектор И. Ф. Львов) выстроено на ул. Советской, 2, 4, 6.

³⁵ Тюрьма (1778—1780, архитектор Ф. Ф. Штенгель) располагалась на территории бывшей крепости позади дома губернатора. Двухэтажное здание имело пластично скругленный объем, органично вписанный в остроугольный участок квартала. Нижний этаж, прорезанный арочными окнами, был обработан ленточным рустом и воспринимался как высокий цоколь верхнего этажа; окна второго этажа были оформлены наличниками, углы фасада акцентировались рустованными лопатками (*Свод. Ч. 1. С. 216*). Тверской тюремный замок (ул. Вагжанова, 141) построен в 1805 г.; в 1830 г. в нем была открыта тюрьма; в 1891 г. переименована в Тверскую губернскую тюрьму.

³⁶ Дом для умалишенных (архитектор И. Ф. Львов) — одноэтажное здание на берегу Волги между городской больницей и вокзалом; в совокупности с трехэтажным корпусом больницы и богадельни с церковью, работным домом и хозяйственным флигелем составлял комплекс приказа общественного призрения (*Свод. Ч. 1. С. 231—232*).

³⁷ Жена А. М. Полторацкого, урожд. Киселева (1798—1843).

³⁸ Жена А. М. Бакунина, урожд. Муравьева (1792—1864).

³⁹ Пистолькорс Карл Васильевич (1798—26.04.1876), командир 7-й конно-артиллерийской бригады, участвовавшей в военном смотре.

⁴⁰ Возможно, Новосильцев Александр Васильевич (1766—1840, с. Ивановское-Новосильцево Зубцовского у.), майор.

7. Отъезд в 6 часов. Завтрак в Кимре, поместье графини Самойловой. День дождливый. Путешествие частью берегом Волги. 20 верст шоссе. Потом плохая песчаная дорога. Три переправы, две через Волгу и одна через Медведицу. Последняя за шесть верст до Калязина через Волгу. Пашни, луга и рощи. Богатые деревни, особенно Кимры. Три церкви, две из них архитектурой сходны с Успенским собором.⁴¹ — Остановка в Калязине у купца Полежаева, комнаты с полом, покрытым ковром, портреты и картина Магдалины.⁴² Торги на 4 миллиона хлебом. Удивительная картина народа. Бывший предводитель Черемисин;⁴³ в Углич выехали поздно.

Приезд в Углич во втором часу. — Арсеньев полицмейстер, человек умный и порядочного чина. Промышленность города: выделка кож, холст, пряжа. Бумажная фабрика. Поездка в <еликого> князя в Калязинский монастырь св. Макария,⁴⁴ где мощи.⁴⁵

⁴¹ Покровский собор (1816—1825) был похож на Успенский собор Московского Кремля внешним видом и внутренним убранством; пятиярусный иконостас выполнен в византийском стиле; не сохранился. Собор Троицы Живоначальной (1829—1833) представлял собой ротонду под обширным куполом на массивном четверике с ярусной колокольней; не сохранился. Вознесенский собор (1813) выстроен из кирпича, оштукатурен и декорирован белым камнем, четырехъярусная колокольня увенчана барабанчиком с главкой; среди святынь храма — грамота царей Ивана, Петра и Софьи, позолоченный крест с надписью последней владелицы Кимр графини Самойловой.

⁴² Мария Магдалина — жена-мироносица, следовала за Христом по крестному пути, присутствовала при распятии и была свидетельницей воскресения.

⁴³ Ошибка Жуковского. Черемисинов Александр Матвеевич, тверской губернский предводитель дворянства (1822—1823), владеец с. Родичево Мышкинского у.

⁴⁴ Троицкий Макарьев монастырь — ансамбль допетровского зодчества; затоплен при создании Угличского водохранилища (1939—1940). В комплекс входили Троицкий собор (1521, перестроен в 1650—1652; фрески Василия Ильина и Ивана Филатьева, 1654; уцелело несколько фрагментов росписей, Музей архитектуры им. А. В. Щусева, Калязинский краеведческий музей), Сретенская церковь (1530), надвратная церковь во имя св. преподобного Макария Калязинского (1617), больничная Алексеевская церковь (1655), Успенская церковь (1884), четырехъярусная колокольня (1818—1822). Петр I совершал сюда походы с «потешными» войсками; Екатерина II останавливалась в монастыре во время путешествия по Волге 1767 г.

⁴⁵ Макарий Калязинский (Матвей Васильевич Кожин, 1401—1483), основатель Троицкого Калязинского монастыря (ок. 1434), в котором был игуменом; канонизирован в 1547 г. Мощи Макария Калязинского находятся в Тверском кафедральном соборе.

ПИСЬМО ИЗ ТВЕРИ

О ПРЕБЫВАНИИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЦЕСАРЕВИЧА НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА

Ты знаешь, любезный друг, как бывает обыкновенно, даже зимою, пуста наша Тверь, которую некогда называли уголок Москвы.⁴⁶ Можешь судить, что с нею сделалось, когда многие временные жильцы ее выехали со своего зимовья по деревням хозяйничать и наслаждаться возрождением природы. И оставшиеся горевали, переносясь желаниями на свежий бархат полей, под раздолье неба, не стесненного рамкою домов, в рощи, только что оперяющиеся, но уже оглашаемые своими крылатыми певцами, на берега Волги, заигравшей на органах своих порогов дивный гимн весне. Да, в последних числах апреля наша Тверь походила на какое-нибудь захолустье Москвы, или, как сказал некто прежде, на красивую почтовую станцию. Пустота и скука, скука и пустота!

Вдруг 1-го мая Тверь оживает, волнуется, шумит, кипит народом; экипажи то и дело снуют по улицам; со всех сторон из уездов спешит дворянство в сердце губернии; эстафеты⁴⁷ скачут в Москву; дилижансы⁴⁸ привозят из столицы оркестры; гостинный двор и магазины наполнены посетителями, как на ярмарке, и не имеют довольно средств удовлетворить покупателей; все радуются, все заботятся. Что ж причиною такой необыкновенной перемены в несколько дней? — Неожиданная весть, что наследник Русского престола, вместо того чтоб ехать на Вологду, как предположено было, едет на Тверь. «4-го будет он здесь!» — волшебною силою передается в несколько минут по всему городу. Восторг написан на всех лицах. Но вместе с этим рождается забота, как в три дня приготовить достойно принять такого дорогого гостя. А усердие? а любовь и преданность? О! чего не сделают они!.. Эти двигатели пополняют время, удешевляют силы и средства; они могучее самой могущественной воли, всегда больше сделают всяких строгих наказов или народных совещаний. Тут не нужно собирать голоса, где у всех на устах и в сердце один голос. С этими чувствами все звания

⁴⁶ См. об этом в путешествии Островского.

⁴⁷ Эстафета — вид срочной (верховой или пароконной) почты.

⁴⁸ Дилижанс (la diligence, франц.) — многоместная карета на конной тяге для перевозки пассажиров и почты.

принялись за дело. И 4-го мая Тверь уже была готова принять государя наследника.

Но вместо 4-го его императорское высочество прибыл 5-го числа в шестом часу пополудни. Колокольный звон во всех церквях возвестил об его приезде. Народ встретил его радостными восклицаниями. Хотели отпрячь лошадей от его экипажа и везти на себе; но боязнь какой-нибудь суматохи от стеснения народа и последствий от нее при спуске на мост через Волгу⁴⁹ и на самом мосту отклонили народ от этого изъявления преданности. И тут видна была нежная забота о том, на ком покоятся будущие надежды России. По прибытии в соборный храм Преображения Господня,⁵⁰ у входа в него государь наследник встречен был преосвященным Неофитом⁵¹ со крестом; приняв от него благословение, вступил в храм. Там в умиленном благоговении принес дань Царю Царей и поклонился святыне. Очи всех присутствовавших были обращены на цесаревича и наполнились слезами радости, читая на лице его залог всего прекрасного и высокого. Теплые, усердные молитвы тверитян о благополучном путешествии его, о здравии его и долгоденствии приобщились к его чистой, трогательной молитве. Когда он вышел из церкви, дворцовая площадь покрыта была народом, так что негде было руки продеть. Всё расступилось, чтобы дать ему дорогу, и почти ему одному. Даже свита его с трудом могла следовать за ним. Тысячи голосов превратились в одно восторженное ура! — У дворца⁵² его императорское высочество встречен был гражданским губернатором, губернским предводителем дворянства⁵³ и начальником удельной конторы⁵⁴ (в заведывании которого состоит дворец); депутация от купечества, по русскому обычаю, поднесла ему хлеб-соль. До самой глубокой ночи народ в благоговейной тишине стоял на страже около дворца, передавая один другому замечания свои о цесаревиче. — «Какой молодец! Видно, русская кровь играет в нем! Как усердно молился в церкви и поклонялся святым иконам! Как приветлив ко всем!» Вот речи, которые я подслушал, возвращаясь поздно от В. А. Жуковского. И вот еще вывод, какой я

⁴⁹ О понтонном мосте через Волгу см. в тексте Ишимовой.

⁵⁰ Спасо-Преображенский собор.

⁵¹ Неофит (в миру Николай Петрович Соснин, 1794—1868), епископ Старицкий, викарий Тверской епархии (1836—1838).

⁵² Императорский путевой дворец.

⁵³ См. о них выше.

⁵⁴ Болтин Илья Александрович, надворный советник, управляющий тверской удельной конторой.

сделал на следующий день из бесед крестьянина, купца и дворянина. Все поняли высокую мысль государя императора, который в отеческих попечениях о сыне и народе своем посылает своего наследника ознакомиться с Россией и познакомить ее с будущим ее царем. Увидев, узнав государя наследника, народ уверился, что благоденствие его упрочено на многие и многие лета.

Вечером город был прекрасно иллюминирован. Это пришлось зрителям по сердцу.

На другой день, т. е. 6-го числа в 9 часов утра, имели счастье представляться его императорскому высочеству дворянство, военные и гражданские чиновники и именитое купечество. Каждого из них государь наследник очаровал своим приветом, в сердце каждого бросил семена любви и преданности, которые разовьются в будущих поколениях богатою для него жатвою. — В десять часов цесаревич изволил делать за Петербургскою заставою смотр 7-й конноартиллерийской бригаде и остался им доволен. В 11-ть часов посетил выставку изделий Тверской губернии, расположенную в нижних комнатах дворца. Здесь находившиеся в это время имели случай оценить любознательность его высочества и верный взгляд на вещи. Особенное внимание изволил он обратить на следующие вещи: 1) *Сапоги* разного вида, которых выработывается ежегодно более миллиона пар Корчевского узда в селе Кимрах, принадлежащем графине Ю. П. Самойловой. 2) *Красную юфть* с фабрик купцов Савиных и Мосягиных⁵⁵ из Осташкова. 3) Разные роды *гвоздей*. Выковывание их составляет значительную промышленность Твери и уезда. Представлены гвозди, которых тысяча весит шесть золотников.⁵⁶ 4) *Канатную пеньковую пряжу*⁵⁷ с фабрик ржевских купцов Герсеньева,⁵⁸ Мыльников, Глушкова и Еремеева.⁵⁹

⁵⁵ В 1844 г. на самом большом заводе Савиных трудилось 167 рабочих, выделано кож на 60 605 руб. сер.; на заводе купчихи Мосягиной — 11 рабочих, выделано кож на 8 000 руб. сер. (Краткий взгляд на состояние мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1844 году. Тверь: Тип. Губерн. правления, 1845. С. 11–12).

⁵⁶ Золотник — единица измерения веса. 1 золотник = 4, 266 г.

⁵⁷ Канатная пенька — грубое волокно, изготовленное из стеблей конопли.

⁵⁸ Ошибка; имеется в виду Берсенева.

⁵⁹ В 1844 г. в Ржеве было 15 пенькопрядильных фабрик; у купца Глушкова работало 150 рабочих, приготовлено пеньки на 30 тыс. руб. сер.; у В. Берсенева — 60 рабочих, 15 тыс. руб. сер.; у С. Еремеева — 25 рабочих, 10 тыс. руб. сер. (Краткий взгляд на состояние мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1844 году. С. 31–32).

5) *Кармин*,⁶⁰ выделяемый отличным образом из кошенили в Ржеве на заводе братьев Волочковых, которые одни обладают тайною этого искусства, переданного им отцом. 6) *Химические* изделия с фабрики иностранца Бруннигаузена в Корчевском уезде.⁶¹ 7) *Сахар* с завода почетного гражданина Петра Савина. Этот завод находится в самом Осташкове. Владелец его один из первых в России завел собственный корабль; теперь имеет их до пяти и отправляет прямо в Вест-Индию⁶² за сахарным песком, откуда получает его без посредства иностранных комиссионеров. Сахара выделяется на заводе до 50 т. <ысяч> пудов.⁶³ 8) *Фаянс*⁶⁴ с фабрики провизора Ауэрбаха в Корчевском уезде, известный по всей России как прочностью своею, так и изящностью отделки. По желанию государя наследника заводчик имел счастье на самых образцах объяснять его высочеству весь процесс выделки посуды, начиная от сырых материалов до окончательной отделки вещей. 9) *Стекла* с завода 8-го класса Гениха, находящегося в Корчевском уезде.⁶⁵ На нем выделяют, между прочим, так называемое бемское стекло⁶⁶ для окон, карет, картин и зеркал, величиною от 6-ти до 36-ти вершков⁶⁷ в высоту, от 5-ти до 22-х в ширину. Вырабатывают в год разного стекла до тысячи ящиков, на 90 000 рублей. Замечателен сбыт произведений этой фабрики на Кяхте, куда г. <осподин> Гених

⁶⁰ Кармин — натуральный краситель красного цвета, изготавливаемый из кошенили — насекомых из отряда жесткокрылых. Речь идет о Т. И. Волоскове, см. у Жуковского.

⁶¹ В 1844 г. в Корчевском у. было 3 химические завода: завод московского купца Гладалина — 70 рабочих, продукции на 51 662 руб. сер.; два завода калязинского купца Чекрыжева и иностранца Бруннигаузена — продукции на 10 984 и 1430 руб. сер. соответственно (Краткий взгляд на состояние мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1844 году. С. 36–37). Очевидно, имеется в виду первый из заводов Чекрыжева-Бруннигаузена, изготовлявший берлинскую лазурь и синильную кислоту.

⁶² Вест-Индия — общее название островов Атлантического океана между Северной и Южной Америкой.

⁶³ Пуд — мера веса, 1 пуд = 16,38 кг.

⁶⁴ Фаянс — керамическое изделие, покрытое глазурью.

⁶⁵ В 1837 г. на корчевском заводе Генике находилось две стекловарных печи, работали 32 рабочих, было выработано до 1000 ящиков бемского стекла для окон, карет и зеркал на сумму до 90 тыс. руб. ассиг. (Краткий взгляд на состояние мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1844 году. С. 38).

⁶⁶ Бемское (богемское) стекло — высокосортное листовое прозрачное стекло.

⁶⁷ Вершок — единица измерения длины, 1 вершок = 4,45 см.

ежегодно отправляет до 120 000 штук, а иногда и более, простых дешевых зеркальцев, обделанных во вкусе китайцев.⁶⁸ Представляя свои изделия, г.<осподин> Гених имел также счастье объяснять его высочеству весь процесс выделки стекла; и 10-е) *Стенные часы* и особенно *машины* для нарезывания и полирования колес, сделанные самоучкою тверским мещанином Сутугиным. Его императорское высочество, узнав, что художник желал бы усовершенствовать одного из сыновей своих в часовом мастерстве, но не имеет на это способов, чрезвычайно милостиво вошел в положение художника и приказал гражданскому губернатору представить ему о Сутугине записку. — Вообще лица, представлявшие свои изделия, и заведовавший выставкою член комитета об устройстве города Твери г.<осподин> Юргенсон,⁶⁹ имевший счастливый случай за отсутствием некоторых заводчиков объяснять государю наследнику разные предметы, и особенно химические, — остались преисполнены милостивого внимания его высочества.

После того его императорское высочество осматривал больницы приказа общественного призрения и городскую; посетил Отрочь монастырь, лазарет артиллерийской бригады и сиротский дом, где во всех заведениях изъявил свое удовольствие за найденную чистоту и порядок. У входа в гимназию встречен он был губернским предводителем дворянства, почетным попечителем гимназии и директором училищ. Последним подан ему был рапорт о благосостоянии училищ, с приложением ведомости о числе учащихся и учащихся. По случаю объяснения о тесноте и неудобности дома гимназии рассмотрены были его высочеством фасады и план дома, который предположило дворянство Тверской губернии выстроить под гимназию и пансион ее, и потом обойдены все классы. При выходе его высочество благодарил директора.

К обеду его императорского высочества удостоились быть приглашены г.<оспода> генералы Набоков, Дохтуров, Муравьев,

⁶⁸ Ср.: Краткий взгляд на состояние мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1844 году. С. 38.

⁶⁹ Из тверских Юргенсонов этого времени известны: Карл Николаевич, коллежский советник, провизор и владелец Старо-Тверской вольной аптеки (с 1813), член уездной оценочной комиссии и попечительства детских приютов, директор губернского тюремного совета; Федор Карлович († 10.04.1898), содержатель той же аптеки, кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст., почетный член попечительского совета Детского приюта, коллежский советник, почетный мировой судья (*Ротермель Б. Н.* Тверские немцы. Тверь: Волга: Ржев. тип., 2011).

Ховен,⁷⁰ Смагин, тверской гражданский губернатор граф Толстой, губернский предводитель дворянства Полторацкий, вице-губернатор Аверкиев, почетный попечитель гимназии Бакунин и градской глава.

Вечером в 9-ть часов государь наследник осчастливил своим посещением бал, данный в тверском благородном собрании. (Весь день шел проливной дождь, но к съезду посетителей небо совершенно прояснилось, как будто сама природа старалась содействовать нашему празднику.) Площадь, где находится дом собрания, была прекрасно иллюминирована; в середине горел щит с вензелями их императорских величеств и государя цесаревича; по обеим сторонам падали огненные каскады. У подъезда его высочество встречен был почетнейшими лицами города. При входе на лестницу, усталную коврами и зеленым сукном, изящно убранную редкими деревьями и цветами, какие могли только найти в оранжереях, и между ними огромными зеркалами, заиграл оркестр гимн: «*Боже, царя храни!*» У дверей залы встречен был государь наследник почетнейшими дамами города. В продолжение бала играли попеременно два оркестра. Из окон дома его высочество любовался видом иллюминации. Потом удостоил принять участие в некоторых танцах. Но лучшее зрелище, каким взоры и сердца наши насладились, было при выезде государя цесаревича из собрания в 12-м часу ночи. Блестящее освещение, площадь с четырьмя прилегающими к ней улицами, усеянные народом, тысячи глаз, устремленные на один предмет, тысячи поднятых рук и, наконец, один восторженный гул, один согласный, единодушный из нескольких тысяч голосов хор любви и преданности. Экипаж его высочества тронулся, и эти тысячи поколебались и хлынули, как будто прорвалась плотина морская, и потекла вслед за экипажем до самого дворца, так что колеса с трудом могли двигаться. Должно заметить, что ни одного несчастного случая не было.

На другой день в 7 часов поутру его высочество, усердно помолвившись в соборном храме, изволил отправиться в дальнейший путь, на Углич, сопровождаемый благословениями тверитян.

Едва я не забыл сказать, что государь наследник пожаловал на раздачу бедным 5 000 рублей. При этом случае усердие и преданность тверского купечества присоединили свое приношение из 4 500 рублей в пользу нуждающихся: они поняли, что такая жертва приятнее всякой другой для его высочества.

⁷⁰ Ховен Константин Егорович (1801–1855), командир 2-й бригады 7-й легкой кавалерийской дивизии, участвовавшей в смотре; позже генерал-лейтенант, сенатор.

Путешествие его есть путь благотворений. Сейчас получили мы известие, что государь наследник, проезжая деревню Ведерню (в Тверском уезде Прибытковской волости),⁷¹ зашел в курную избу крестьянина Гаврилы Козьмина и спросил у него щей. Отведав их и увидав, что в них нет мяса, заметив также, что изба его худо покрыта, спросил о причине его бедности. Когда крестьянин объяснил, что одиночество его и другие обстоятельства этому виною, его высочество пожаловал ему 100 рублей, а потом, узнав, что за ним есть податная недоимка, еще пожаловал ему 50 рублей и, сверх того, вызвался быть крестным отцом первого сына, который у Козьмина родится и которого приказал назвать Александром.

⁷¹ Д. Ведерня, казенного ведомства 3-й Прибытковской вол., 40 дворов, 307 человек (*Добровольский И.* Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1901; *Духовенство и приходы города Твери и Тверского уезда. 1801 год: Клировые ведомости / редкол.: Т. Г. Леонтьева (отв. ред.) и др.* Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008).

ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ СОЛНЦЕВ

[1830-е]

Солнцев Федор Григорьевич (1801, с. Верхненикульское Мологского у. Ярославской губ. — 1892, Петербург), художник-археолог, академик исторической и портретной живописи Академии художеств. Родился в семье крепостного, учился в Академии художеств (1815—1824). Заметив талант Солнцева, вице-президент Академии А. Н. Оленин сделал его иллюстратором своих сочинений по русской археологии, что и определило его дальнейшую деятельность. Во время художественно-археологической экспедиции по старинным городам России (1830-е) Солнцев посетил Вышний Волочек, Торжок, Осташков, Ржев, Тверь, Корчеву и привез более 3 000 акварелей, запечатлевших древнерусское искусство и народный костюм. Эти материалы были опубликованы в издании «Древности Российского государства» (1849—1853), подготовленном Солнцевым и осуществленном при поддержке Николая I. Солнцев готовил рисунки, а обработку текста осуществили А. Ф. Вельтман и И. М. Снегирев. Значительно больше тверских материалов вошло в альбом «Одежды Русского государства» (1869). Рисунки Солнцева запечатлели тверскую этнографию 1830-х гг. и дополняют описание костюмов жительниц Тверской губернии в путешествиях Глушкова и Ишимовой. Текст и иллюстрации печатаются по изд.: Солнцев Ф. Г. Древности Российского государства. Отд. IV: Древние великокняжеские царские, боярские и народные одежды, изображения и портреты. М.: Тип. А. Семена, 1851. С. 80—83; Отд. IVа. № 28—31, 33, 34; Солнцев Ф. Г. Одежды Русского государства. СПб., 1869. Из раздела «Народные одежды».

ТОРЖКОВСКИЕ И ДРУГИЕ

СТАРИННЫЕ НАРОДНЫЕ НАРЯДЫ

Не столько мужские, сколько женские наряды в Торжке, Твери, Тихвине, на Беле-озере и Рязани, служа вывескою местного вкуса и обычая, напоминают нам старинный русский быт, из коего они вышли. При сличении их с нарядами в других губерниях откроется сходство одних с другими или различие, определенное различием

вкусов и нравов. С Петра I начали заменяться отечественные старинные наряды иноземными и вместе с тем стало распространяться влияние заграничной моды; тогда наряды цариц, боярынь и купчих, дотоле общие, отделились одни от других. По городам еще отчасти удержались старинные наряды в купеческом и мещанском сословиях. Чужестранные путешественники по России и наши академики мимоходом касались сего предмета русской народности.¹ Екатерина II столь уважала народные костюмы,² что даже велела себя изобразить на медали, выбитой по случаю издания Наказа,³ в старинном наряде калужских гражданок.⁴

Не распространяясь об иногородном мужском наряде, коснемся женских нарядов.

Головной женский убор составляют: волосник, повойник, начельник, поддубрусник, кичка, кокошник, сорока, венец, треух, шапка и фата.

Волосником обыкновенно называется повязка, делаемая из холста или других тканей, для того, чтобы не марался от волосов верхний головной убор и чтобы волосы не клокатились. Подобные волосники видим на изображениях № 30 и 34. Сверх волосника надевался *повойник*, или *оповойник*, к коему прикрепляется подзатыльник, украшенный бисером и блестками, как изображено на рисунке № 28.

Кокошники торжковских и тверских женщин, также в Калужской, Ярославской и других губерниях, ходят на полумесяц, обращенный вниз концами; обращенный же концами вверх называется *сорокою*. В других губерниях они круглые или клинообразные. Передняя его площадка, или сторона, бывает вся унизана жемчугом, иногда драгоценными камнями (поднизью), по краям выложена золотыми позументами.

¹ См., напр.: *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. СПб., 1799; *Рехберг К.* Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи. Париж, 1812—1813 (на франц.); *Бретон Ж.-Б.* Россия, или Нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи. Париж, 1813 (на франц.).

² На портрете 1773 г. (гравер В. Дикинсон) Екатерина II изображена в кокошнике.

³ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения 1767 г.

⁴ См.: *Гаврилова Л. М.* Роль императрицы Екатерины II в развитии русского медальерного искусства // Филимоновские чтения. Вып. 2. М., 2004. С. 210—229.

Этот головной убор, по-видимому, заимствован от татар или, по крайней мере, был у них в употреблении. По свидетельству Плато Карпина, «татарки носили на голове нечто круглое, сделанное из ивы или древесной коры; этот убор покрывался клеенкой красного цвета». ⁵ Брэйи в путешествии своем по России говорит, что головной убор у астраханских татарок остроконечный, похожий на митру, весь покрыт червонцами, а по краям унизан жемчугом в несколько низок, который висит наподобие плетешков. Убор этот и часть туловища татарки покрывают тонкою белую тканью. ⁶ Подобная наметка у русских называется *фатою*, иногда *флерами*, как, напр<имер>, в Твери, № 34.

Кокошник служит символом замужства; в деревнях после венчания, доньине еще, завив новобрачной волосы в две косы, надевают на нее кокошник с приговором: «вот тебе кокуй, с ним и ликуй!»

В других губерниях вместо кокошника носят *кики* или *кички*, которые по большей части имеют вид открытой короны, испещренной спереди золотыми позументами, жемчугом или бисером и драгоценными камнями, см. № 28 и 30. Подобный головной убор носили русские царицы. В описи казны царицы Евдокии Лукьяновны ⁷ встречается: «кика отлас червчат, на нем запоны золоты с камнем с алмазы и с яхонты и с изумруды, а поднизи зерна гурмыцкие на золотых спиях, назади бархат черный. 7128 <1620> г. ноября в 3 день сию кикю пожаловал дщери своей царевне великой княжне

⁵ Собрание путешествий к татарам в XIII, XIV и XV столет<иях>. СПб., 1825, в 4. — *Прим. автора.*

Историческое сочинение Иоанна де Плато-Карпини, которого папа Иннокентий IV посылал к татарам в 1246 году // Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях / сост. Д. Языков. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1825. Джованни Плато Карпини (Иоанн из Пьян дель Карпине, ок. 1182–1252), итальянский францисканец, первым из европейцев посетил Монгольскую империю и оставил описание своего путешествия.

⁶ *Voyages de Cornelius Le Brun par la Moscovie on Perse et aux Indes orientales*, Amsterd<am>. 2 t. 1718, in-f. — *Прим. автора.*

Корнелис де Брюйн (1652–1727), голландский художник и писатель, описал два своих путешествия на Восток в книгах с собственными рисунками, в которых запечатлел одежду, праздники, свадьбы, питание, средства передвижения: «*Reizen van Cornelis de Bruyn door de vermaardste Deelen van Klein Asia*» (Путешествие Корнелиса де Брюйна в Малую Азию, 1698) и «*Reizen over Moskovie, door Persie en Indie*» (Путешествие через Московию в Персию и Индию, 1711).

⁷ Евдокия Лукьяновна (1608–1645), вторая жена царя Михаила Федоровича (1626), мать царя Алексея Михайловича.

Ирине Михайловне.⁸ Еще кика белая, у ней запоны золоты с камнем с яхонты и с лалы и с изумруды и с бирюзами, назади со-боль». <...>

Употребительнейшее и древнейшее женское платье в России есть сарафан, изображенный на рисунках № 29, 30, 33 <...> Эта одежда без рукавов, с проймами, сверху донизу застегнутая медными или серебряными пуговицами. Смотря по состоянию, она шьется из тканей более или менее ценных; по краям и середине обшивается гасами или позументами, нередко подпоясывается шелковой опояской, на коей хозяйки обыкновенно носят ключи. В Твери сарафан называется *ферезью*. В числе царских мужских одежд XVII века встречается и сарафан, который описан в кроильной книге 1637, июня 20 следующим образом: «скроен государю сарафан тафта червчата, длина сарафану 1 арш<ин> 15 вершк<ов>, позади длина 1 ар<шин> 13 верш<ков>, в плечах ширина 1 ар<шин> 1 1/2 вер<шка>, рукава длина 1 ар<шин> 6 вер<шков>. Тафты вышло 7 1/2 ар<шина>, подпушка тафта желта 1 1/2 арш<ина>, нашивка сверху пуговики втышные обшиваны золотом пряденым, внизу 3 гнезда, шелк зелен с золотом пряденым, деланы в мастерской палате». В кроильных книгах 1641 г. также упомянут *сарафанец* из желтой тафты с пуговицами из пряденого золота.

Сарафан круглый, бористый, т. е. с частыми складками назади, называется шубкою.

Сверх сарафана и шубки надеваются летом душегрейки без рукавов, известные в Твери более под названием фуфаек, см. № 29, зимою — епанечка с рукавами, см. № 28. На рисунке № 34 видны у тверской девицы на руках рукавички, коими она, по принятому обычаю, закрывает лицо. Такие рукавички шьются из бархата, с собольей опушкой. <...>

На ногах носят то босовики, то бахилы и башмаки.⁹

⁸ Ирина Михайловна (1627–1679), старшая из семи дочерей царя Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны.

⁹ Ср. описание новоторжского и тверского женского костюма у Глушкова.